

смена

август 2004

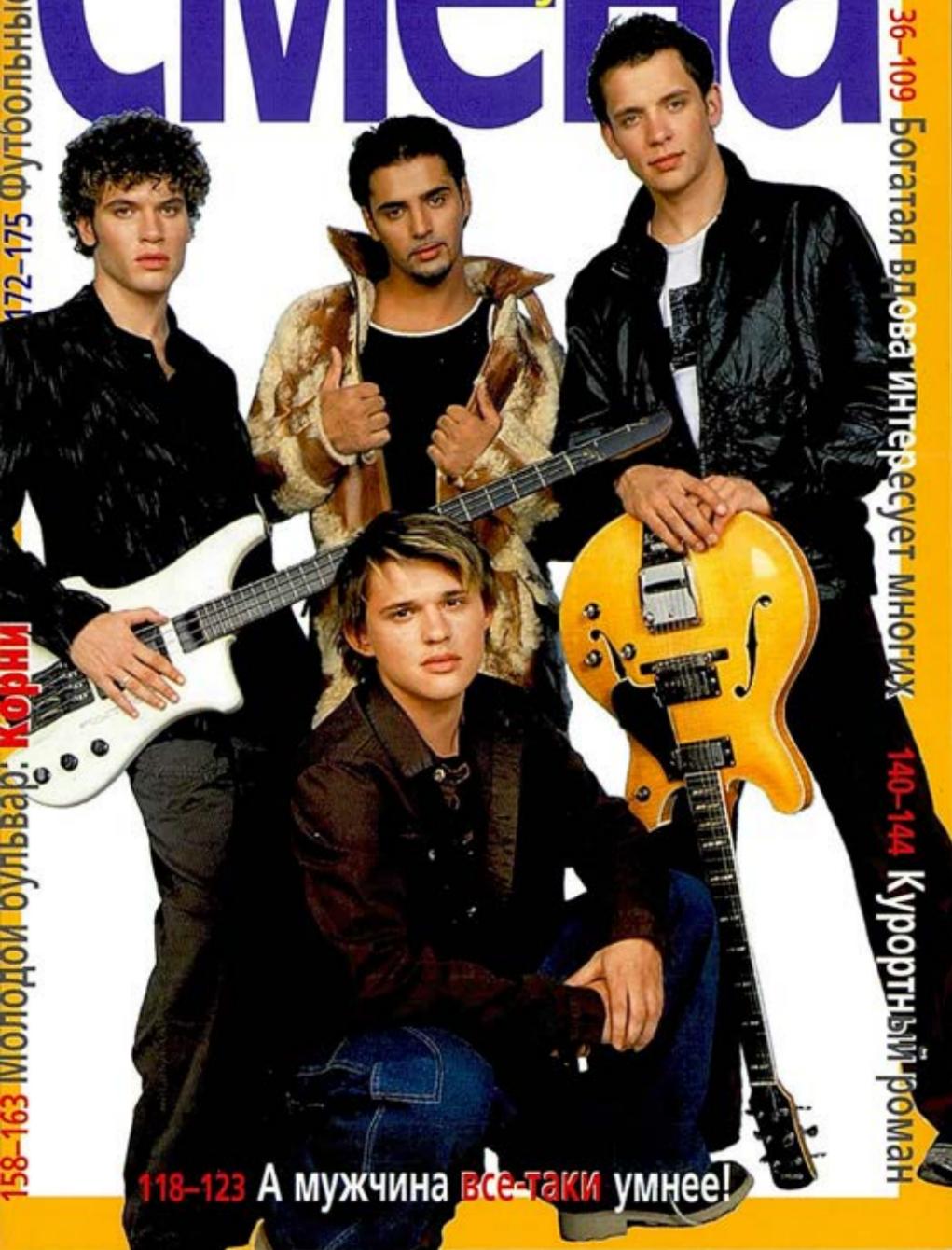
172-175 Футбольные дни

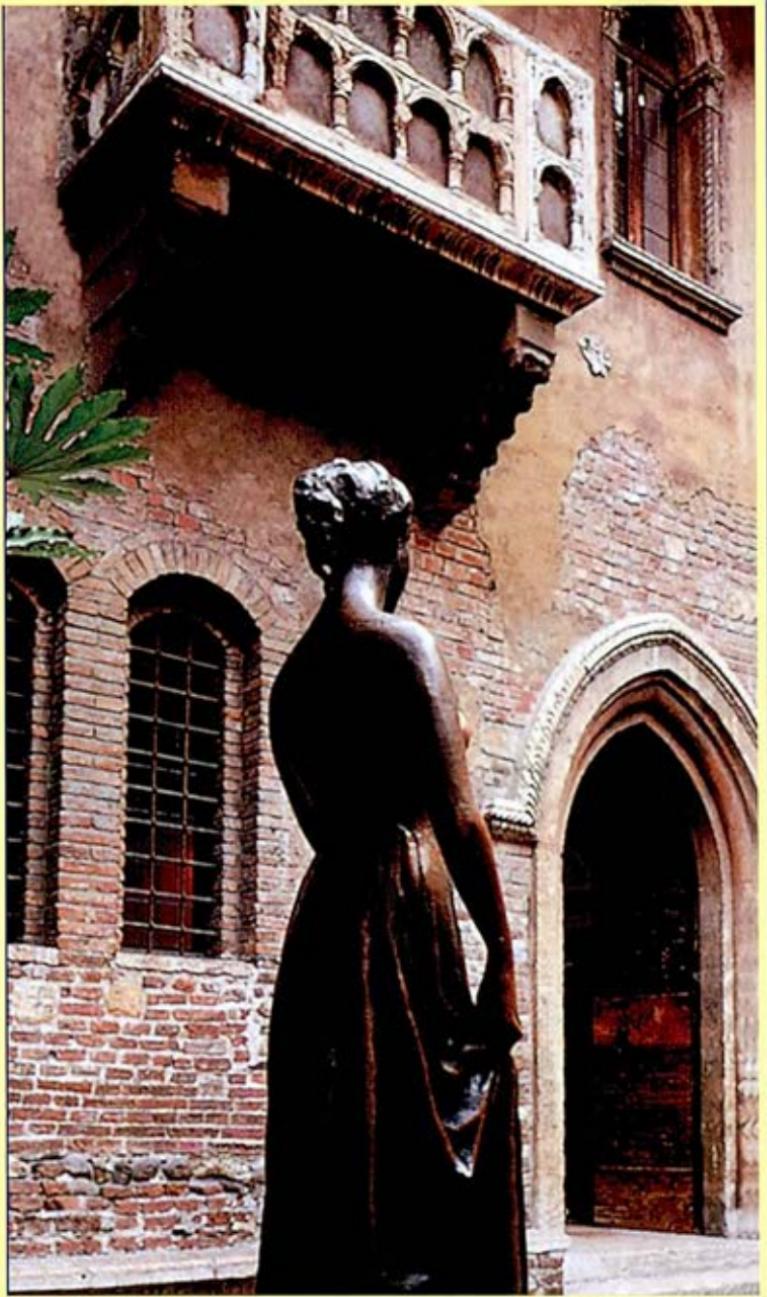
Корни

118-123 А мужчина все-таки умнее!

36-109 Богатая вдова интересует многих

140-144 Курортный роман

Верона Памятник Джулietте
стр.4-11

**Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал**

Основан
в январе
1924 года.

главный редактор

**Михаил
Кизилов**

редколлегия

**Николай
Левичев**

главный художник

**Виталий
Федоров**

зам. главного редактора

**Тамара
Чичина**

Сдано в набор 15.06.2004.
Подписано к печати 19.07.2004.
Печать офсетная.
Заказ № 9098
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smeна-id.ru

www.smeна-id.ru

Отдел распространения:

257-31-37,

sales@smeна-id.ru

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Per.№ 014832

**Учредитель —
ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"
Отпечатано в ФГУП "Смоленский
полиграфический комбинат"
по адресу: 214020, Смоленск,
ул. Смольянинова, д. 1.

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2004.

наследие веков

Игорь Опарин

4 Верона — город любви

Ирина Опимах

12 Андрей Рублев

рассказ

Леонид Млечин

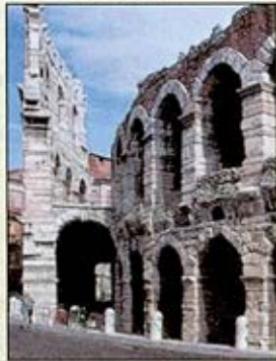
118 Главная роль

▼ стр. 140

стр. 158 ►

стр. 4 ►

стр. 12 ►

издалека

Любовь Русева

26 Импровизатор чудес

расследование

Игорь Гамаюнов

118 Маленькая заказчица

поэзия

Сергей Гончаренко

110 Стихи

зарубежный рассказ

Ричард Картис

124 Как стать знаменитым

остросюжетный роман

Светлана Бестужева

36 Компромат из компьютера

◀ стр. 26

▼ стр. 164

молодой бульвар

Полина Теслер

140 Солнечный удар

Лариса Абнарова

145 Мужская работа

Кирилл Подоляк

149 Навстречу волнам

Екатерина Постникова

154 Звезды и люди

Ольга Быстрых

158 Корни "на века"

Алла Пустынова

164 Мини-диктат

Анастасия Шарапова

172 Пол футболу не помеха

Сергей Чекмаев

176 Лебедь на обложке

Рассказ

Светлана Бестужева

КОМПРОМАТ ИЗ КОМПЬЮТЕРА

Я закрыла глаза, потому что на меня вдруг навалилась невероятная усталость. Сейчас он прочтет текст, поймет, что мне слишком много известно, и... А мне вдруг так захотелось жить. Еще неделю назад мое желание было прямо противоположное. Что ж, значит кто-то послушал мои мечты и теперь будет их реализовывать. Что хотела, то и получу..." Читайте окончание романа Светланы Бестужевой "Компромат из компьютера".

сентябрь'2004

АНОНС: 9

верона

город любви

■ Верона — удивительный город, и недаром тысячи туристов ежегодно приезжают в этот, в общем-то, провинциальный итальянский городок. И все объясняется не только его богатой историей (у какого старинного итальянского города ее нет!) и архитектурными шедеврами (их тут столько, что человеческой жизни не хватит на изучение), нет, дело в

том, что для всего мира Верона уже давно стала городом Любви, — ведь именно здесь жили легендарные Ромео и Джульетта, герои великой трагедии Шекспира.

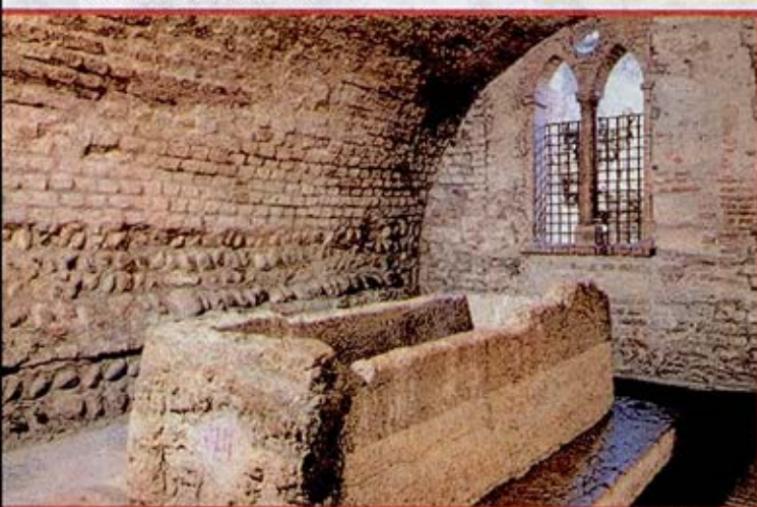
“Живописность Вероны, ее редкая даже в благословенной стране живописность, слагается не только из элементов природы, жизни и веяний времени.

Всякое человеческое деяние стоит здесь на каком-то высшем артистическом уровне, и всякое человеческое жилище становится здесь произведением искусства. Улицы и дома Вероны прекрасны, их стены богаты золотом и пурпуром старого камня, старых фресок, исполненных рукой веронского мастера Чинквеченто; бессчетны, как

ни в одном городе, балконы в этом городе Ромео и Джульетты. Дворцы Санмикиeli чередуются с хрупкими формами раннего Ренессанса, готические церкви поднимают высоко свои нефы, романские порталы покоятся на спинах химер...” — так “писал” о Вероне замечательный русский искусствовед П.П. Муратов. А как хороша веронская

Пьяцца Эрбе — пожалуй, она не хуже венецианской Сан-Марко. Или древняя Арена, сравнимая с римским Колизеем! Здесь и сейчас устраиваются грандиозные зрелища, ставятся оперные спектакли, в которых за честь почитают участвовать лучшие голоса мира. А река Аидж, так похожая на Арно! Величественный Дуомо, главный собор, и базилика Сан Зено, и готические Сан Фермо и Санта Анастасия... Удивительный город, в котором жили Катулл, Данте, Пизанелло и Мантенья, город, в котором царит любовь и красота, где даже преступления, как утверждают герои одного из романов популярного современного французского писателя Шарля Эксбрайи, совершаются исключительно из-за любви...

Гробница Джулльетты.

Издревле на землях Вероны жили люди, трудно даже определить, когда здесь появились первые поселения, но точно установлено, что в 1 веке до н.э. сюда пришли римляне, и Верона стала римской колонией. От той эпохи в городе остались многочисленные сооружения, и сейчас поражающие своей грандиозностью, — амфитеатр, театр, арки, ворота, мост; благодаря этим величественным постройкам Верона по праву считается самым римским городом Италии после Рима. Город играл важную роль в империи, и не случайно именно на этой земле происходили великие сражения — императора Клавдия и германцев в 268 году, императора Констан-

тина и Масенция в 312 году и многие другие. Верона была и важным культурным центром, здесь, например, жил великий римский поэт Катулл.

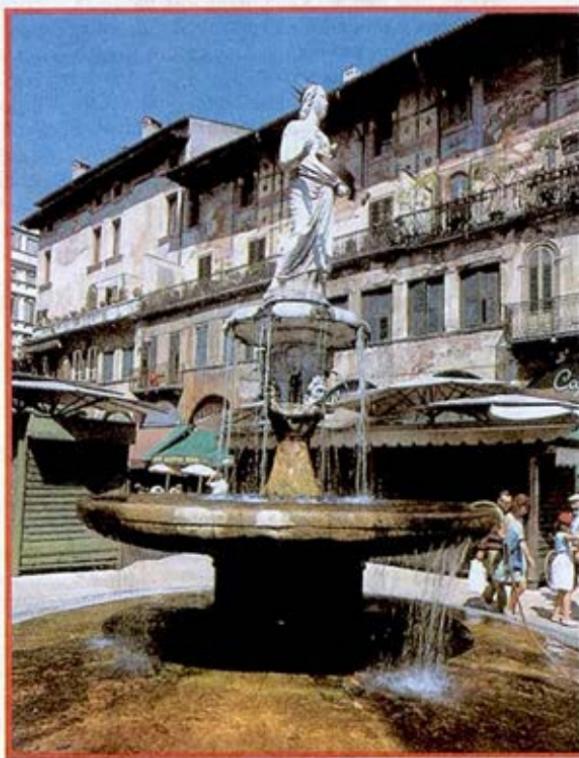
И в средние века город не потерял своего значения — он находился в центре всех важнейших событий европейской истории. Именно в Вероне жил король Теодорих, а потом король лонгобардов Альбуин, которого убила его жена Розамунда. Очень нравился этот город и сыну Карла Великого Пипино. Здесь томилась в темнице Аделаида Бургундская, которую освободил германский император Оттон I.

В начале XII века в Вероне возникла Коммуна. Несмотря на то, что город оказался в центре ожесточенной борьбы сторонников императора и папы, а, кроме того, междоусобных войн с соседними городами, начался небывалый экономический и культурный расцвет. В 1164 году под эгидой Веронской лиги объединились венецианские города, дабы противостоять германскому императору Фридриху Барбароссе.

В 1262 году во главе города стал неизвестно откуда взявшийся Леонардо дела

Скала, по прозвищу Мастино — его жители Вероны избрали "capitano del Popolo", народным предводителем. С тех пор в городе установилась власть герцогов Скала, Скалиджери. Время было жестокое, и преступления в Вероне совершились не только во имя любви, но из-за неуемной жажды власти и богатств... Долго править Мастино не удалось — его предательски убили на улице, в нескольких шагах от собственного дома, под аркой, до сих пор носящей название "Арка жестокости". Его наследником стал брат Альберто. Герцоги Скала были честолюбивы и умны, и уже в конце XIII века Вероне подчинились Мантуя, Реджио, Парма, Винченца и еще несколько итальянских городов. Стремясь укрепить престол и династию, Альберто женил своего старшего сына Бартоломео на внучке Фридриха II, а младшего — на дочери миланского герцога Маттео Висконти. После смерти Альберто — ему, к счастью, удалось умереть в своей постели — на трон вступил Бартоломео. В гостях у этого Скала бывал великий Данте, и именно о нем писал поэт в семнадцатой песне "Рая": "Твой первый дом в скитальческой судьбе / Тебе создаст Ломбардец знаменитый / С орлом святым над лестницей в гербе".

Однако дом Скалиджери достиг своего могущества не при нем, а при младшем из сыновей Альберто — Кангранде, удачливом военачальнике и искусном политике. Он расширил пределы своего государства, теперь в него входили еще и Бассано, Падуя и Тревизо. Он стал признанным вождем половины итальянских городов. О таком правителе, способном объединить Италию и положить конец мучившим ее междуусобицам, мечтал Данте. Он часто появлялся при дворе Кангранде, а он представлял весьма живописное и довольно редкостное зрелище. "Кангранде соединял вокруг себя, — рассказывает один из историков того времени, — тех выдающихся людей, которых преследования судьбы заставляли покинуть родину. Но он

также содержал и музыкантов, шутов и других увеселителей, которых придворныесыпали большими знаками внимания, чем людей, известных своими деяниями и ученоностью... Различные покои были отведены знаменитым и несчастным изгнаникам во дворце, и покои были отмечены специальными символами — Триумфа для воинов, Роши муз для поэтов, Меркурия для живописцев, Рая для проповедников и для всех — переменчивой Фортуной. С почетом принимал Кангранде и своих знаменитых военных пленников. Все они имели слуг и пользовались в равной мере хорошим столом. Временами он приглашал их к своему собственному столу, особенно часто — Данте... "Но надо сказать, что не гуманистические идеи руководили веронским герцогом — сугубо политические мотивы заставляли его собирать вокруг себя смутьянов, мятежников и изгнаников со всей Италии. И видно, не всегда им, погруженным в свои тревоги и волнения, было уютно при дворе Скала, недаром Данте за них всех жаловался на горькие мгновения, когда "солон кажется чужой хлеб и трудна лестница в чужом доме".

Кангранде умер внезапно, когда ему еще не исполнилось и сорока лет. Причина смерти до сих пор остается загадкой. Половина замыслов герцога осталась не реализованной. Известный английский историк и искусствовед Джон Рескин так писал об этом несомненно выдающемся человеке: "Он укрепил Верону против немцев, опоясал ее рвами, вырубленными в скалах, воздвигнул башни и стены. Он создал царственный и щедро гостеприимный двор. Он сделался... покровителем благородных изгнаников всех других государств. Овладев после жестокой борьбы Винченцией сперва, затем Падуей, он с помощью силы или хитрости покорил Фельтре, Боскано и Беллuno и умер тридцати семи лет от роду, покушав яблок в слишком жаркий день 1329 года".

У Кангранде не было сыновей, и ему наследовали племянники — Мастино II, честолюбивый, жадный, и Альберто, любитель роскоши и наслаждений. С их появлением звезда герцогов Скала закатилась.

Мастино доверил брату Падую, и это его решение сыграло роковую роль в судьбе Скалиджери. Альберто, проводя время в праздности и забавах, соблазняя женщин и

предаваясь грехам, не заметил, что один из его приближенных, Марсилио Каррага, по томок прежних правителей Падуи, коварный и злопамятный человек, ненавидит его. Альберто послал Марсилио со специальным поручением в Венецию. И вот однажды Марсилио, сидя на приеме рядом с дожем Дандоло, шепнул своему соседу: "Мне надо кое-что вам сказать". Дож уронил салфетку, и когда оба склонились, якобы чтобы ее поднять, Марсилио тихо спросил Дандоло: "Что бы вы дали тому, кто отдаст вам Падую?" "Владение ею", — ответил дож. Вдохновленный Марсилио, вернувшись домой, тут же принял готовить переворот.

Мастино, осторожный и проницательный, почувствовал опасность измены и послал брату письмо с приказом арестовать Марсилио. Альберто вручили письмо, когда он был занят игрой в шахматы. Не желая отрываться от любимого занятия, он передал письмо Марсилио, чтобы тот прочел его и изложил содержание. Марсилио, быстро сообразив, что делать, сказал, что Мастино просит прислать новых соколов для охоты, тут же вышел из зала и привел в движение все пружины уже сложившегося заговора. Городские ворота открыли для венецианской армии, и Верона навсегда потеряла Падую, а Альберто дела Скала стал пленником Венеции.

Между тем Флоренция и Венеция, озабоченные могуществом Вероны, объявили ей войну, во время которой Мастино лишился Бергамо и Бреции, Беллuno и Фельтре, Пармы и Луки. Неудачи привели его в такое бешенство, что однажды, в припадке гнева, он заколол своего родственника епископа Бартоломео дела Скала, и по преданию, после этого он никому не показывал открытым своего лица — даже жене.

Его наследник Кангранде II, суровый и жестокий правитель, нещадно подавлявший любые попытки протеста своих подданных, был не счастливее отца. Умер этот Скала от руки своего собственного брата Кансиньорио, который мечтал завладеть как его престолом, так и его женой, что ему блестяще удалось. Кансиньорио был настоящим злодеем: чтобы обеспечить трон своим незаконнорожденным детям, он заточил в темницу другого своего брата и там его убил. При всем при том этот Скала оказался разумным политиком и усердным строителем, при

нем в Вероне были построены многие замечательные сооружения Вероны и знаменитый фонтан на Пьяцца Эрба.

Но Бог явно не благоволил к герцогу и накридал его слабым здоровьем. Смерть пришла к нему очень рано. Кансиниорио наследовали его горячо любимые сыновья, Бартоломео и Антонио, продолжившие милье традиции семейства — после шести лет совместного правления один из них убил другого. И надо отметить, что это убийство даже на фоне столь богатой на страшные злодеяния истории Вероны выглядит поистине чудовищно.

Бартоломео, которого его подданные искренне почитали, был влюблён в девушку из семейства Ногарола. Однако девушка любила другого — молодого человека из рода Маласпина. И вот однажды, в июле 1381 года, Бартоломео вернулся с охоты — уставший и разочарованный. Он рано лег спать и не заметил, что в его покоях спрятались убийцы, подосланые его братом Антонио. Бартоломео, а также его секретаря и друга зарезали во сне, тела завернули в черные плащи и подбросили неподалеку от дома Ногарола.

На следующее утро вся Верона негодовала и скорбела. Антонио, теперь безраздельно господствовавший на троне, торжественно поклялся, что отомстит за гибель брата. По его приказу члены семейств Ногарола и Маласпина были схвачены и преданы суду. Несмотря на страшные пытки, никто из них не сознался в преступлении. Девушка и ее возлюбленный умерли в страшных мучениях. А по городу поползли слухи о том, что истинным виновником злодеяния является сам герцог...

Пытаясь заставить город забыть обо всем, Антонио устроил пышные празднества по поводу своей свадьбы — он женился на дочери правителя Равенны Самаритане, красивой, изнеженной и избалованной даме, про которую рассказывали, что даже чулки ее украшали роскошные рубины и сапфиры. В Верону она въехала на белом коне, в ослепительно белом платье, усыпанном алмазами. Празднства длились 27 дней. На древней сцене веронской Арены разыграли блистательное представление — соорудили "Замок любви", и девицы и дамы знаменитейших фамилий обороны его, защищаясь цветами, душистыми водами и сластями от нападений молодых веронцев.

Однако ничто не могло помочь герцогам Скала сохранить власть. Ни пиры, ни празд-

нества не принесли им преданных друзей. В ноябре 1387 года Антонио бежал с семьёй из Вероны, и в тот же день знамя Висконти было водружено над его замком. А по прошествии еще двадцати лет Верона отошла в руки Венеции.

Так закончилась, наверное, самая захватывающая страница в истории Вероны.

Прошли века после владычества могущественных Скала, и теперь их прах покончился в величественных гробницах под сводами базилики Сан Зено, и взирают на них суровые образы Андреа Мантеньи...

Венеция правила Вероной почти четыре века. В XVIII веке Венецианская республика пала, и Верону оккупировали войска Наполеона. В 1797 году веронцы подняли восстание против французов, вошедшее в историю под именем "Веронской пасхи", в 1814 году город подпал под власть Австрии. Началось время господства Габсбургов, время восстаний, заговоров и казней, но превзошли по хитрости Скалиджери новые правители Вероны не смогли. Прошло более полувека, и только в 1866 году город окончательно и навсегда вернулся в Италию.

Верона испытала на себе тяготы двух мировых войн, она знала, что такое бомбардировки, пожары и страшные разрушения, но сумела чудесным образом возродиться почти из пепла и воскреснуть. Ныне она снова восхищает своей красотой как веронцев, так и множество гостей...

Но, наверное, полная драматизма история Вероны не смогла бы принести ей той славы, которую она имеет в наше время. Этот итальянский город знает весь мир благодаря великому англичанину — Шекспиру и героям его бессмертной трагедии "Ромео и Джульетта".

Впервые имена влюбленных появились на страницах книги Луиджи да Порто "История благородных любовников". Джироламо дела Корта в "Истории Вероны" утверждал, что Ромео и Джульетта — реальные люди, жившие в эпоху упадка дома Скалиджери, и все, происшедшее с ними — истинная история. Затем этот сюжет переходил от одного автора к другому, и, наконец, попал к Шекспиру, создавшему великую трагедию, которая вот уже более пяти веков не сходит со сцен театров мира.

И сейчас в Вероне вам обязательно покажут места, связанные с историей шекспировских героев. На улице Арке Скалиджери

стоит дом Ромео. Этот дом принадлежал влиятельному веронскому семейству Монтекки (Монтекки). У него есть наружная зубчатая стена — в смутную эпоху междуусобиц и заговоров дом использовался и как крепость. В XIV веке дом принадлежал клану Ногарола, а затем был конфискован в пользу дела Скала.

Недалеко от Пьяцца Эрба — высокое здание XII века, вход которого украшает старинное мраморное изваяние в виде шляпы — герб рода дель Капелло. По преданиям, здесь жило семейство (Капелло) Капулетти. В 1667 году Капелло продали дом семье Риззарди, с тех пор у него сменилось множество хозяев, какое-то время здесь был даже постоянный двор. В 1844 году Чарльз Диккенс посетил Верону и ему конечно же показали "дом Джульетты". "Я отправился осмотреть старинный дворец Капулетти. Теперь это жалкая харчевня. Двор полон ветхих экипажей, повозок, гусей и свиней. Сад отгорожен стеной... Ничто не напоминает о прежних владельцах, и кухонную дверь украшала весьма несентиментальная дама. Но легенды о вражде двух семейств еще живы", — писал английский писатель. В 1907 году дом купил город, чтобы устроить в нем музей. Реставрационные работы шли до 90-х годов. И теперь тут восстановлено убранство XIV века, а во дворике установлена бронзовая скульптура Джульетты. Туристы, которых здесь всегда множество, отполировали до блеска грудь бронзовой Джульетты, — считается, что прикосновение к статуе приносит удачу в любви, и все, как правило, норовят прикоснуться почему-то к девичьей груди. Тут же вам покажут и знаменитый балкон Джульетты.

Каждый год 16 сентября в старинном здании на Виа Капелло празднуют день рождения шекспировской героини. А недавно здесь стали проводить и церемонии обручения — в костюмах времен Ромео и Джульетты влюбленные пары и их друзья торжественно обмениваются кольцами и получают свидетельство об обручении.

Шекспир рассказывал, что тайное венчание Ромео и Джульетты происходило в старом францисканском монастыре Сан Франческо, там же они похоронены. Ступеньки ведут в полуумрак подземного помещения, где стоит саркофаг — тут, по преданиям, похороняется Джульетта. Здесь принято оставлять

цветы и короткие послания. Конечно, саркофаг — всего лишь символ трагедии великой любви, но это живой символ! Саркофага касались руки Гете и мадам де Стель, Гейне и Диккенса, Марии Каллас и Галины Улановой, сумевшей так трепетно, так трогательно воплотить образ юной веронки в гениальном балете Прокофьева.

В 1938 году смотрителем Сан Франческо стал Этторе Солимани. Этот удивительный человек, большой романтик и идеалист, посвятил свою жизнь шекспировским героям и любимой Вероне. Двадцать лет он неустанно добивался того, чтобы Сан Франческо стало настоящим местом паломничества влюбленных в Любовь, в ее силу и ее бессмертие. На свои деньги он купил и посадил во дворике сорок кустов красных роз и приобрел две дюжины горлиц, привив их садиться на плечи приходящим к Джульетте влюбленным. В особых книгах он просил посетителей что-нибудь написать для Джульетты (и теперь там есть записи от Греты Гарбо и Мишель Морган, Лоуренса Оливье и Вивьен Ли, а также многих других знаменитых и не очень людей). Как-то, перечитывая эту книгу, Солимани увидел, что многие оставляют свои адреса, и стал отвечать от имени Джульетты. Солимани знал несколько языков и обладал житейской мудростью — он прошел войну, видел страдания и смерть, видел низость людей и высочайшие взлеты души, — ему было что сказать людям. Так началась поразительная переписка, переписка реальных людей и литературного персонажа, и теперь, когда Солимани уже нет в живых, его дело продолжают члены веронского клуба Джульетты.

Возможно, у вас возникли проблемы в жизни? Тогда приезжайте в Верону, походите по ее улочкам, посидите у фонтанов, наблюдайте за тем, как светится любовь на лицах молодых и не очень молодых влюбленных, назначающих свои свидания в живописных уголках города, загляните в очаровательные ресторочки, в величественные соборы, зайдите в гости к Ромео и Джульетте, и вам обязательно станет легче на душе. В этом городе Любви просто невозможно в нее не верить... Ну, а если съездить в Верону пока не получается, напишите письмо Джульетте. Адрес простой:

Club di Giulietta Via galilei, 3

37133 Verona Italia

Вам обязательно ответят.

АНДРЕЙ РУБЛЕВ

и подновляли иконы, а порой просто переписывали их заново, прямо поверх утратившего краски изображения. Вот почему все знали, что жил на Руси такой удивительный мастер, Андрей Рублев, но никто уже давно не имел счастья лицезреть его образа. И когда Гурьянову удалось расчистить маленький кусочек "Троицы" (окончательно работы закончились в 1924 году), ученые, да и не только — все русское общество было просто потрясено: миф обрел смысл, стало ясно, что Рублев действительно был великим художником, которого смело можно сравнивать с его современниками, мастерами итальянского Возрождения. И его

В мировом искусстве много громких имен, много художников — талантливых, ярких, но мало кому удалось создать произведения, несущие такую проникновенную любовь к людям, такую мудрость и добро, как это получилось у Андрея Рублева. Он занимает в истории русского искусства и вообще русской культуры особое место, он стоит рядом с Пушкиным, поскольку, как писал Д.С. Лихачев, "национальные идеалы русского народа полнее всего выражены в творениях двух его гениев — Андрея Рублева и Александра Пушкина. Именно в их творчестве отчетливее всего сказалась мечта русского народа о самом хорошем человеке, об идеальной человеческой красоте" ... В искусстве Рублева — вера в человека, в его нравственные силы, в его способность к самопожертвованию во имя высоких идеалов. И именно поэтому его творения вошли в сокровищницу не только русской, но и мировой живописи.

В 1904 году Василий Гурьянов, известный реставратор и знаток русской иконы приступил к расчистке образа Пресвятой Троицы, созданного в XV веке легендарным иконописцем Андреем Рублевым. Художник этот прославился еще при жизни, но икон его по сути никто не видел уже несколько сотен лет — дело в том, что хранились они под окладами, а кроме того, записаны поздними наслоениями. Олифа, которой покрывали иконы, со временем темнела, искала колорит изображений, поверхность портилась от копоти лампад и свечей, а еще был дым от кадившегося ладана, потому иконописцы частенько

и греческие мастера, и у них можно было многому научиться. Молодого и способного чернеца Рублева заметили московские власти и привлекли его к работам в Кремле. В 1405 году в летописях появляется первое упоминание о Рублеве — весной этого года Феофан Грек, Прохор-старец с Городца и чернец Андрей Рублев расписали только что построенный Благовещенский собор в Кремле. Управлял работами, конечно же, Феофан, прославленный греческий мастер, но то, что Андрей упомянут в летописи, говорит о том, что он уже стал известным мастером. Да и Феофан не взял бы его в свою команду, если бы не ценил.

В тех работах еще ощущается сильное влияние византийской традиции, но видно, что Рублев — настоящий художник, он уже перерос своего старшего собрата, его композиции смелее, живопись — выразительнее.

В 1408 году московский князь решил украсить фресками старый, сильно разрушенный татарами еще в 1238 году Успенский собор во Владимире. Феофана к этому времени не было в живых, и выбор пал на отличившегося при росписи Благовещенского собора Андрея. С собой во Владимир Рублев взял друга, тоже монаха Андronикового монастыря Даниила Чёрного. В летописи есть даже точная дата начала работ — 25 мая. Расписывать храмы всегда начинали весной, когда воздух становится суще и теплее. И опять имя Рублева летописец записал не первым — видно, Даниил был старше, но, несмотря на молодость, именно Рублев руководил всеми работами. У него уже есть помощники и ученики, он — признанный мастер.

Здесь, во Владимирском Успенском соборе, художнику предстояло написать Страшный суд и именно здесь, по сути впервые, он смог выразить свою философию, свое понима-

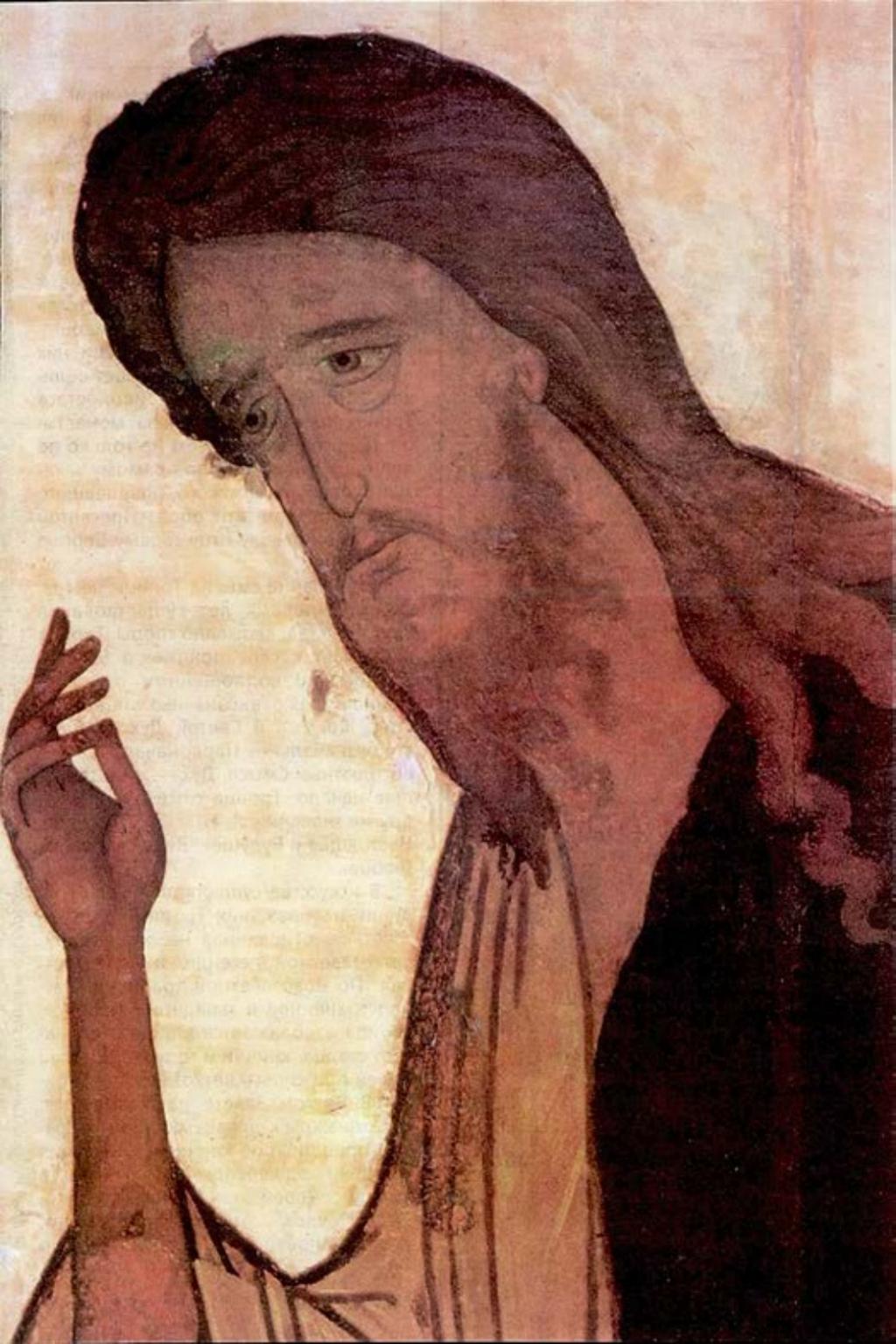
ние мира и места человека в нем. Рублев окончательно порывает с византийской традицией, в соответствии с которой Бог — грозный и неподкупный Судия, выносящий строгий приговор людям, и никакие мольбы о прощении не могут спасти страждущих. Страшен во гневе Господь! — гласили все фрески до Рублева. Христос Андрея — совсем иной. Он прежде всего добр и милостив, Он сострадает людям, слышит их молитвы, Он несет им надежду на прощение и веру в грядущее блаженство. Роспись Рублева пронизана радостью. Картины адских мучений его занимают мало, зато с удовольствием пишет он сонмы прославляющих Создателя праведников, апостолов, святителей, которых апостолы провожают в рай, и пленительных ангелов. У византийских мастеров образы отличаются грузностью, телесностью. У Рублева — наоборот, все персонажи написаны воздушно, они легки, почти невесомы. Среди них выделяется апостол Петр — он весь самоотверженность, дружелюбие... Он доверяет людям, он верит, что добрым и страстным словом можно сделать людей добре, чище, вывести их на праведный путь. В образе Петра Рублев отразил черты лучших своих современников, тех, кто пошел за Дмитрием на Куликово поле, тех, кто нес народу просвещение, собирая монастырские библиотеки и строил в глухих лесах светлые храмы...

Еще до наступления осенних холодов работы в Успенском соборе закончились и храм торжественно освятили. А через два месяца над Русью разразилась очередная беда: в начале декабря хан Едигей двинул свои войска на Москву. Его нападение было так неожиданно, что великий князь не успел собрать свои дружины и, спасая жизнь, бежал в Кострому. Вслед за ним множество москвичей покинули город. Посады вокруг Москвы при этом сожгли — чтобы врагу не из чего было строить осадные сооружения. Едигей расположился в селе Коломенское и послал гонцов в Тверь — требовать у тверского князя поддержки. Но жители Твери, простили москвичей за то, что Калита когда-то помогал татарам громить их город, отказались помогать Едигею. Татары простояли месяц под Москвой, взяли огромный выкуп и пленных, спалили села, разорили поля и, к радости москвичей, отправились восвояси.

А через два месяца татары напали на Владимир, к которому их незаметно подвел суздальский князь. Прежде всего они ворвались в Успенский собор и принялись грабить его, хватая все, что попадалось на глаза. Ключарь Патрикей никак не хотел выдавать им ключи от церковной казны, за что и страшно поплатился: татары жарили его на сковороде, забивали щепы под ногти, а потом, привязав к коню, замучили до смерти.

Неизвестно, где провел эти страшные годы Андрей Рублев — укрылся ли в стенах своего родного Андроникового монастыря, или, как многие москвичи, подался на Север. Но конечно же, до него доносились известия о страшных бесчинствах татар, а что-то, может, он и видел сам. А попа Патрикея Андрей мог и просто хорошо знать — наверняка познакомился с ним, когда работал в Успенском соборе. И вставала перед его глазами страшная картина расправы над несчастным попом в соборе, там, где он только что расписывал стены...

Татары разоряли Русь, уводили пленников, делили дань, а русские страдали от голода и мора. "Люди ели людей и собачину", — рассказывает летописец. Все пришло в упадок, все было сожжено и разграблено. Вот и Троицкий, Сергиев монастырь полностью сожгли. Можно представить, что испытывали русские люди, глядя на обуглившиеся деревяшки, валявшиеся на месте, ставшем для них святым, там, где находили они духовную опору перед Куликовым сражением, перед великой победой. И Никон, настоятель Сергиевого монастыря, пони-

Андрей Рублев. Даниил Черный. Иоанн Богослов. 1408.

мая настроение своих соплеменников, просит известного писателя Епифания составить жизнеописание Сергия, а главное — принимается за восстановление его святой обители. Никон собирает лучших зодчих и на месте сожженного храма строит новый, белокаменный собор, а расписывать его, конечно же, будут Андрей Рублев и его друг Даниил Черный. Именно тогда Рублев пишет иконы, ставшие вершинами мирового искусства. Среди них первое место по праву занимает великая "Троица", икона из иконостаса Троицкого собора Сергиева монастыря, написанная Андреем не только по велению души, но и по прямому заказу Никона Радонежского, повелевшего "при себе написати образ Пресвятой Троицы в похвалу отцу своему Сергию Чудотворцу".

Толкование смысла Троицы всегда, с самых первых лет существования христианства, вызывало споры. Троица заключает в себе понятие о Боге — едином, но воплощенном одновременно в трех равнозначных лицах: Бог-Отец, Бог-Сын и Святой Дух. Отец — это безначальное Первоначало, Сын — абсолютный Смысл, Дух — животворящее начало. Троица символизирует и другие значения: Я, Ты и Он; Прошлое, Настоящее и Будущее; Вера, Надежда, Любовь.

В искусстве существовали две традиции изображения Троицы — ветхозаветная, основанная на библейской, ветхозаветной легенде, и новозаветная. По новозаветной традиции, распространенной в западной живописи, Троица изображается в виде седовласого старца, юноши и голубя. В России более прижилась ветхозаветная Троица. В Ветхом Завете рассказывается, как однажды к древнему старцу Аврааму пришли трое юношей. Он усадил их в тени под деревом Мамврийским и вместе со своей женой Сарой стал угождать. Мудрый Авраам догадывался, что пожаловал к нему в гости — это

был сам Бог, воплотившийся в образе прекрасных юношей. Бог непостижим для смертных, вот почему он является людям в образах, которые доступны их пониманию.

На Руси в XIV-XV веках учение о Троице было особенно любимо. Именно оно стало стимулом к объединению перед лицом грозного врага — Золотой Орды. И не случайно это учение так пропагандировал Сергей Радонежский, и не случайно главным храмом в его обители стал храм Пресвятой Троицы.

Андрей Рублев пишет ветхозаветную Троицу. Он создает образы прекрасных юношей, чистых и возвышенных. Конечно же, он видел византийские иконы, посвященные Троице, — современники Рубleva рассказывали, что художник членами просиживал перед древними образами, не поклоняясь им, но пытаясь постичь секреты мастерства византийских иконописцев. На старых иконах, посвященных Троице, как правило, кроме самой Троицы, изображались Сара и Авраам, ставшие угодить гостям, яства, которые они ставят на стол, вся церемония трапезы. Нет, для Рубleva все эти мелкие реалистические подробности легенды не имеют никакого значения; гораздо важнее для художника само великое событие — явление Бога людям. На его картине мы видим только трех прекрасных юношей, причем обстоятельства их появления в мире людей обойдены молчанием. И это дает возможность насытить икону гораздо большей глубиной и смыслом. Нет, это не просто иллюстрация к древнему мифу. Что делают юноши? Вкушают пищу? Ведут беседу — при этом один из них вещает, а двое других внимают? Или они, просто задумавшись, воспарили мыслями в мир светлых дум и прекрасной мечты? В том, как их изобразил Рублев, есть и действие, и беседа и задумчивость.

Вся икона пропитана глубокой символикой. Псох в руках — намек на странничество, выпавшее на долю Иисусу. И дом Авраама — символ Дома, символ вдохновенного строительства, созидания, а дерево — намек на Древо Жизни, а гора — символ возвышенного духа, взлета. Стол — символ пищи не только материальной, но и духовной. А что значит чаша на столе с головой жертвенного овна, теленка — не намек ли на то, что один из них, сидящих за столом, готов принести себя в жертву? Кстати, тут отразилась преемственность Ветхого и Нового Заветов — Бог явился к Аврааму, который совсем скоро решится на то, чтобы принести Богу в жертву своего сына Исаака. И эта несвершенная жертва — как бы предтеча той великой жертвы, которую принесет Бог, отдав на муки своего сына. Чаша — чаша жизни, и мудрости, и горя, и страданий, которые суждено испить. Но чаша — и символ любви, готовности к самопожертвованию. И это особенно подчеркивается Рублевым, ведь чаша — центр иконы. И все три фигуры как бы заключены в круг — символ неба, света и Божества. Но круг — и символ законченности, завершенности, покоя, однако все в рублевской иконе живо, все движется: средний ангел склонил голову, нимб его нарушает симметрию, и равновесие восстанавливается тем, что оба подножия ангелов сдвинуты в другую сторону.

Все три ангела очень похожи — они словно отражаются друг в друге, и различия их — скорее не во внешнем облике, сколько в душевном состоянии. Средний ангел величав и монументален, левый — несколько напряжен и грустен, правый — мягкий и даже женственный, полон сочувствия и сострадания. Искусствоведы и теологи многие годы спорят, какой из ангелов Бог-Отец, какой — Бог-Сын, а какой — Святой Дух. Но если бы Рублев хотел, он бы наверняка сам как-то дал понять, какой из ангелов какую ипостась Бога представляет. Но это явно не входило в его задачи. Среди трех ангелов Рубleva нет высших и низших, ему

впервые удалось создать идеальное соответствие одному из сложнейших догматов христианства — учению о Троице, включающей триединство, нераздельность и единосущность. Нам, людям XXI века, вряд ли понятны и интересны столь тонкие богословские рассуждения, однако почему-то рублевская икона не перестает волновать души, и при взгляде на эту совершенную красоту сжимается сердце. Наверное, так происходит потому, что художнику удалось создать по-разительный образ гармонии, чистоты и такой высоты, на которую только способен воспарить человеческий дух.

И конечно же, огромную роль играют краски, знаменитые рублевские краски — тонкие, нежные, порой сильные и яркие. Вот синий плащ среднего ангела (этот яркий, чистый синий так и назвали — рублевский голубец), а рядом — темно-вишневый цвет рукава соседнего юноши, а потом — нежно-розовое пятно, золотистые крылья и блестящий золотой фон...

Андрей Рублев написал "Троицу" в годы зрелости, когда талант его набрал полную силу. Это поистине гениальное творение стало итогом его размышлений о Мире, Человеке и Боге, в ней выразились взгляды Сергея Радонежского о необходимости единения — ведь построил он Троицкий собор, "дабы взорением на св. Троицу побеждался страх ненавистной розни мира сего". Эти идеи, полные гуманизма и добра, были так важны на Руси XIV-XV веков, и надо сказать, не менее они важны и сегодня, спустя шесть столетий. Вот почему и искусство великого Рублева не теряет своей актуальности, вот почему так хочется остановиться перед его "Троицей" и молиться, чтобы люди почаще вспоминали о том, что жизнь человеческая столь хрупка и коротка...

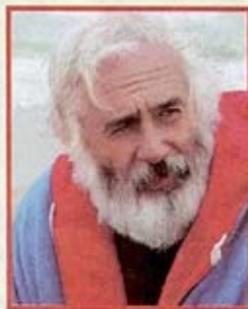
Спокойно, в трудах и размышлениях, текла жизнь Андрея Рублева в тиши Андronикова монастыря, за мощными белокаменными стенами. Там, в мире, люди страдали и мучились — голод, смерть, болезни, набеги татар, междоусобицы были постоянными спутниками их существования, а в монастыре царили тишина и покой, и можно было читать мудрые книги, изучать старые иконы и писать свои, такие непохожие на образы древних мастеров. И всегда рядом — преданный друг, близкий и все понимающий Даниил Черный. Доброжелательными старцами прозвали художников летописцы. Многое они прошли вместе — служили Богу в Андronиковом монастыре, работали во Владимире, и потом всегда оставались рядом. Сколько ими пережито, передумано, переговорено, переосмыслено... Им всегда было хорошо и покойно друг с другом. Надежно. Вот и похоронили их рядом — на стене Спасского собора чугунная плита, а на ней надпись: "Здесь погребены в 1430 году Андрей Рублев и Даниил Черный".

Прошли века, наступили совсем иные времена... Творения Андрея Рублева были заново открыты и оценены по достоинству, и его иконы встали в один ряд с величайшими полотнами итальянских мастеров Возрождения. Теперь рублевская "Троица" — общепризнанный шедевр мирового искусства. А в 1966 году другой русский гений, замечательный режиссер Андрей — тоже Андрей — Тарковский создал свой шедевр — фильм "Страсти по Андрею", вошедший в десятку лучших фильмов мирового кино. (Образ Рублева гениально воплотил на экране Анатолий Соловьев.) Судьба художника Андрея Рублева и его страшное время дало возможность другому художнику из совсем другого времени — не менее трагичного и сложного, времени, в котором были две мировые войны, Хиросима и Холокост — поразмышлять о природе гения, о его обреченности на непонимание и одиночество, о его способности подняться над толпой и современностью и обрести место в вечности... ■

Bella
CTI

По материалам
одноименной
книги
блаженного
Иоанна

страстного

Чудо поэтической лирии блаженного Иоанна в том, что его стихи — воплощенная в ритмах и рифмах небесная музыка Царствия. Мелодичность стихов столь проникновенна и трогательна, что озвучивает в глубине души ноты, которых еще нет в земной музыкальной грамматике.

Удивителен мир его стихотворений. Внешне — терзание и поиск. Внутренне — неколебимый покой и обретение. Видимо — боль и крик. Незримо — мир и царственное безмолвие. В вопросе звучит ответ, в вопле — покой, в разорванности — цельность, в горечи — сладость, в гневе — любовь.

Эта книга — счастливая попытка поэтическими средствами передать ту невозможность, непередаваемость божественных вибраций, тайн и состояний, которые никак иначе нельзя передать, как только поэтическим слогом.

Пустое дело сравнивать творчество блаженного Иоанна с легендарными и признанными авторитетами. Пoэзия его иного порядка, иного источника, иного мира. К ней необходим особый подход, особые мерила и критерии. Проникнуть в тайны творчества блаженного Иоанна могут только те, кто приобщен к сокровищнице софийной премудрости.

В поэзии блаженного Иоанна нет и намека на сочинительство. Его стихи глубоко выстраданы и рождены в глубине внутреннего, сокровенного человека.

Что это? Снятие с креста. Пиета.

Я воскрес в бессмертных телах, блаженствуя на Соловках.

В этих внешне простых строках передается глубочайшее переживание лично пережитого, таинственное состояние, которое дарует Господь страстным избранникам. Спаситель вводит Своего ученика в состояние голгофского распятия. И затем, пройдя этот очень болезненно-мучительный опыт, душа испытывает сладчайшее блаженство снятия с креста.

О, вонни, услыши большее, чем могу сказать ... — восклицает божественный поэт, умоляя войти своего слушателя в таинственную сферу непостижимых смыслов бытия.

Блаженный Иоанн вернул псалмам Давидовым первозданное звучание и даже более — открыл на большей глубине неизреченные тайны любви Божией.

Блажен испивший чашу проклятия — достигший вершины богопознания и царского помазания!

Так может написать только тот, кто сам выпил смертельный яд и, победив смерть, скрушив адовые врата, принял на чело свое венец победителя. Испить чащу прокля-
тия

тия — это одна из ступеней лестницы богопознания для страстных помазанников. Грешнику не дано это делать, ибо, испив яд, он умрет. Пить чашу проклятия могут только те, в ком действует таинственное непорочное начало Богоматери, силой которого и нейтрализуется выпитый яд. Это дано только царским помазанникам креста.

Мое сердце блаженнейше прободено совокупным вселенным стоном ста миллионов, вопящих с креста...

По сути, это самая последняя тайна христианства. Сводится она к тому, что непостижимо, неизреченно в каждом человеке большую часть страданий на Себя берет Христос.

Тяжек крест первопроходца, но награда — тысячекрат превосходящая. Так устроен этот мир, что пророку вменяется в долг — быть оклеветанным, опозоренным, гонимым и одиноким странником земным.

Загнали меня, заморили, убогого эзка земли.

Это не горькие слезы отчаяния блудного сына, беззащитного сироты. Это страстное верного сына, томящегося по любви Отчей.

В обители вековых сына Христова прими, в чертоги Отчей любви.

Пророк знает: гонения, клевета, позор — это честь для вестника Царствия. Должна исполниться мера страстного. За это — венец.

Тема одиночества не имеет ничего общего с темой тоскливой безысходности экзистенциалистов с поиском прорыва в виртуальную абстракцию.

Один человек, и кругом никого. О, сирая доля его! В худеньком пиджачке промается сто тысяч лет. Один человек на земле. Никого у него нет.

В мистической глубине этих строк — пронзительная боль неразделенной любви Творца. Посвященные знают, что самое большое страдание Богу причиняют не столько человеческие грехи, сколько то, что Творец любит безответно. Любить без взаимности — самая большая боль.

Блаженный Иоанн — отец несказанной любви. Учитель высочайших мистических тайн, обладающий даром поэтической формы и слогом выразить эти тайны, неизъяснимые на ограниченном языке человеческих слов.

Он помазанник, каких Бог посылает человечеству во времена великих кризисов, накануне смены эпох и цивилизаций. Как основоположнику новой мистической школы ему дано заложить сегодня фундамент нового взгляда на мир, нового диалога, нового мироощущения и мировоззрения. Обаяет его жертвенная готовность принимать на себя страдания за других. Непостижимой интуицией уловляет на запредельной глубине души нерв неутолимой боли, врачуя ее.

Не столько учит, сколько опытно свидетельствует, как стяжать Святого Духа, как в самых нестерпимых условиях, среди гонений на веру, среди позора и клеветы ходить в сиянии небесной славы, утверждать живую веру в сердцах учеников и стяжать венец победителя, — этим покоряет самых непокорных, устремляя за собою и возжигая в сердцах свечу.

Блаженный Иоанн — основоположник новой духовности. В его трудах начертаны духовные принципы культуры третьего тысячелетия.

Стихи блаженного Иоанна — это пронзительный голос нарождающейся новой культуры: духовной, простосердечной, искренней, целомудренной, согретой благодатью Божией, жертвенной любовью и предельной самоотдачей.

Апокалиптическому голосу блаженного Иоанна сегодня внимают тысячи и миллионы. Он открыл человечеству неиссякаемый источник нового творчества, из которого черпать и черпать неистощимо. Тысячу лет.

О. Афанасьев

Ищем спонсорскую помощь на издание шеститомника "Соловецкого предания".
Tel.: (095) 396-90-13

ИМПРОВИЗАТОР ЧУДЕС

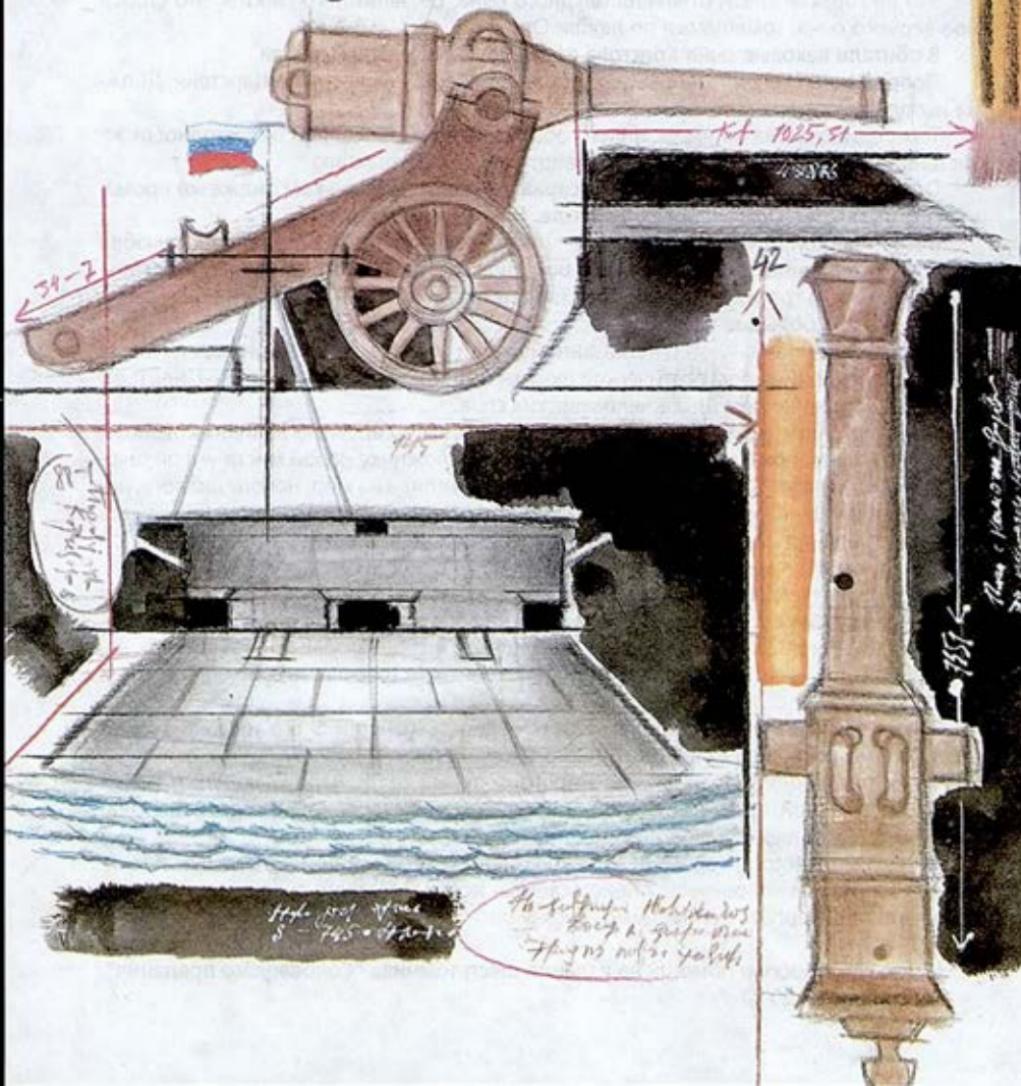

иллюстрация Геннадия Новожилова

"Судьба избрала меня для исполнения важной роли;
я стараюсь исполнить ее с честью и достоинством".

Э.И. Тотлебен.

Фокшаны. В ночь с 1 на 2 августа 1854 года главнокомандующему Дунайской армии не спится. Встревоженный донесениями, князь Горчаков совершает шаг, который спасет от немедленного разгрома Севастополь, и об этом, неизвестном доселе городе, узнает весь мир. Михаил Дмитриевич садится за письмо к главнокомандующему Крымской армии: "Любезный князь. Я смотрю на Ваше положение, как на затруднительное в высшей степени. Весьма вероятно, что англо-французы высадятся в числе до 50 000 человек, и с такими силами представляется возможным отбросить Вас в Севастополь и приступить к осаде этого укрепленного города с суходутной стороны. Итак, Вы можете быть поставлены в необходимость защищать почти открытый город. В таком случае всего лучше возвести полевые укрепления и защищать их по способу турок, устраивая контр-апроши. Но для этого необходимо располагать не только усердными и учеными инженерами, но и привычными к огню. Судя по тому, что Вы мне однажды писали, я полагаю, что Вы не богаты хорошими инженерами; во всяком случае, я сомневаюсь, чтобы у Вас были офицеры, знакомые на практике с осадным искусством. Поэтому я полагаю оказать Вам истинно дружескую услугу, предоставляя в Ваше распоряжение полковника Тотлебена, который вручит Вам это письмо. Это лучший ученик Шильдера, деятельный, разумный, храбрый; он вполне посвящен во все необычайные ухищрения покойного и имеет преимущество не быть сумасшедшим на три четверти, коим был Шильдер. Если Вы полагаете, как я в том нисколько не сомневаюсь, что Тотлебен будет Вам полезен, то оставьте его при себе, пока я его не потребую обратно, так как отсутствие его будет для меня очень ощутительно, и весьма возможно, что я буду поставлен в необходимость просить Вас о его возвращении..."

2 августа Эдуард Иванович неожиданно для себя был вызван к князю.

— Я получил достоверные сведения о намерении англо-французов предпринять высадку в Крым. Поезжайте сейчас в Севастополь и осмотрите, в каком положении он находится. Будьте осторожны и оставайтесь в Севастополе, пока это будет возможно. Не ожидайте себе какого-либо особого назначения, не напрашивайтесь на командование, но старайтесь везде быть, все видеть и быть полезным в Севастополе не только при устройстве укреплений, но и всюду, где потребуют обстоятельства...

На следующий же день Тотлебен выехал в Крым. Кажется, судьба дает ему шанс проявить себя, и он его не упустит. Здоровое ли это тщеславие тридцатишестилетнего подполковника, или за этим кроется еще что-то?

Тотлебен родился в Митаве в 1818 году. В биографических статьях сообщается, что он происходит из купеческого рода. Но купцом был только отец, дед же — Готлиб Генрих — был графом и русским генералом. Почему умалчивается родство Эдуарда Ивановича с генералом?

Уроженец Саксонии, Готлиб Генрих поступил на русскую службу в царствование Елизаветы Петровны и во время Семилетней войны командовал легкими войсками. Имя генерала Тотлебена часто упоминалось в журнале военных действий русской армии, причем в связи с успешными операциями его войск. Взятие Берлина в конце сентября 1760 года сделало его широко известным. Но не прошло и года, как странное известие громом поразило императрицу и союзников — 19 июня генерал Тотлебен арестован за измену: перехвачена его переписка с Фридрихом II. Его арестовали во время общего совета, который он проводил с командирами своих полков. Графа предали суду и приговорили к смертной казни. В это время умирает Елизавета Петровна, а Петр III, естественно, не торопился привести приговор в исполнение, поскольку сам снабжал своего кумира Фридриха всеми военными планами. Причем прусский король узнавал о них раньше русских генералов и союзников. Но тут на престол взошла Екатерина II, относившаяся к шпионам совершенно по-другому. Она отменила смертную казнь. Тотлебена лишили чинов, знаков отличия и выслали из России.

Естественно, что факт измены деда — пятно на биографии человека, принесшего славу России, потому лучше уж ему быть из купцов. Наверное, и я умолчала бы о Готлибе Генрихе, если бы не одно "но"...

На следствии стало известно: после взятия Берлина Тотлебен получил письмо от Фридриха, из которого узнал, что его единственный сын взят в заложники. Король предложил обмен: жизнь отпрыска за планы русского командования. Можно бросить камень в генерала, для которого отцовские чувства превыше долга и присяги. Можно и податься общему тогда настроению, мол, что ему иностранцу до чести русского оружия и мундира. Но почему тогда, став героем дня, находясь в зените славы, Тотлебен вдруг забрасывает императрицу прошениями об отставке. Первое пришло в Петербург сразу же после взятия Берлина. Елизавета ответила на него отказом: "... Мы не обвыкли кого-либо насиливо удерживать; но как война приходит теперь почти к окончанию, и мы в продолжении службы вашей более, нежели когда-либо, имеем надобность... то в уважение чести и знатности вашей службы... всех ваших доныне показанных ревностных заслуг... не можем теперь согласиться на дозволение просимого абышта...". Более того, императрица отдала в подчинение генералу еще два пехотных полка и корпус. Отказано генералу и в остальных прошениях.

Что делать? Мир, который все ожидают, не предвидится, а в кровопролитных сражениях подростку не выжить. Фридрих намекнул, что мальчик пойдет в

первых рядах. Уж кому как не Тотлебену не знать, что это значит. Шедшие за "смертниками" должны были стрелять в тех, кто повернет назад. Но можно выстрелить и в спину. Он ищет заступничество у своего старого приятеля, принца Генриха прусского, "чтоб возвратили мне сына моего, который у меня один только и есть и которого, ребенка 11 лет, силою взяли и в солдаты записали, чтоб также возвратили мне деревни мои, которые или вовсе отняты, или секвестрованы...". Через три недели Тотлебен получил ответ самого короля, который обещал, что "не оставит просьбы его о сыне и деревнях", но после заключения мира. Еще спустя три недели Фридрих прислал удрученному генералу "увольнение" сына из армии (правда, мальчик остался при нем), а в следующий раз — цифирную азбуку, при помощи которой Тотлебен должен сообщать о планах русского командования и союзников. Граф настаивает на личной встрече, но король упорно повторяет требование прислать письменно и собственноручно ответы на его вопросы. Тотлебен уступает, и опять-таки "но"...

— Если бы затевал что-нибудь опасное и противное долгу верности, — говорит он на допросе, — то я ордер и маршрут послал бы прежде, а не тогда, когда уже ордер перестал быть секретным, потому что был исполнен. Как скоро я цифры в запечатанном куверте получил, показывал я их подполковнику Ашу... Аш, если в нем еще искра честности и христианства есть, правду этого показания сам признать должен, так как я часто публично говорил, что в нынешнем году прямой удар нанести надеюсь...

Не знаю, как насчет "искры честности и христианства" начальника канцелярии генерала, но именно он, Аш, задержал "связного" с собственноручным письмом Тотлебена. И тот же Аш перехватил письмо Фридриха к Тотлебену уже после, как того отправили в Петербург. Поверить, что прусский король, наводивший русскую армию своими шпионами, не знал об аресте, произошедшем у него под боком и в присутствии большого количества свидетелей, невозможно. Фридрих Великий был велик не только как государственный деятель и полководец. Король не знал себе равных и в вопросах провокации и дезинформации, он умел убирать мешавших ему людей. Думаю, к таким относился и Тотлебен, бывший пруссаков даже тогда, когда остальная русская армия действовала неудачно. Впрочем, вопросов в этом деле пока больше, чем ответов.

И еще одно, что с моей точки зрения говорит о невиновности генерала. Екатерина могла простить предательство по отношению к себе, но не по отношению к государству. Через несколько лет после высылки Тотлебен обращается к императрице с просьбой разрешить ему вернуться, лучше он будет сослан в Сибирь, чем жить вне России. В результате в 1768 году Тотлебен уже на Кавказе, где совершает не один героический поступок. Граф Готлиб Генрих Тотлебен умер в 1773 году и не знает, что через 45 лет у него родится внук, который прославит и обессмертит его фамилию.

Очернить человека легко и просто, но уж очень сложно это пятно смыть. Эдуард Иванович это знал на собственном опыте. Вот и кажется мне, что этот замечательный офицер и талантливейший инженер стремился к тому, чтобы фамилию Тотлебен соотечественники вспоминали с благодарностью. Ему повезло: в 1840 году он попадает в учебный саперный батальон, где на него обратил внимание "Баярд русского инженерного корпуса" Карл Андреевич Шильдер. Князь Горчаков в своем письме назвал генерала "сумасшедшим". И это естественно — многие идеи Шильдера настолько опередили свое время, что были реализованы только в XX веке. По его проектам построили первые в мире пароход, вооруженный артиллерией и ракетами (прообраз эсминца), и цельно-

металлическую подводную лодку. Карл Андреевич — один из разработчиков электрического способа воспламенения пороховых зарядов, вместе с академиком Якоби сконструировал гальванические и гальвано-ударные морские мины, благодаря которым объединенный англо-французский флот так и не смог подойти к Кронштадту. Шильдер изобрёл оригинальные конструкции висячего канатного моста, переправочные средства ("бурдючный мост" из быстро собираемых прорезиненных холщовых складных понтонов); разработал противопехотные мины, камнемётные и картечные фугасы...

В то время, когда в его поле зрения попал Тотлебен, Шильдер разрабатывал новую систему контратминной борьбы. Для ее испытания он послал своего любимого ученика в Киев. Здесь Эдуард Иванович изучил тот вид инженерного искусства, который принес ему всемирную славу.

Прибыв в Севастополь 10 августа, Эдуард Иванович в тот же вечер отправился к князю Меншикову.

— Подполковник Тотлебен, ваше сиятельство, от князя Горчакова.

— С какими известиями вы приехали в Севастополь?

Тотлебен протянул письмо.

— В нем объяснена причина моего приезда в Крым, ваша светлость.

Во время чтения князь нахмурился, и по его лицу несколько раз проскользнула насмешливая улыбка.

— Князь по рассеянности своей, верно, забыл, что у меня находится саперный батальон, — заметил про себя Меншиков.

Дочитав письмо, Александр Сергеевич обратился уже к Тотлебену:

— Отдохните и поезжайте назад в армию.

Получив от ворот поворот, расстроенный Тотлебен отправился на Графскую пристань, где его ждал старый знакомый.

— Как же вы намерены поступить? — поинтересовался отставной моряк.

— Во всяком случае, как бы ни было неприятно, я останусь здесь до разъяснения обстоятельств и употреблю все усилия, чтобы не выезжать из Севастополя.

И Эдуард Иванович добился своего. На следующий же день он осмотрел форты и береговые батареи. Инженер убедился, что со стороны моря город действительно хорошо защищен.

— Приморская защита Севастополя в состоянии отбить охоту у самого предпримчивого и дерзкого неприятеля заглянуть в Севастопольскую бухту, — сказал Тотлебен одному из адъютантов светлейшего.

Возможно, эта высокая оценка расположила Меншикова к Тотлебену, но как бы то ни было, а он сказал своему адъютанту Панову:

— Сюда приехал из Дунайской армии саперный офицер и очень мне понравился. Он там состоял при Шильдере и, кажется, был его любимцем, что само по себе уже выгодно его рекомендует. Кроме того, он по фамилии Тотлебен, а я знаю, что был на Кавказе генерал Тотлебен — очень практичный и способный человек: он там провел войска по такому пути, который теперь и отыскать не могут.

Эдуард Иванович был приглашен на обед к князю, и тот предложил ему осмотреть и сухопутную сторону Севастополя. Оказалось, что там оборонной линии вообще не было. Несколько дней Тотлебен изучал местность и набросал план выгодного способа обороны города. Но, к сожалению, его предложения приняли только, когда союзники высадились в Крыму. Месяц был потерян. 14

сентября противник появился под Севастополем, но вместо штурма незащищенного города, как того ждали защитники, он занимался рекогносцировкой. Тотлебен писал: "Наше положение в Севастополе было критическое: ежеминутно готовились мы встретить штурм вдесятеро сильнейшего неприятеля и, по крайней мере, умереть с честью, как храбрые воины... Севастополь... с сухопутной стороны не был почти совсем укреплен, так что был совершенно открыт для превосходных сил неприятельской армии..."

Работа велась круглосуточно. Из города жители приносили все, что только мало-мальски годилось для сооружения укреплений, с кораблей свозились орудия. Батареи росли и покрывались пушками в прямом смысле не по дням, а по часам. Противник поражен: где вчера рекогносцировки обнаруживали лишь слабые укрепления с большими незащищеннымами промежутками, сегодня стояла сплошная оборонительная линия. В кратчайший срок все подступы к городу получили сильную фронтальную и фланговую оборону пушечным и ружейным огнем. Севастопольское чудо настолько обескуражило союзников, что 28 сентября они приступили к осадным работам. Увидев это, Тотлебен поздравил войска:

— Поздравляю с успехом ваших трудов по возведению укреплений, благодаря которым неприятель отказался взять город открытою силою, что привело бы раньше к неминуемому поражению нашего гарнизона.

Первая же бомбардировка Севастополя (5 октября) сразу вывела силу укреплений и их выгодно направленного артиллерийского огня. В тот же день французские батареи были сбиты и замолчали. "Я ежедневно наблюдаю за каждым пунктом, где неприятель может выставить против нас орудия, — писал Эдуард Иванович, — и тотчас же является контрбатарея ранее, чем неприятельская успеет быть готовой. Эта новая система обороны, кажется, мало приходится по вкусу врагам. Если неприятельская батарея стреляет из 20 орудий, то мы отвечаем ей из 40, и к вечеру неприятель имеет лишь 2 орудия на том же месте". Уже 15 октября Меншиков писал Горчакову: "Тотлебен удивительный человек: против каждой новой неприятельской батареи он умеет воздвигнуть новую у себя, да еще с большими числом орудий, в щерб неприятелю".

Позже известный французский инженер раскритиковал невзрачные и неправильные сооружения Севастополя. Прочитав его книгу, Тотлебен отметил: "Большая разница строить укрепления спокойно в мирное время или же под выстрелами неприятеля, ежедневно готового приступить к штурму". "Наши апороши надолго задерживали союзников, и они, вероятно, были бы довольны, если бы мы не прибегали к подобной системе". Какими бы невзрачными ни были сооружения Тотлебена, но они предотвратили поражение в начале войны и дали возможность защитникам Севастополя 349 дней оказывать сопротивление превосходящему противнику.

— Не бережете вы себя, Павел Степанович, — посетовал барон Остен-Сакен Нахимову, — жизнь ваша нужна России!

— Эх, ваше сиятельство, — махал рукой Нахимов, — не то говорите вы! Севастополь беречь следует, а убьют меня или вас — беда невелика-с! Вот беда, как убьют князя Васильчикова или Тотлебена. Вот это беда-с!

Безуспешные атаки и попытки захватить редуты принудили противников перейти к поземной войне. Но в ней лучший ученик Шильдера вообще не имел себе равных. Отчаявшись взять 4-й бастион, союзники решили прорвать подземный тоннель и взорвать его. И здесь потерпели полное фиаско: они наткнулись на искусно подготовленную сеть минных галерей. "Легко критиковать и нашу

систему контрмин, — писал Тотлебен бельгийскому инженеру генералу Бриальмону, — однако французы, будучи отброшены в подземной войне при первой встрече, могли дойти до первого места столкновения едва после семимесечной работы". "Наши мины были весьма неправильны, но для одновременной постройки 20, 30 подземных галерей надобно было прибегнуть к употреблению пехотинцев, которые в первый раз видели эти работы, к тому же необходимых инструментов для этого недоставало и однако же мы успевали всюду предупреждать и останавливать неприятеля".

Подземная война прославила севастопольскую оборону не меньше наших действий на редутах. "Тотлебен, — писал военный министр, — импровизировал в Севастополе чудеса".

В конце 1854 года Тотлебен сравнивал осаду города с шахматной игрой двух равносильных соперников, которые не в состоянии сделать друг другу мат.

— Средства неприятеля, конечно, велики, однако, кажется, что военный дух, одушевляющий наши войска, стоит выше.

Крымскую войну специалисты по праву называют инженерной войной. И не случайно легендарный адмирал Нахимов всякий раз, когда его убеждали не рисковать собой, повторял на разный лад слова, сказанные барону Остен-Сакену:

— Берегите Тотлебена, его заменить некем, а я — что-с!

В начале 1855 года союзники получили большое подкрепление, вследствие чего силы их под Севастополем возросли до 120 тысяч. Вместе с тем к ним прибыл искусный французский инженер генерал Ниель, ставший вести осадные работы главным образом против ключа севастопольской оборонительной линии — Малахова кургана. Под руководством Тотлебена героические защитники под убийственным огнем возвели Селенгинский и Волынский редуты и люнет Камчатский. Союзники всей мощью навалились на новые укрепления, но взять не смогли. 28 марта они предприняли вторую усиленную бомбардировку. Адский огонь продолжался 10 дней и унес более 6 тысяч жизней защитников, но на штурм противник не решился: разрушенные укрепления за ночь вырастали вновь. Силы севастопольцев таяли, а к неприятельским войскам прибыли новые подкрепления, силы их возросли до 170 тысяч.

Генерал Тотлебен почти не покидает позиций, 6 июня его контузило, но он остается в строю, а через день, спускаясь с Малахова кургана, великий инженер и душа Севастополя был ранен в ногу навылет. Поначалу медики особого опасения не выраживали — скоро встанет на ноги. Эдуард Иванович продолжал руководить работами: ежечасно ему докладывали о состоянии оборонительной линии и об осадных работах противника. Но состояние его настолько ухудшилось, что врачи были уверены в скором конце. Тотлебена уговаривали переселиться на Северную сторону — тщетно, он должен находиться рядом с позициями. Любимца защитников перенесли из города на хутор помещика Сарандинаки только, когда он потерял сознание. Чистый воздух и тишина сыграли свою роль. Немного окрепнув, Эдуард Иванович требует вернуть себя в город. 27 августа его вынесли на вал, откуда можно было наблюдать за действиями войск. И он увидел, как над Малаховым курганом взвилось французское знамя...

После падения Севастополя генерал-адъютанту Тотлебену поручили построить оборонительные сооружения в Николаеве. Объяснительная записка Тотлебена по вопросу укрепления этого российского порта — одна из самых ценных его научных работ. Его идеи открывают новую эру в фортификацион-

ном искусстве и резко отступают от традиций, царивших до того времени даже во Франции.

Эдуард Иванович уезжает в Европу, где его восторженно встречают и просят организовать инженерное дело, кроме того, он внимательно изучает крепости Германии и Франции. Русского инженера поразили рутинные взгляды французских коллег, и он выказал уверенность, что в назревавшей войне между Германией и Францией последняя потерпит поражение, что впоследствии и произошло. В Бельгии король советовался с Тотлебеном относительно двух проектов укрепления Антверпена, составленных главным начальником инженеров Бельгии и никому не известным капитаном Бриальмоном, работа которого отвергалась влиятельными сферами.

— Принятие сего проекта сделает бельгийцев посмешищем Европы, — авторитетно заявил в палате депутатов королевский комиссар.

Но Тотлебену понравился именно этот забавный проект. Авторитет русского инженера был настолько высок, что новый военный министр, барон Шадаль, сам представил отвергнутый проект законодательному собранию, и он был принят. Тем самым Бельгия обязана Эдуарду Ивановичу не только сильнейшей своей крепостью, но и одним из самых выдающихся инженеров Европы. В 1864 году Тотлебен специально вернулся в эту страну, чтобы осмотреть Антверпенскую крепость. После внимательного ее изучения он заметил военным инженерам:

— Господа, я охотнее бы стал защищать вашу крепость, чем атаковывать ее.

В 1859 году Тотлебен — директор инженерного департамента, в 1863 — товарищ генерал-инспектора по инженерной части. В этом же году, вследствие ожидавшихся политических осложнений, он руководит усилением целого ряда крепостей по всей России. С 1871 по 1875 годы Тотлебен разрабатывает новую систему оборонительных линий, с их главными крепостными опорными пунктами. Он реорганизует наши инженерные войска соответственно новейшим требованиям военной науки. Он постоянно высказывает свое кредо:

— Инженерное искусство должно находиться в тесной и неразрывной связи с артиллерией и тактикой.

Началась война за освобождение Балкан от турецкого ига. Тотлебена вызвали на театр военных действий 2 сентября 1877 года после двух кровопролитных безуспешных штурмов Плевны. Здесь он столкнулся с достойным противником: у Османа-паши были чрезвычайно искусные и талантливые инженеры.

— Я ставлю себе за честь бороться с такими врагами.

Изучив ее укрепления и окрестности, Тотлебен убедился: открытой силой Плевну можно взять только очень большими жертвами. "После рекогносировки, — писал он Бриальмону, — я нашел позиции турецкие неприступными. Однако же, ставя себя в положение защитника, я бы на его месте беспокоился на счет сообщений. Тогда я попросил для обложения крепости подкреплений 3-х гвардейских дивизий. Все позиции на правом берегу Вида немедленно заняла пехота; батареи получили угол обстрела от 100-200 для возможности действия против турецких батарей залпами из 60 орудий. Траншеи были укреплены люнетами и редутами и по всей линии обложения стали приближаться к турецким укреплениям аршами и ложементами".

12 октября Тотлебен полностью обложил Плевну. "С этого дня, — пишет он, — падение Плевны зависело от количества находящегося в крепости продовольствия. Осталось принять всевозможные меры для воспрепятствования Осману-паше

прорвать линию обложения, так как необходимо было не только овладеть Плевной, но и пленить 50-тысячную армию Османа, составленную из низана, т.е. отборных войск, которые могли бы служить кадрами для формирования новой армии".

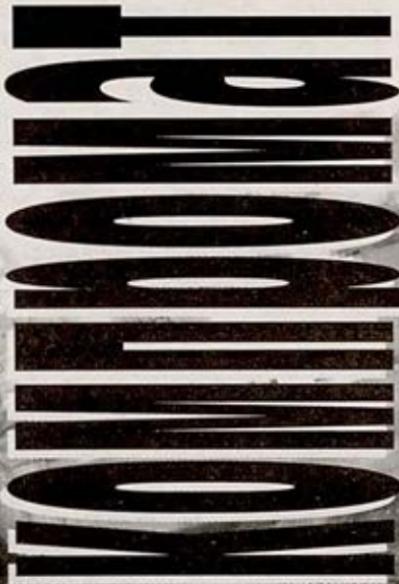
Чтобы предотвратить прорыв неприятеля, Тотлебен разделил позицию на несколько участков и распорядился, какие войска к кому придут на помощь в случае угрозы. Постоянно проводил тренировки по сосредоточению войск на данном месте по сигналу. Для наиболее быстрого сообщения известий с разных мест позиций провели телеграфную линию. Кавалерию он придинул ближе, ужесточил требования к сторожевой службе. Ничего случайного, ничего спешного в действиях гениального инженера. Он выровнял осадную линию. Все батареи заставил пристреляться. Случайных выстрелов больше не произвели. Каждой батарее он определил цель. Всем сообщалась диспозиция, от которой никто не смел отступать. Для общих залпов у каждой пушки — своя цель и минута выстрела. Батарейные командиры уже являлись не самостоятельными, а заняли свое место в общем механизме блокады. В местах, где мало войск, он недостаток этот восполнил артиллерией. После искусного выбора места для батарей и расположения на них орудий, он приказал полковнику Экстену, командовавшему осадными орудиями:

— Стреляйте когда вам вздумается: не спится вам в хорошую ночь — открывайте пальбу, вздумается стрелять во время вашего обеда — стреляйте. Им будет тошно.

Эти меры привели к тому, что Осман-паша при попытке прорвать блокадную линию сдался вместе с армией. На следующий день император писал в рецрипте: "28-го ноября Плевна пала и многочисленная армия Османа-паша, благодаря благоразумным распоряжениям вашим, сложила оружие перед нашими доблестными войсками. Деятельное ваше участие в этом новом подвиге, доказывающем, что геройские севастопольские предания живы в рядах нашей армии и дает вам, одному из главнейших защитников Севастополя, право на особенную Нашу признательность, в ознаменовании коей, Всемилостивейше жалуем вас кавалером Императорского ордена Нашего св. великомученика и победоносца Георгия 2-й степени..."

После перемирия Тотлебен был назначен главнокомандующим действующей армии и ему поручили вести переговоры с Портой. За эту деятельность он получил орден св. Андрея Первозванного. 5 октября 1879 года, в день 25-летия первой бомбардировки Севастополя, император в рецрипте, перечислив все заслуги Эдуарда Ивановича Тотлебена, заключил: "В воздаяние столь достохвальных заслуг ваших Престолу и Отечеству и желая в нынешний достопамятный день выразить вам Мою сердечную благодарность, Я, указом Правительствующему Сенату, сего числа данным, возвел вас, с нисходящим потомством вашим, в графское, Российской Империи достоинство".

Так Эдуард Иванович не только прославил Отечество и обессмертил свое имя, но и вернул графское достоинство своему роду. А через пять лет "самый замечательный инженер XIX века" скончается в Содене, его тело с большими почестями перевезут в Россию. ■

**из компью-
тера**

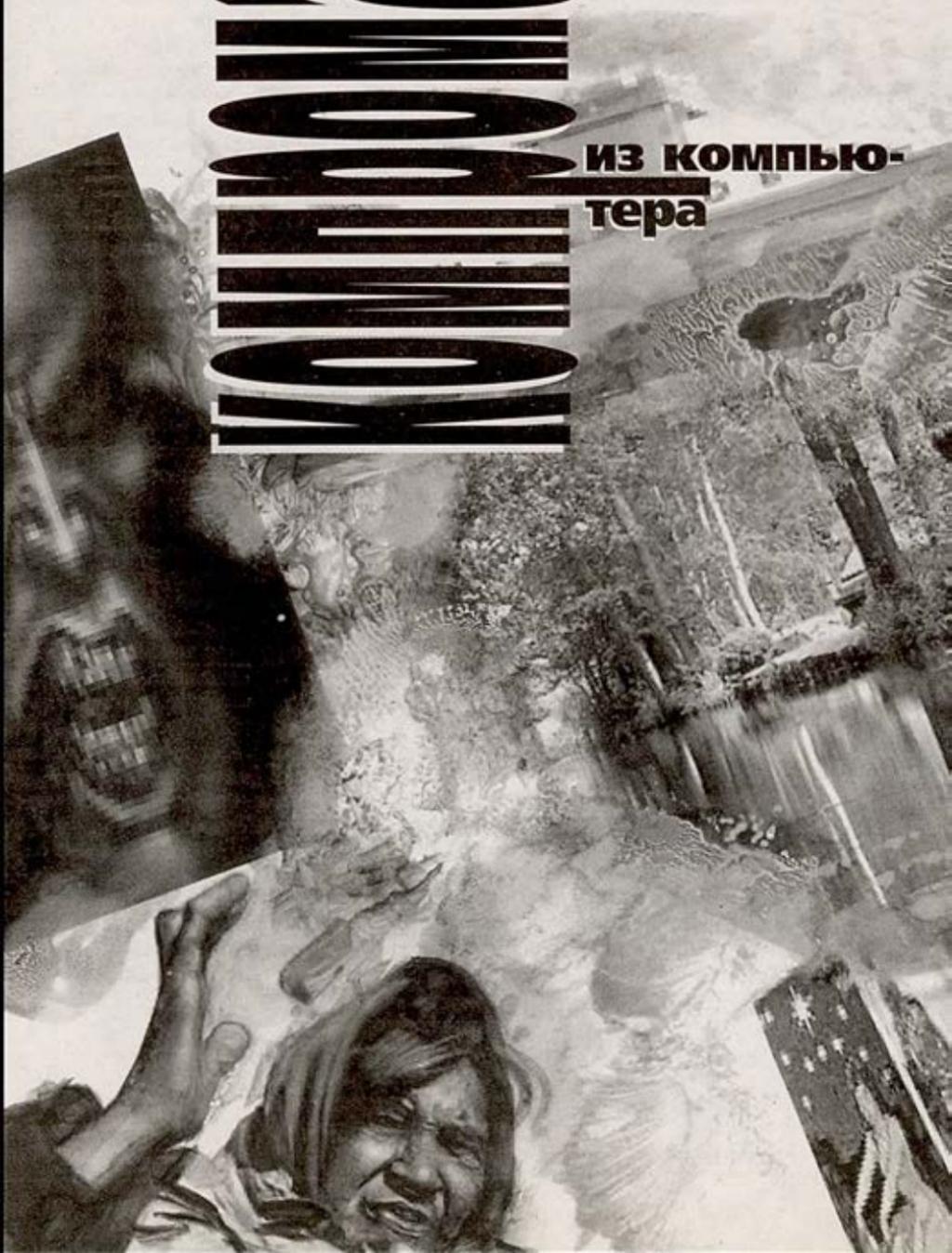

иллюстрация. Алексея Верж-Борткевичуса

Часть первая.

Глава первая. Друзья познаются в беде

— И не спорь, я все делаю правильно, — внушала мне Марина, пока ее муж со средоточенно вел машину по раскаленному и забитому транспортом шоссе. — Что ты будешь делать одна дома в четырех стенах?

Я равнодушно пожала плечами. Мне было все равно, куда ехать, чем заниматься, а если честно, то делать вообще ничего не хотелось. И видеть, кстати, тоже, не говоря уже о том, чтобы вести какие-то там светские беседы. Три дня назад я стала вдовой. И к новому состоянию, мягко говоря, не привыкла, поскольку все произошло слишком уж внезапно.

Месяц Валерий ел все меньше и меньше, худел, плохо спал, но ни на что не жаловался. А потом вообще перестал вставать с дивана. Участковый врач только руками развел и посоветовала госпитализировать. От этого мой муж наотрез отказался — больниц он на дух не переносил. Сказал — пройдет, очередная депрессия, не впервые.

Не прошло. Он так и угар, чуть-чуть не дожив до своего пятидесятилетия. Вечером заснул, а утром уже не проснулся. В состоянии транса я позвонила его единственной близкой родственнице — сестре Нине, и первый вопрос, который она задала, поразил меня даже в том почти невменяемом состоянии, в котором я тогда находилась:

— Завещание Валерий так и не написал?

Нет, завещания Валерий не оставлял. Что завещать-то? Библиотеку по философии? Старый, расстроенный рояль? Или мою скромную гордость — новую кухню, отдельную «вагонку» и облицованную замечательной плиткой? Ничего не скажешь, богатое наследство!

Похоронами распоряжалась Нина, хотя за все платила я. Распоряжалась по телефону, они с мужем приехали только в крематорий, причем тогда, когда печальная церемония уже почти закончилась. Так что без своей подруги Марины и ее мужа Володи, тоже моего стародавнего приятеля, я бы вполне могла оказаться на пепельной церемонии одна-одинешенька.

Сын мой от первого брака проводил каникулы с отцом на каком-то из греческих островов: оба были фанатами подводного плавания с аквалангами, да и другой возможности общаться у них просто не было: мой одаренный ребенок учился в Англии в каком-то специальном биологическом учебном заведении, получив грант от Биологического научного общества. Предполагалось, что второй месяц каникул он проведет со мной и отчимом как-то менее экзотично, но этим планам теперь не суждено было реализоваться.

По словам явившейся наконец в крематорий Нины, старенькая машина Игоря, ее супруга, чуть ли не трижды ломалась во время дороги от их дома на Шоссе Энтузиастов до крематория на Хованском кладбище. Что ж, возможно, если учесть диковину для наших широт жару. Зато перед похоронами Нина развила бешенную энергию, направленную исключительно на то, чтобы не производилось вскрытия, напирая на какие-то религиозно-этические соображения, и своего, как ни странно, добилась. Мне тогда было безразлично, от чего умер Валерий, самой жить не хотелось.

Поминки организовали сослуживцы Валерия, у него в институте. Предложение Нины отвезти меня домой и побывать со мной какое-то время я отклонила: Марина настояла, чтобы я несколько дней пожила на даче ее родителей. И вот теперь но-

венький "ниссан" с кондиционером полз в плотном потоке машин по Каширскому шоссе к поселку с романтическим названием "Калинино", данным когда-то заштатной деревушке в честь всесоюзного старости.

— Скоро приедем, — повернула голову Володя. — В баньку пойдешь, Светуля?

— В такую жару? — вяло удивилась я. — Нет, это без меня.

— Тогда в бассейн.

— Какой бассейн? — не поняла я юмора.

— Прямоугольный. Пять метров на шесть, специально отфильтрованная и подогретая вода, ну, и прочие прибамбасы...

— Ты давно у нас не была, — грустно усмехнулась Марина. — Лет пять-шесть, на-верное?

— Что-то в этом роде...

Действительно, время промчалось незаметно. Валерий был категорически против того, чтобы я встречалась с Мариной и ее мужем. Точнее, Марину он еще переносил, и виделись мы с ней достаточно регулярно. А с Володей если и общались, то только по телефону, когда Валерия не было поблизости.

— Так ты дачу не узнаешь. Это теперь такая нормальная вилла среднего "нового русского". Все удобства, три этажа, подогретый пол, сауна с зимним садом и бассейном. Ну, еще открытая веранда с камином для барбекю и пруд с карпами.

Оптимизма в голосе моей подруги почему-то не наблюдалось. Она перечисляла все эти приметы роскошной жизни, будто декламировала таблицу умножения, даже не пытаясь хоть как-то расцветить текст интонациями. И вообще была на себя не похожа, какая-то нервозная и одновременно замкнутая. Странно...

— Красиво жить не запретишь, — произнесла я банальную фразу.

Меньше всего мне сейчас хотелось разговаривать. Я чувствовала приближение головной боли, которая в последнее время довольно часто накатывала на меня ни с того, ни с сего, да еще сопровождалась всячими малоприятными побочными явлениями. Ладно, Маринкина мать — врач, что называется "от Бога", даст какую-нибудь пиллюльку.

— Приехали, милые дамы, — услышала я Володин голос. — Вот моя деревня, вот наш дом родной...

Н-да, действительно, давненько я здесь не была. От прежней деревни ничего не осталось, на ее месте вырос поселок из разновеликих и разномастных коттеджей, каждый окруженный собственным забором в зависимости от вкусов и средств хозяев. Наша машина подъехала к высокому дощатому забору, явно новому и покрытому чуть ли не лаком "под красное дерево". Ворота, правда, были без дистанционного управления: Марина вылезла из машины, отперла неприметную калитку справа от ворот и вошла внутрь. Я поволоклась за ней и, пока Маринка отпирала ворота, с любопытством оглядывалась по сторонам. Старый, заросший буйной крапивой-лопухами и кривыми древними яблонями участок совершенно преобразился. К дому, точнее к открытому гаражу сбоку от дома за пышными кустами то ли жасмина, то ли сирени, вела мощенная камнем дорога. Более узкая, но тоже мощенная камнем дорожка огибала дом и разбегалась во все стороны по безукоризненным газонам, глядя на которые нельзя было даже заподозрить сравнительно недавнее существование там грядок с клубникой и петрушкой-морковкой. А посередине всего этого великолепия красовался псевдояпонский прудик с красным горбатым мостиком и маленьким водопадом. Картинка из журнала "Красивые дома", ни больше, ни меньше.

— Любушка? — услышала я за спиной голос Маринки. — Это еще цветочки. Ягодки в доме произрастают.

— Банк ограбили? — пошутила я.

Как выяснилось, пошутила крайне неудачно. Худое, подвижное лицо Маринки как-то застыло, а губы скривила горькая гримаса. Мне стало не по себе: неужели мои друзья вляпались во что-то противозаконное? Вряд ли мой старинный приятель, переводчик с русского на английский, типичная кабинетная крыса, и Марина с ее несгибаемыми принципами и законопослушностью на такое способны. Что-то тут не сходилось.

— Пойди посиди у прудика, отдохни, — потянула меня за руку Марина. — Или хочешь сначала дом посмотреть? Придут родители, сядем за стол. Мама со вчерашнего дня к твоему приезду готовится, из кухни не вылезала.

Мысль о еде меня, честно сказать, не вдохновила. Вообще последнее время мой и без того скромный аппетит как будто совсем исчез, я если и ела что-то, то за компанию или по рассеянности. К тому же голова болела все сильнее, даже черные точки перед глазами начали мелькать.

— Ты что такая зеленая, Светуля? — спросил меня неслышно подошедший Володя. — Укачало в дороге?

Я хотела ответить, что меня в принципе не укачивает, но тут перед глазами все поплыло, и я рухнула в абсолютную безмолвную черноту...

Очнулась я в совершенно не знакомой мне комнате, довольно большой, с камином, мягкой мебелью и огромным телевизором. Откуда-то доносились приглушенные голоса, а рядом со мной на пufike сидела Маринкина мама, Софья Михайловна, и внимательно вглядывалась в мое лицо, одновременно считая пульс.

— Здравствуйте, тетя Соня, — машинально поздоровалась я. — Где это мы?

— Ты у нас на даче. Вспомнила?

— Мы же в дом не заходили, — попыталась я напрячь мозги, что тут же вылилось в очередной прилив головной боли.

— И часто у тебя так? — спросила меня тетя Соня.

— Так — впервые, — честно ответила я, стараясь меньше шевелить губами. — Но головные боли, вообще-то, замучили.

— К врачам ты, конечно, не обращалась, — уверенно констатировала Софья Михайловна.

Я вяло пожала плечами. Болит голова — прими таблетку, а у наших врачей только два диагноза: жив или мертв. Афоризм этот принадлежал моему мужу Валерию, который эскулапов, мягко говоря, не жаловал. Правда, и таблетки принимал крайне редко.

— Сейчас я тебе дам болеутоляющее и успокоительное...

— Я вроде не нервничаю.

— Но стресс-то у тебя, безусловно, есть.

Наверное, есть. Все-таки смерть мужа, да еще скоропостижная, очень весомый повод для стресса. Слез у меня не было — уже не было, я их все выплакала в первые же сутки, поскольку вообще не склонна к такому проявлению эмоций, и запас этой соленой жидкости у меня, судя по всему, ограничен.

— Отлежишься немного, а потом поедим. Я твои любимые пирожки испекла.

Увы, мысль о еде на сей раз вызвала у меня только приступ тошноты, причем это было заметно невооруженным глазом.

— Да что с тобой, деточка? Ты случайно не беременна?

Я покачала головой. Вот уж чего нет, того не может быть. Наши супружеские отношения с Валерием прекратились почти год назад, как только он ощутил первые признаки недомогания. Точнее, самый первый признак — мужскую несостоятельность. Валерий приписал это возрасту и стрессам. Я же... да что грех таить, просто не при-

дала особого значения. Муж меня любил, мы были большими друзьями, а все остальное... Не такое уж большое место занимал секс в нашей жизни и до этого.

— Сильно смахивает на токсикоз, — заметила тетя Соня. — Или... — Она замолчала.

— Или на что? — пробилось через головную боль мое природное любопытство.

— Или на сильное отравление. Что ты ела в последнее время?

— Ничего, — искренне ответила я. — Только кофе пила и курила.

— Спиртное?

— Нет. Я его плохо переношу, а в эти дни...

— По уму надо бы тебя положить в больницу на обследование.

— Лучше сразу в морг, — мрачно ответила я. — На больницы у меня идиосинкразия.

Тетя Соня могла бы мне сказать, что в морг я при таком отношении к собственному здоровью уж точно попаду, причем довольно быстро. Но она промолчала, поскольку всегда была в высшей степени тактичным человеком.

— Сейчас принесу лекарства, — вздохнула она и вышла.

Почти тут же в комнате появилась Маринка. Вид у нее был такой, как если бы я действительно уже попала в морг, а она пришла обряжать меня в последний путь.

— Ну и напугала же ты нас! — сказала она, сядясь на место Софьи Михайловны. — Хорошо, что мы тебя сюда привезли. Что бы ты дома одна делала?

— Лежала бы, — вяло ответила я. — Не психуй, я последние несколько месяцев что-то хандрию. В обморок, правда, еще не грохалась. Жара, наверное...

— Будем надеяться, — хмыкнула Марина.

Тут вернулась тетя Соня с лекарствами и стаканом воды. Я покорно проглотила три разноцветные пилюльки и закрыла глаза. Дурнота, будь она неладна, не проходила. Мне даже курить не хотелось, что само по себе говорило о многом.

Тем не менее, таблетки свое действие все же оказали. Где-то через полчаса я рискнула спустить ноги с дивана и сесть. Голова побаливала, но не кружилась, и вообще общее состояние пришло к моей обычной норме: ощущение легкого недомогания. Этим уже можно было пренебречь и пойти поискать свою сумку с сигаретами.

Вставая с дивана, обитого чем-то вроде бархата темно-синего цвета, я обнаружила, что на подушке осталось довольно много моих волос — длинных и рыжих. Не хватало только оплешиветь на нервной почве, а такие случаи бывают, я знаю. Валерий вон за пару месяцев потерял практически все волосы — свою роскошную, седую гриву, которой так гордился. Теперь вот я лысеть начинаю, воистину, муж и жена — одна сатана, даже если один уже на том свете.

Из гостиной я прошла через некий шикарно обставленный гибрид столовой и кухни — тоже немаленьких размеров, и вышла наружу. Куда подевались хозяева, я понятия не имела, но сумку свою обнаружила в незапертой машине и побрела к диванчику-качелям, стоящему на мощеной площадке возле пруда. Первая затяжка сладко ударила в голову, и тут же я услышала низкий голос Володи:

— Ну, значит, совсем ожила, раз смолит. Что ж ты, подруга дорогая, народ пугаешь?

— Я нечаянно, Вовчик, народ пугаю, — виновато сказала я. — Наверное, бензин кончился.

— То есть? — поднял брови Володя.

— А это мой любимый анекдот. Приходит мужик с котенком в бар и говорит бармену: "Мне виски, а ему — бензина рюмку". Ну, желание клиента — закон, мужик выпивает свою рюмку, а бензин котенку в варежку вылил и опустил на пол. Котенок

побегал, побегал кругами — брык. И лапки врозвь. Мужик глянул и говорит: "Бензин, однако, кончился".

— Хороший анекдотец, — хохотнул Володя. — Может, тебе плюснуть моего бензинчика?

— Это какого?

— Да любого. У меня тут бар вполне приличный, выбирай — не хочу. Ты ведь еще дом не видела.

— Давай пока просто так посидим. Наклюкаться мы еще успеем.

— Кто бы говорил, — фыркнул Володя. — Сколько тебя знаю, ни разу пьяной не видел.

— Так ведь пьют по двум причинам, — объяснила я, — для дури и для запаха. Дури у меня своей хватает, а для запаха есть французские духи.

— Значит, мне дури не хватает, — философски сказал Володя. — С запахом, вроде, никакой напряженки не наблюдается.

Это точно. Вокруг Володи всегда витало некое облако дорогого парфюма и недешевого трубочного табака. Он всегда был чисто выбрит, безупречно одет и благоухал дорогим мужским одеколоном, причем этот запах я помню с тех самых пор, как мы знакомы.

— Избушку-то кто перестраивал? — спросила я без особого любопытства.

— Рабочие, — последовал лаконичный ответ.

— А план кто придумал?

— Архитектор.

— Понятно, что не сантехник. Откуда взял архитектора-то?

Володя как-то загадочно усмехнулся.

— Старые связи, очень старые. Мариночка у меня дама светская, всех знает и ее, соответственно, знают все. Так что бешеных денег платить не пришлось. Только заработанные честным трудом.

Володя явно не хотел вдаваться в подробности, да и меня они, если честно, не сильно интересовали. Поэтому я сочла за благо тему разговора сменить.

— А где весь остальной народ? Марина, тетя Соня?

— Пошли тестя встречать. Лев Григорьевич у нас парнишка старой закалки, казенную машину на дачу гонять совестится. Демократично ездит электричкой, благо от станции ходу минут десять.

— А тебя, стало быть, оставили бдеть у моего одра?

— Умная девочка, сразу догадалась. А что с тобой вообще происходит?

— Откуда я знаю! — огрызнулась я. — Вскрытие покажет. Стресс, скорее всего, я ведь даже не представляю себе, как буду дальше жить. Ну, месяц проведу с сыном, скорее всего, у какой-нибудь воды. А потом он уедет в Англию, а я...

— А ты возьмешь себя в руки и будешь жить дальше. Молодая, красивая женщина, все самое интересное у тебя еще впереди. Поверь мне, я знаю, что такое терять близких людей. Когда погибли мои родители...

Володя замолчал и отвернулся. Я молча погладила его по руке. Действительно, какая это была для него трагедия и как мужественно он держался! В саду послышались голоса: судя по всему, пришли Софья Михайловна с Мариной и Львом Григорьевичем. Пора было идти и снова разговаривать, хотя больше всего мне хотелось сейчас просто сидеть и смотреть в розовеющее перед закатом небо. И молчать.

— Поговори при случае с Мариной, — попросил Володя, поднимаясь с качелей. — Мне не нравится ее настроение. И, если честно, поведение тоже.

— О чём поговорить? — не поняла я.

— О том, о чём она наверняка сама захочет с тобой побеседовать. Насколько я понимаю, таких близких подруг, как ты, у неё нет. А у нас с ней как-то не принято лезть друг другу в душу. Тебе я все это говорю только потому, что ты — мой единственный друг, Светуля, больше мне надеяться не на кого. А жить в атмосфере недомолвок, таинственности и беспричинного раздражения супруги мне уже невмоготу. Поговоришь?

Я кивнула. Ну, что ж, на то они и друзья, чтобы познаваться не только в беде, но и просто в неприятностях. Тем более — единственный друг. Только ради того, чтобы услышать от Володи такое признание, стоило брякнуться в обморок. При всей драматичности ситуации я несколько секунд была почти счастлива.

Глава вторая. Красиво жить не запретишь

После ужина, в котором я принимала чисто символическое участие, меня повели осматривать апартаменты. Внизу, помимо гостиной и кухни-столовой, были спальня Маринкиных родителей, большой и комфортабельный санузел, а также лестница, ведущая наверх, где жили Марина с Володей, причем у Володи имелся собственный кабинет с выходом на довольно просторный балкон, а к спружеской спальне примыкал опять же санузел. Имелась еще и гостевая комната — тоже с персональными удобствами и балконом. Я уже не говорю про отдельно стоящий домик с открытой верандой и камином, сауной и бассейном.

После купания в бассейне мы втроем сидели у горящего камина, попивали джин с тоником, курили и говорили о всяких житейских вопросах. Марину, например, больше всего интересовал вопрос моего здоровья.

— Значит, так. Какое-то время ты поживешь у нас здесь, на свежем воздухе и с нормальным питанием... — категорично проговорила она.

— Через две недели приедет Алешка, — попыталась я напомнить ей о своем материнском долге.

Но она только отмахнулась.

— Алешке здесь тоже будет прекрасно. Есть велосипед, бассейн, прекрасная библиотека, даже две: папина и Володина. На третьем этаже пустая мансарда, поставим туда тахту и все прочее. Что ты будешь делать дома одна?

Я пожала плечами.

— Вот именно. Денег на курорты у тебя все равно нет, а переводить свои детективы ты прекрасно можешь и здесь. В гостевой комнате есть портативный компьютер. Все равно в свое издательство ты чаще двух раз в месяц не являешься. В крайнем случае, сейчас у всех мобилки: понадобишься — вызовут.

— Марина права, — неожиданно вмешался в разговор Володя. — Сейчас тебе нельзя быть одной. То есть не одной, а предоставленной самой себе. Софья Михайловна тебя полечит, таблетки я достану, я уже примерно представляю себе, в чём дело... А переизбыток общения тебе тут не грозит, все люди деликатные.

— И как долго ты предлагаешь мне сидеть у вас на шее?

— Дура, — беззлобно сказал Володя. — Если тебя так уж мучает совесть, будешь стричь газоны и кормить рыбок в пруду. Или тебе во что бы то ни стало хочется сидеть одной-одинешеньке в душной квартире в центре и жалеть себя? Тоже вариант, но — для слабонервных неврастеничек.

— Спасибо, — тихо произнесла я. — Но хоть за Алешкино-то питание я должна что-то платить. Он ведь не я — жрет в три горла, как его папенька. Только молоко, в отличие от него, не уважает.

— А твой бывший муж с чего это к молоку так пристрастен? — удивился Володя. — Мне казалось, он предпочитает напитки покрепче.

— Правильно казалось, — вздохнула я. — В результате имеем то, что имеем. Но он трудится в каком-то ящике, где имеют дело с радиацией. И молоко пьет исключительно в профилактических целях.

— С радиацией? — переспросил Володя и надолго замолчал.

— Не хочешь еще раз окунуться? — с показным оживлением прервала паузу Марина. — В этом году не Москва, а просто Акапулько какой-то.

— Пожалуй. Сейчас купальник принесу.

— Я купаться не пойду, — обронил Володя, закуривая трубку. — Сами плескайтесь.

— Слушай, дорогая, — сказала я, когда мы погрузились в теплую голубоватую воду, подсвеченную снизу и сбоку специальными прожекторами, — я просто потрясена. Все так шикарно. Наверное, влетело в копеечку? Извини, конечно, что лезу не в свое дело...

— Именно об этом я и хотела с тобой поговорить, — сказала Марина. — Видишь, ты тоже не понимаешь, откуда у Володи деньги на все это.

— Но он же пашет, как проклятый, — тут же встала я на защиту приятеля. — И за его переводы платят более чем прилично. Ты тоже зарабатываешь, между прочим, неплохо. И твой отец, если уж на то пошло...

— Вот именно. Это все родители. Никак не впишутся в современную жизнь. Многого не понимают, волнуются, ну, и меня заводят. Дачу ведь переписали на меня, они вроде бы и не хозяева, так что вмешаться не могут, а на мозги капать — сколько угодно. Светик, ну почему они так?

— Потому что совесть воспаленная. — Я вылезла из бассейна и обмоталась полотенцем. — Болезнь предыдущего поколения. Мы только остатки захватили, слава Богу. И вообще, все зависит от человека. Вон Валерий, царствие ему небесное, ни честно, ни нечестно не мог заработать больше сугубо необходимого. А мой бывший супруг катается, как сыр в масле, потому что, не отходя от рабочего стола в своем "ящике", создал какую-то шарашкину контору и теперь ездит исключительно на иномарке, обедает в ресторане, одевается у Армани и утверждает, что копит Алешке на отдельную квартиру, во что мне слабо верится.

Марина тоже вылезла из воды и устроилась с сигаретой в шезлонге напротив меня.

— Алешкин квартирный вопрос ты и сама можешь решить. Извини, конечно, за бес tactность. Трехкомнатная квартира в центре меняется на что угодно приличное, хоть на две двухкомнатные. И пусть твой бывший муж живет безмятежно.

— Успеется, — махнула я рукой. — Альке еще два года в колледже и четыре — в институте, если стипендию получит. Может, он и в Россию-то возвращаться не планирует. Что ему тут светит?

— Ладно, в любом случае, время у тебя есть. Вступать в наследство нужно только через полгода, а за это время много чего случиться может. В молодости, например, мне такая роскошь даже присниться не могла. Но, в принципе, сейчас ведь можно зарабатывать большие деньги, не нарушая никаких законов... Есть и другие способы, я знаю... Впрочем, в нашей стране можно добросовестно работать и жить впроголодь, а можно получать огромные деньги фактически ни за что...

— Умеючи, наверное, можно. А можно еще играть в компьютерную биржу, выиграть в лотерею и сорвать банк в рулетке. Знаешь что, живи и радуйся, что живая и при любимом муже, да еще о куске хлеба с маслом думать не надо. Бывает хуже...

Голос у меня предательски дрогнул, и Марина, естественно, не могла этого не заметить. Она тут же захлопотала вокруг меня, рассказывая о том, какое замечательное время я тут проведу до глубокой осени, как красив сад, когда поспевают яблони и вишни со всякими сливами, как я вернусь в Москву обновленная и успокоившаяся и вообще...

Потом Марина провела меня наверх в комнату причудливой формы, где широкая кровать помещалась в каком-то подобии ниши, созданной скосами крыши, а возле открытой двери на балкон стояло кресло и небольшой круглый столик. Еще в комнате был красиво отделанный зелеными панелями стенной шкаф, а на кровати лежало покрывало из сотни разных, но гармонично подобранных лоскутов, явно произведение рук Софии Михайловны.

— Все необходимое тут есть, завтра разберешься. А тут тебе сок на ночь и вот мама велела выпить таблетку снотворного. Где все удобства, ты уже знаешь. Спокойной ночи, подруга, завтра вечером увидимся. Да, не забудь задернуть шторы, здесь с раннего утра солнце, разбудит.

Она клюнула меня в щеку и ушла. Я чисто машинально, как будто находилась в Москве, приняла душ, заплела на ночь косу, приняла предписанное лекарство и села в кресло у балкона выкурить последнюю сигарету и полюбоваться звездным небом...

Глава третья. Лето в деревне

Утром я долго не могла сообразить, где я, и что происходит. Накануне заснула практически мгновенно, как провалилась. Сколько же я проспала? Я взглянула на часы у изголовья и ахнула: половина двенадцатого. Ничего себе!

Накинув халат, раздвинула шторы и даже зажмурилась: до того яркий и прекрасный день был за окном. Безоблачное небо, промытая, по-видимому, ночных дождем зелень, аромат цветов... Сказка, а не пробуждение. Права была Маринка, притащив меня в этот рай, тридцать раз права!

Я привела себя в относительный порядок и спустилась на первый этаж, где, как мне помнилось, была кухня, и мне могли налить чашку кофе. Кухню я нашла без проблем, но вот со всем остальным получилось хуже: вокруг стояло столько агрегатов, блистающих хромом и никелем, что назначение половины я просто не могла угадать.

Слава Богу, электрическим чайником я пользоваться умела, оставалось только найти кофе, хоть бы растворимый, сахар и какой-нибудь сухарик. Главное, никого в доме, судя по тишине, не было: Маринка и ее отец давным-давно уехали на работу, где может быть в это время Софья Михайловна, я понятия не имела, а беспокоить Володю здесь, видимо, было не принято.

В этот момент за моей спиной раздались легкие шаги, я вздрогнула и выпустила из рук дверцу шкафчика, которая довольно громко захлопнулась. И тут же услышала характерный Володин смешок:

— Попалась, соня!

Всегда удивлялась, как при своих габаритах — рост два метра и вес под сто килограмм — мой друг исхитрялся при движении производить так мало шума.

— Ты меня заикой сделаешь, — проворчала я. — Разве можно так подкрадываться и людей пугать?

— Между прочим, доброе утро. Или добрый день — у кого как.

— Доброе утро, — виновато отозвалась я. — Ты разве еще не завтракал?

— Обижашь, подруга. Я встаю раньше всех, в семь утра уже за компьютером, так что сейчас у меня по расписанию честно заработанный ланч.

— Я не помешаю? Тут, кажется, все вокруг тебя на пуантах ходят, боятся лишний раз вздохнуть.

— Боятся — значит, уважают, — отшутился Володя. — Нет, я просто не терплю, когда вламываются ко мне в кабинет, а в остальных помещениях, равно как и вне их, я доступен и демократичен. Иногда даже добр.

— Это когда же? — прищурилась я.

— А вот сейчас, например. Настолько добр, что научу тебя пользоваться кофеваркой и тостером. В смысле, здешними моделями. Ты же не с Урала, правда?

— Точно подмечено, — согласилась я. — Не с Урала. Но кофеваркой вообще пользоваться не умею, дома у меня кофе растворимый, верх пижонства — кофе в турке. Так что будь действительно добрым мальчиком и помоги старой, немощной подруге.

Володя начал колдовать над довольно сложными, с моей точки зрения, приборами, попутно объясняя мне, как ими надлежит пользоваться. В результате довольно продолжительных — минут пятнадцать, не меньше — манипуляций он соорудил мне чашку кофе с молоком и два горячих тоста с сыром, а себе — черный кофе и приличных размеров пиццу. Должна сказать, что готовить Володя всегда умел и, главное, любил.

— Слушай, немощная подруга, я тут пошарил в Интернете, пока ты отсыпалась, и обнаружил старый, добрый рецепт от малокровия. По-моему, тебе не помешает, даже поможет. А Маринка привезет специальные таблетки. Месяц попринимаешь — будешь как новенькая, хоть снова под венец.

Я невольно поморщилась: особой тактичностью Володя иногда не отличался, особенно если намеренно хотел вывести собеседника из себя.

— Ну, что ты жмуришься, как дева непорочная? Да, трагедия, да, ты теперь молодая вдова. Но не калека и не разведенка с четырьмя сопливыми детишками на шее. Все зависит от того, с какой точки на это посмотреть. И еще от того, насколько ты любила своего супруга. Извини, но у меня сложилось впечатление, что в вашем браке имело место скорее уважение и взаимная прязнь.

— Не так уж и мало для счастливого брака! — огрызнулась я. — Ты вот женат второй раз и, по-моему, отнюдь не по страстной любви.

— Не заводись, — миролюбиво отозвался Володя. — Ситуации бывают разными. Я хотел только сказать, что сидеть просто так и горевать — отнюдь не самый лучший вариант. Валерия ты этим, к сожалению, не воскресишь. А лучшее средство от тоски — работа. Тут мы похожи, ты ведь знаешь.

Да, тут мы были похожи: оба трудоголики. И именно работа выручала меня в самые мрачные периоды первого брака, причем выручала не только материально, но и морально: мне элементарно было некогда комплексовать и предаваться черным мыслям.

— Что, кстати, за народное средство ты раскопал в Интернете? — перевела я разговор на другую тему. — Надеюсь, не сущеное крылышко летучей мыши под ночной рубашкой?

— Толченые жабы лапки в утреннем кофе, — усмехнулся Володя. — Все гораздо проще: парное молоко, желательно, козье, свежие яйца и мед. Вот такой коктейль и будешь получать с утра.

Я только широко раскрыла глаза:

— И где ты собираешься брать ингредиенты? В супермаркете или в том же Интернете?

— Почему я? — пожал плечами Володя. — Софья Михайловна пошла договариваться с соседями в так называемом "нормальном" поселке. Там и козы есть, и ку-

ры, и пчелы. Мед можно купить сразу, а остальное вашему высочеству будут приносить на блюдечке с голубой каемочкой. Только пей.

— Терпеть не могу мед! — поморщилась я.

— Сможешь и потерпишь, — сухо отрезал Володя. — Или так и будешь доходить и шлепаться в обмороки. Не выпендривайся. Алешке ты нужна живая и как можно более здоровая. Во всяком случае, пока. Кстати, вчера я был вполне серьезен, когда предлагал ему провести здесь последний месяц каникул. Задно проверю, как он продвинулся в английском. Я буду рад видеть Алешку. Он в технике разбирается?

— Он пошел в своего отца, — засмеялась я, — все умеет своими руками. Как и Иван. А почему тебя это волнует?

— На чердаке велосипед есть. Хороший, но требует профилактики.

— Сделает, не проблема. Слушай, ты в издательство в ближайшее время не собираешься?

— Я с ними, в основном, через Интернет общаюсь. А в чем проблема?

— Мне бы тоже хотелось поработать.

— О, это я тебе мгновенно устрою! — оживился Володя. — Позвоню своему знакомому, он мне по тому же Интернету и работу для тебя пришлет и в издательстве все оформит. Скажу, пусть выберет что-нибудь завлекательное, но не срочное, тебе сейчас совершенно незачем сутками у компьютера торчать.

— Вот и хорошо, — вздохнула я. — Считай, все проблемы решены. По сути, я твоя должница.

— Свои люди — сочтемся, — усмехнулся Володя. — Иди отдыхай, гуляй, клубнику окучивай...

— Какую клубнику? — ошалела я.

— Шутка. Нет тут никакой клубники. Все, дорогая, мой перерыв закончен, пойду ковать дальше. Увидимся за ужином. А вон и Софья Михайловна идет, она тебя быстро к какому-нибудь занятию пристроит. Час! — И теми же быстрыми, бесшумными шагами Володя выскользнул из кухни.

По-моему, Маринка напрасно психует: мужик пашет, как заведенный, а его переводы — технические и медицинские с русского на английский, а не наоборот, стоят намного дороже, чем мои детективные упражнения в обратном направлении. Действительно, нужно будет с ней поговорить.

Софья Михайловна вошла на кухню и, увидев меня, обрадовалась:

— Ну, сегодня ты уже выглядишь куда лучше. А то вчера напугала всех до полусмерти. Поела?

— Да, спасибо. Меня Володя накормил, а то я такие агрегаты только в кино видела.

— Он к тебе хорошо относится, — как бы без всякой связи с предыдущим сказала Софья Михайловна. — А я договорилась насчет лекарства для тебя и мед вот принесла. Ложка меда, стакан парного молока и свежее яйцо. Каждое утро будешь гоголь-моголь пить.

— Так и станет меня парное молоко до полудня дожидаться! — засмеялась я. — Я ведь только в половине двенадцатого пробудиться изволила.

— Это я тебя вчера с перепугу таблетками перекормила, — улыбнулась Софья Михайловна. — Плюс свежий воздух. Скоро привыкнешь, будешь, как мы все, с петухами вставать.

Делать мне было совершенно нечего: от предложения помочь по хозяйству Софья Михайловна отказалась категорически, сказав, что у нее и Мариночка-то к плите и мойке не подходит, а уж мне тут тем более нечего делать. Так что я

переоделась в шорты и майку и пошла обследовать окрестности. Определенную слабость я еще испытывала, но со вчерашним было не сравнить.

Проторенная тропинка довольно быстро вывела меня к берегу реки, не широкой, но довольно быстрой. У первой встречной тетки я спросила, как этот бурный поток называется и, услышав знакомое название "Десна", успокоилась и села на берегу под кустик.

Непредсказуемыми путями мысли мои вернулись к тому, что сказала Марина: квартирный вопрос Алешки я теперь вполне в состоянии решить сама. И для этого — пока — совершенно не обязательно разменять квартиру, достаточно просто прописать в нее сына и посмотреть, как повернется жизнь.

Я так увлеклась своими мыслями, что совершенно забыла о времени. Оказывается, я просидела у речки больше двух часов. Господи, да меня же там наверняка уже обыскались, то есть Софья Михайловна обыскалась. А мобильник я, конечно, оставила в доме.

Как выяснилось, тревожилась я напрасно. В этом доме не принято было навязывать кому-то свой образ жизни. Святым был только распорядок жизни Володи, остальные же волны были делать все, что им заблагорассудится, лишь бы не мешать его творческому процессу.

Как ни странно, голода я не испытывала, хотя позавтракала весьма условно. Софье Михайловне удалось почти силком впихнуть в меня только немногого клубники и стакан сока. После чего я выбрала в библиотеке Льва Григорьевича какой-то исторический роман, отправилась на качели к пруду и... пожалуй, первый раз в жизни поняла, что в безделье есть своя определенная прелест. Во всяком случае, о какой-то работе не хотелось даже и думать, что для меня было, мягко говоря, нехарактерно.

Володя появился только к ужину, когда и Марина, и Лев Григорьевич уже вернулись из Москвы. Причем появился не сверху, из своего кабинета, а из-за калитки. На мой немой вопросительный взгляд Марина ответила:

— Ходил гулять. Каждый день по часу пешком. После ланча он спит часа два, потом опять работает, а в шесть часов идет на прогулку. Он тебя не звал?

Я покачала головой.

— Все правильно, не обижайся. Гуляет он только в одиночестве, обдумывает планы на завтра и вообще... Как я понимаю, поговорить тебе с ним сегодня не удалось. Ладно, времени впереди много, а когда ты здесь, я спокойна. Вот, кстати, таблетки, прими одну после ужина. Здесь шестьдесят штук — на двухмесячный курс. Специально за ними ездила, Володька договорился, а я забрала.

Таблетки были в огромной банке с надписями на немецком языке, которым я, увы, не владею. Приходилось верить подруге на слово, но вряд ли она имела намерение меня отравить. Хотя должна сказать, что любое незнакомое лекарство вызывает у меня большое сомнение.

После ужина Володя сказал, что объявляется всеобщий праздник: будем смотреть видеофильм "Истивудские ведьмы" и пить настоящее немецкое пиво, которое он привез из поселка. Судя по реакции окружающих, такими вечерами он их баловал нечасто, но почему-то онинесли это радостное событие на счет моего появления в их небольшом коллективе. Увы, для меня праздник состоялся лишь частично, хотя надеюсь, что настроение остальным я не очень подпортила.

Думаю, все дело было в таблетке, потому что через полчаса после начала просмотра голливудского шедевра на меня стал медленно и неумолимо наползать сон. Нет, я не заснула окончательно, но мечтала только о том, чтобы поскорее добраться наверх, в свою комнату, и, желательно без всяких предварительных про-

цедур, завалиться спать. Но фильм, судя по всему, был очень даже хороший, потому что Маринка, обычно невероятно наблюдательная, заметила мое состояние только через час и тут же попросила Володю нажать паузу, потому что один зритель, похоже, готов.

Я вяло отнекивалась, пока она тащила меня наверх и помогала устроиться. Никаких снотворных таблеток она мне на сей раз не предлагала, только заставила выпить успокаивающее и поставила на столик бутылку минеральной воды и стакан. Свет в комнате уж точно гасила не я, потому что к этому времени могла только положить голову на подушку, а руки — поверх одеяла. И — провалилась в глубокую, мягкую ямку, почему-то белую, где повсюду были разбросаны фиолетовые подушки, а издалека доносились что-то вроде звуков свирели.

“Это козу пасут, — додгдалась я. — На завтрашнее молоко”.

После чего вообще наступила темнота и тишина.

Два дня я бездельничала вовсю: выпивала сладкий со специфическим запахом козьего молока коктейль, потом читала, плавала в бассейне, гуляла по окрестностям, где увидела немало интересного. Например, обнесенный высоченным глухим каменным забором участок гектара в три, с камерами наблюдения у ворот. Как сказала мне Софья Михайловна, это владение какого-то супернового русского, куда крайне редко кого-топускают, а самого хозяина и его жену, господ Звонаревых, видели только на редких фотографиях в прессе.

Головные боли меня не мучили, сон, благодаря чудо-таблеткам, был слишком даже глубок, а погода стояла точно по заказу: умеренно-жаркая с кратковременными прохладными дождями. В общем, от такой жизни я слегка ошелела и, кажется, даже начала прибавлять в весе — на радость Софье Михайловне и Маринке.

Малину эту, как и следовало ожидать, прекратил Володя, который, в очередной раз встретившись со мной за ланчом, вручил мне дискету и сказал, что это — острожетный новый детектив какого-то американца, который ему прислали из издательства для меня. Срок божеский — три месяца вместо обычных полутора, но оплата — та же, пять долларов за страницу.

— Ты уж извини, финансовые потоками я там не рулю, — сказал он без тени сожаления в голосе. — Вот пролонгировать срок мне удалось. Так что хватит дурочку по полу валять, труд превратил в человека даже обезьяну, а ты все-таки ближе к гомо-сапиенсу. Сегодня войдешь в курс дела, а с завтрашнего дня — к станку. Сама увидишь, как сразу полегчает.

Володя, как всегда, был прав. Он снизошел даже до того, что уделил мне полчаса своего времени после дневного сна и быстремко обучил работе с портативным компьютером, который стоял в моей комнате. Вообще-то эта штуковина предназначалась для Марины, но та настолько обалдевала от этой техники на работе, что дома, да еще в выходные дни просто видеть его не могла.

Я напрасно боялась: к “компику”, как я его окрестила, я привыкла быстрее, чем к своему Кузьме, хотя аппарат был почти новый и достаточно навороченный. Володя перебросил мне текст с дискеты непосредственно в компьютер, посчитал страницы и поделил их на, как он выразился, “дневные задания”. Получилось около трех страниц в день, что для меня и не работа даже, а так — легкая разминка ценой в полторы тысячи баксов. Именно столько мне должны были заплатить при сдаче работы.

Я, конечно, тут же размечталась о том, что на жизнь этого хватит с избытком, а избыток можно потратить на массу интересных и полезных вещей. Например, покрыть пол в кухне ламинатом, а на окна повесить жалюзи. А если продать Валерию библиотеку, то и на нормальный ремонт в ванной останется или на покупку во-

жделенной стиральной машины, вместо моей развалины с ручным отжимом. В общем, мечты были так же сладостны, как пробуждение по утрам под пение птиц.

Чтение я, конечно, забросила, а прогулки сократила. Зато вечерами с удовольствием смотрела вместе со всеми телевизор или просто сидела у камина и уже не засыпала на самом интересном месте прямо там, где сидела. Волосы, правда, по-прежнему лезли немилосердно, Софья Михайловна советовала натирать корни каким-то репейным маслом, но я не могла решиться появиться перед Володей с замасленной башкой. Друзья-то друзья, но...

В один прекрасный день Володя укатил в город — по делам. Он сизошел даже до того, что предупредил, что ночевать будет в своей квартире, так как нужно еще провести несколько деловых встреч. Если не вернется на следующий день к вечеру — позвонит, а если не звонит, значит, вернется. К этому времени я жила в этом благословенном уголке уже почти полторы недели, и впервые мы вечером остались с Мариной наедине, поскольку ее родителей пригласили к соседям на какое-то семейное торжество. Нас тоже звали, но мы увильнули. Да, собственно, никто и не настаивал.

Хотя в доме никого не было, Марина предложила посидеть-посплетничать у пруда, благо вечер был удивительно теплый, а комаров, наоборот, на удивление мало. Мы захватили с собой бутылку итальянского вермута, к которому обе были неравнодушны, апельсиновый сок и лед.

— Хотела бы я так уметь жить моментом, как ты, — сказала Марина, после нескольких минут беспредметной болтовни. — А меня все время словно какой-то червяк сомнения точит изнутри.

— Думаешь, Володя тебе изменяет? — задала я первый приходящий в голову женщины в такой ситуации вопрос. — Ты какая-то дерганая...

Марина досадливо поморщилась.

— При чем тут изменения? Да, Вовка относится к женщинам достаточно потребительски, но даже если у него есть какие-то интрижки, меня это не волнует. От меня он не уйдет, это главное.

— Почему ты так уверена? — несколько удивилась я.

— Прежде всего потому, что у меня никогда не будет детей. А потом есть еще кое-какие зацепочки...

Марина осеклась и начала искать сигареты, которые лежали на столике прямо перед ней. Я же говорю — дерганая.

Я ошарашилась глазами: для большинства мужчин бесплодие жены было бы скорее огромным недостатком, чем достоинством.

— Вовка детей не любит, ты знаешь. Особенно маленьких: ты бы видела, как он кривится, когда кто-то заводит при нем разговор о пеленках-распашонках-колясках...

— Но... Тогда что тебя беспокоит? Любит ли он тебя?

— Володя способен любить только себя, тебе это прекрасно известно. Нет, меня беспокоит то, что я перестала его понимать. Раньше читала, как открытую книгу, а теперь между нами будто стеклянная стена. А некоторые вещи я узнаю совершенно случайно. Например, о валютном счете в банке...

— Рисковый парень, — заметила я. — После того, что неоднократно проделывало с нами наше родное государство, я бы ему сто рублей побоялась доверить.

— Счет — в Швейцарском банке, — сухо ответила Марина. — Я узнала об этом тогда, когда мы с ним составляли завещания. До этого считала, что деньги, которые остаются после всех расходов, хранятся где-то в России. И в случае необходимости их легко будет получить. Вместе с процентами. А оказывается — счет за границей,

куда мы практически не ездим, разве что на недельку проветриться. По завещанию, правда, мы оба имеем равные права на этот счет...

— Что-что? — не поверила я своим ушам. — Завещания? В нашем-то возрасте?

— Обычная практика цивилизованных стран, — пожала плечами Марина. — Мы все завещали друг другу, а если с нами обоими сразу что-то случится, то все наследуют мои родители. Изменится ситуация — изменим завещание. И, наконец, мне не понравился разговор с его бывшей женой Ларисой. Это, пожалуй, главное.

— Ты мне ничего об этом не рассказывала, — с некоторой обидой сказала я.

— Вот теперь дозрела — рассказываю. Но только Володьке — ни пол слова. Ты же знаешь, как он ненавидит дамскую болтовню.

— Он-то? — усомнилась я. — По-моему, он ее просто игнорирует. Кстати, о чем ты с ней беседовала? И вообще с какого перепугу решила с ней встретиться?

— А черт его знает! — искренне сказала Марина. — Жутко жалею сейчас о том, что вообще с ней говорила. Надо было поддаться первому движению души и послать эту рыжую красотку очень далеко. Если бы да кабы... А эта... В общем, она всучила мне какую-то дискету и фотопленку. Я их даже не смотрела.

— Почему? — поразилась я.

— А потому, что прекрасно знаю, как виртуозно можно оболгать человека и свести этим с ума близких ему людей.

— По-моему, тебе нужно хорошенько отдохнуть, — сказала я. — И выкинь из головы Ларису, дискету, фотопленку и нотации родителей. И Володе я, естественно, ничего об этом не скажу, поскольку это ваши дела, а не мои. Разве что намекнуть, что тебе нужен хороший психотерапевт. По-моему, ты стала очень нервная и вообще...

— Не надо с ним говорить, — покачала головой Марина. — Все нормально, мелкие заморочки на работе, пройдет. Просто хочу, чтобы ты взяла дискету и пленку себе. Мне они не нужны, смотреть их я все равно не буду. Но если со мной что-нибудь случится... Лариса способна на что угодно, позаботься тогда о Володе, ладно?

— Спятила? — участливо спросила я.

Марина посмотрела на меня сухими и несчастными глазами и почти неслышно произнесла:

— Никогда в жизни не была так нормальна и серьезна.

Глава четвертая. Отцы и дети

Дискету в тот вечер мне Марина не дала, сказала, что это лучше сделать, когда я уже буду в Москве, потому что и дискета, и пленка хранятся у нее на работе в сейфе. Главное, душу она мне излила, немного успокоилась, а там время пройдет и все наладится, не может не наладиться. С этим тезисом я была бы полностью согласна, если бы не видела перед собой эту новую Марину с затаенным беспокойством в глазах.

В отличие от Москвы, время здесь мчалось с такой ошеломляющей быстротой, что я ахнуть не успела, как мне на мобилку позвонил Алешка и сказал, что они с отцом прилетают послезавтра в Домодедово, чартерный рейс номер такой-то, значит, дома он окажется где-то около одиннадцати вечера: отец посадит его в такси. Такой вариант меня совсем не устраивал, хотя бы потому, что пока еще возвращаться в Москву у меня не было ни малейшего желания. Да и гостеприимные хозяева меня поддержали.

— Пусть ребенок поживет месяц на свежем воздухе, — заявила Софья Михайловна. — Я его тут вкусненьким накормлю, послежу за ним...

— Мама, — засмеялась Марина, — Алешка уже практически взрослый, мужик, по полгода живет самостоятельно, в декабре восемнадцать стукнет. Какой присмотр, какое вкусенько?

— Для меня вы все и всегда — дети, — слегка обиделась Софья Михайловна. — Присмотр обычновенный: завтраком накормить, обедом. Вы же все работаете.

— Ну я, положим, от своей работы в любой момент могу оторваться, — попыталась я возразить.

— А зачем, если мне все равно делать нечего? — резонно спросила Софья Михайловна.

Возразить на это было нечего.

— Как, кстати, твои успехи? — поинтересовался Володя, впервые за весь вечер открывший рот. — Много наковала?

— Сто страниц — со скромной гордостью доложила я. — По восемь-десять в день, с опережением графика.

— Молодец, выношу тебе благодарность в приказе. Но особенно не расслабляйся, второй раз я для тебя такие льготы вряд ли выбью.

— Я и не расслабляюсь. К тому же в сентябре мне только и останется, что переводить: Алешка улетит обратно учиться, а я буду сидеть дома и трудиться не покладая рук.

— Ладно, не маленькая, разберешься. Я вот что думаю: Алешку мы с тобой подадим встречать вместе, до Домодедова тут рукой подать, а дамы приготовят парадный ужин в честь встречи. И в Москву тебе пока ехать нечего, рано. Поживете тут с Алешкой, как мы и решили, ну, а если что из вещей понадобится, тогда эту проблему и будем решать. Логично?

— Как всегда гениально! — с максимальной долей лести ответила я.

— Я серьезно.

— А если серьезно, то я, Володенька, очень тебе благодарна, потому что Алька о смерти Валерия еще ничего не знает...

— Как?! — ахнула Софья Михайловна. — Ты ему даже не позвонила?

— Зачем? — пожала я плечами. — Мальчишка отдыхал с отцом, наслаждался своим любимым подводным плаванием и вообще радовался жизни. Да и не такие уж близкие у них с Валерием сложились отношения, чтобы... Да и Иван взбелился бы.

— На Ивана наплевать, — сухо сказал Володя, — но твою позицию я, в принципе, одобряю: поступила ты правильно, хотя со стороны может показаться — бессердечно. Выдергивать парня с курорта только ради того, чтобы он изображал скорбь, которой, может, и не испытывает, не самое разумное. Как моральная поддержка... Думаю, все здесь присутствующие худо-бедно тебе Альку заменили. А за месяц с ним вы наговоритесь вспять, все обсудите, да и у тебя не будет к нему лишних претензий и обид. Уверен, внутренне он даже обрадуется, когда узнает, какая чаша его миновала.

— А тебе не в лом бросать работу и ехать в аэропорт? — поинтересовалась я. — Можно ведь и мне самой на электричке...

— Было бы в лом, не предлагал бы, — последовал ответ. — К тому же выезжать нужно часов в семь, а я к этому времени обычно работу уже заканчиваю.

Что ж, расчет и логика, как всегда, безупречны.

При Володиной пунктуальности можно было не опасаться опоздать к прибытию рейса, тем более, что он двадцать раз все проверил и по телефону, и по Интернету. Подъехали мы к Домодедову как раз тогда, когда интересовавший нас лайнер совершил посадку. Алешку я предупредила коротким звонком по мобильке, что буду

его встречать, потому что попытка сделать сюрприз была чревата тем, что мы могли просто разминуться.

Володя остался в машине, а я отправилась к выходу с таможенного контроля. Нет, Домодедово — это все-таки не Шереметьево, там бы я вдосталь настаялась в нетерпеливой толпе встречающих. А так уже через полчаса обнимала свое родное, загоревшее до черноты двухметровое чадо, уделив Ивану лишь приветливый кивок и мимолетную улыбку.

Но он, судя по всему, был настроен менее миролюбиво, причем причина была очевидна и отидалась у его плеча: молодая, стройная брюнетка, чуть постарше Алешки, смуглая и с необыкновенными для такого типа лица светло-серыми глазами. Представлять нас, похоже, никто не собирался.

— Я же сказал, что отправлю Алешку домой на такси, — буркнул Иван вместо приветствия.

— Обстоятельства изменились, — сообщила я. — Я живу не дома, а на даче у Маринки с Володей, так что мы с Алькой поедем прямо туда. Никакого такси не нужно.

— Ну и замечательно, — чуть менее раздраженно отозвался мой экс-супруг, который сообразил, что может экономить некоторую сумму денег. — Тогда мы с Маринеллой поедем прямо домой.

— А я Светлана, Алешина мать, — кивнула я брюнетке. — Очень приятно.

Та ограничилась кивком: многословием девушка, судя по всему, не страдала. Но недовольство с ее очаровательной мордашкой исчезло: все встало на свои места, бывшая жена встречает своего родного сына и забирает его сразу от самолета. Чего уж лучше-то?

— Ну, пойдемте, — сказала я, и мы стройными рядами выкатились из здания аэропортового зала на площадь.

— Возьмешь такси? — спросил Иван. — Или поедете на электричке?

Увидев нас, Володя вылез из машины, подняв руку над головой, что должно было изображать то ли приветствие, то ли обозначение места своего присутствия. Иван понял это, как приветствие, и подошел поздороваться.

— Хорошо выглядишь, старик, — сказал Володя, пожимая ему руку. — Великое дело — море. Алька, привет, нипочем бы тебя не узнал на улице, просто гренадер какой-то вымахал. А это что за очаровательная барышня?

— Это... моя подруга, — с некоторой запинкой ответил Иван. — Маринелла.

— Красивое имя для такой красивой девушки, — как всегда блеснул галантностью Володя. — Ну, счастливо вам добраться, а нам пора. На даче нас уже заждались, поди.

— Валерий Павлович тоже там? — не без ехидства осведомился Иван. — У вас теперь разделение обязанностей: он готовит торжественную встречу, а ты обеспечиваешь транспорт?

Шуток над своей персоной, а тем более вмешательства в личную жизнь двусмысленными намеками, Володя не терпел по определению. Я это знала, а Иван, похоже, если и знал, то забыл.

— Валерий Павлович скончался три недели назад, — сухо произнес Володя, ни к кому непосредственно не обращаясь. — Светлана живет у нас, потому что была в очень плохом состоянии. А вас она решила не извещать, чтобы не портить вам отпуск.

— Валерий Павлович умер? — потрясенно пробормотал Алексей, и мне на мгновение показалось, что он сейчас заплачет. — Как? Почему?

Лицо Ивана как-то странно дернулось и застыло. Во всяком случае, он явно не остался равнодушным к этой новости. Странно, обычно он реагирует только на то, что касается непосредственно его, а все остальное в упор не видит.

— У нас еще будет время поговорить об этом, Алька, — мягко сказала я. — Все случилось совершенно внезапно. Дядя Володя и тетя Марина приглашают тебя по-жить оставшиеся каникулы у них со мной. Поедем, сам все увидишь.

— А купаться там есть где? — тут же оживился мой ребенок.

— Есть речка и есть бассейн, — вмешался Володя. — В общем все есть, а мы здесь теряем время. Поедем, Светуля?

— Я тебе сочувствую, — пробормотал мне в спину Иван. — Кстати, выглядишь не акти, сходила бы к врачу. Созвонимся.

Проявил заботу о бывшем близком человеке — и на том, как говорится, спасибо.

Я кивнула и юркнула в машину. Через некоторое время ко мне присоединился Алешка, который помогал Володе пристроить багаж наиболее рационально, а еще через несколько минут мы уже катили в ту сторону, где на горизонте дрожали отсветы огней славного города Домодедова. Оттуда до Калинина было вообще рукой подать.

— Ма, а что случилось с Валерием Павловичем? — шепотом спросил Алешка. — Сердце? Несчастный случай?

Я покачала головой:

— Нет, просто уснул и не проснулся. Точного диагноза нет, вскрытия не делали.

— Почему? — изумились хором и Алешка, и Володя, который, похоже, только сейчас узнал эту подробность. — Как это вообще могло быть?

— Тетя Нина запретила, — объяснила я. — Наговорила что-то кому-то о христианских нормах, возможно, взятку дала, не знаю, я как в бреду была. Кремировали — и все.

— Кремировали? — задумчиво переспросил Володя, не отрывая взгляда от дороги. — Значит, даже эксгумация невозможна?

Тут в моем сыне проснулся ученый-биолог.

— Можно сделать спектральный анализ праха, — оживленно сообщил он. — Так поступают, если подозревают отравление. Жаль, все это я мог бы в Англии провернуть мгновенно. Урну уже захоронили?

Я покачала головой, не зная, возмущаться или поражаться такому повороту разговора.

— Нет еще. Мне было слишком плохо. Тетя Марина и дядя Володя практически сразу забрали меня к себе. А урна осталась в крематории.

— Захороним, не проблема, — отозвался Володя. — Место есть?

— Есть могила его родителей на Преображенском.

— Тогда вообще легко, там Маринкина родовая усыпальница, тещь всех знает...

— Только я до этого отсыплю горсточку и сделаю в колледже спектральный анализ, — заканючил Алешка.

— А кто тебе мешает? — спросил Володя. — Если не противно, вперед.

— Я же биолог! — обиделся Алька.

— Биолог, биолог, — успокоила я его, примирившись с неизбежным. — К тому же почти взрослый, делай, что хочешь.

— Как же ты теперь будешь одна? — вдруг осознал Алешка. — Может, мне в России с тобой остаться?

— Спасибо, синюшка, но, думаю, справлюсь. В любом случае, колледж ты должен закончить там, год я потерплю. А потом либо привыкну, либо... будем решать проблему заново.

— Мудро, — хмыкнул Володя. — Я боялся, что в тебе материнский инстинкт перевесит все доводы разума.

— При чем тут разум? — осведомилась я. — Слепому ежику понятно, что ни в коем случае нельзя упускать шанс бесплатно учиться в престижном заграничном колледже, да еще стипендию получать. Ничего со мной не будет, я уже давно совершенолетняя. Займусь работой, ремонтом, собой, наконец.

— Умница, — выдал Володя столь редкую для него похвалу. — Впрочем, я в тебе никогда не сомневался. Ладно, закончили о грустном. Алька, откуда взялось это чудо в перьях в аэропорту? Что еще за красотка Мэри? Она с вами из Москвы туда каталась?

Если мой сын и покраснел, то под бронзовым загаром да в полуутыме машины это было незаметно.

— Нет. Я познакомился с Маринеллой в одном магазинчике. Она хотела что-то купить, но совсем не знает языка.

— Ты познакомился? — одновременно обалдели мы с Володей.

— Да, я. Ей же лет двадцать, да и понравилась она мне сначала: ножки, глазки, то-се. Купил ей цацку, угостил мороженым, повел на пляж, познакомил с башнюшкой...

— И оказался лишним, — догадливо подхватила я.

— Баба с возу — кобыле легче, — философски отозвался мой ребенок. — Кроме ножек и глазок, там только стремление красиво жить, причем немедленно. Отцу-то, может, по барабану, а мне это не надо. В Англии такие девчонки — закачаешься, да с ними еще и поговорить можно о чем угодно, и музыку послушать, и в театр сходить, а не по магазинам да ресторанам шляться. Кстати, эта самая Маринелла, кажется, замужем, но отдыхать приехала то ли одна, то ли с подругой. На охоту, проще говоря. А уж это — тем более без меня.

— У тебя есть подружка в Англии? — робко спросила я.

Алешка расхохотался.

— Ма, расслабься. Там друзья и подружки есть у всех, кто старше десяти лет. Жениться я не собираюсь, если тебя это волнует. Там это мало кого колышет: можно годами жить вместе, а потом разъехаться. Нормальный ход и никаких обязательств.

— Один бы день так пожить, — то ли в шутку, то ли всерьез сконфузенно вздохнул Володя. — И когда мы наконец станем цивилизованными?

— Тетя Марина тоже так считает? — лукаво спросил Алька.

— Светуля, — преувеличенно скорбно вздохнул Володя, — вижу, змею взрастила ты на своей материнской груди. Точнее — змея. Ты, между прочим, не вздумай при Марине Львовне такие вопросы задавать.

— Дядя Володя, ты что? — неподдельно возмутился Алька. — Я же на голову не больной. Мама меня всегда правильно понимает, вот я при ней и болтаю, что хочу. Ты еще скажи, чтобы я Софье Михайловне этого не рассказывал.

Володя расхохотался так искренне, как я давно уже не слышала, чуть ли не со времен нашей студенческой юности. Все-таки Алька ему явно импонировал.

— И в кого у тебя такой сыночек умный? — ехидно спросил Володя. — Просто душа радуется.

На этот вопрос я предпочла не отвечать, тем более, что мы уже подъезжали к воротам Володиного дома, ярко светившегося всеми огнями в наступившей ночи. Там нас ждали, там нам будут рады, а все остальное если и имело значение, то либо косвенное, либо минимальное.

Вот когда настал звездный час Софьи Михайловны!

Стол, который подготовила Софья Михайловна, можно было по роскоши и ассортименту сравнить разве что с кремлевским банкетом. Сначала было совершенно непонятно, куда девать всю эту прорву еды, но когда я увидела, как вдохновенно

взялся за дело мой ребенок, поглощая огромные куски заливного вперемешку с салатами и пирогами, от сердца у меня отлегло. Но неужели Иван на отдыхе экономил на питании? С него станется.

— Тебя что, папа там совсем не кормил? — озвучила мой невысказанный вопрос Софья Михайловна.

— Ты что, крестная, — отозвался с набитым ртом Алька, — там же шведский стол был в гостинице. С утра сколько съел — все твое. Только быстро надоедает, все одно и то же, а овощами-фруктами там только дамочки увлекались, которые фигуру берегли. А я после завтрака брал акваланг — и в море. Пока не посинеешь.

— С отцом, надеюсь? — для порядка строго спросила я.

— Ну... с отцом, конечно... сначала...

— Алька, не ври, все равно не умеешь, — попеняла я ему. — С кем плавал-то?

— Да у нас там, ма, целая компания была: парни, девчонки. Чего старики-то были мучить...

— Ребенок, не наглей, — осадила я его. — Большинство здесь — ровесники твоего отца, нас ты тоже в старики записал?

— Ты младше отца на пять лет, — выкрутился Алька, — тетя Марина тоже.

— А я, между прочим, его ровесник, даже постарше, — подал голос Володя с другого конца стола. — Так что выбирай выражения, видишь, какие тут все обидчивые собрались.

Алька растерянно оглядел стол, но, увидев улыбающиеся лица, успокоился и снова принялся залихивать в организм калории в самых разнообразных видах.

— А обед? — продолжала гнуть свою линию Софья Михайловна. — А ужин?

— Крестная, ты еще бы про полдник спросила! Днем мы с компанией на пляже под тентами пиво пили или кофе с мороженым. Потом по городу гуляли, вместе или каждый сам по себе. А ужин... как придется.

— Ты с Маринеллой на какой день познакомился? — задала я абсолютно невинный с виду вопрос.

Володя понял и хмыкнул. А Алешка подвоях, естественно, не заметил.

— То ли на третий, то ли на четвертый — не помню. А что?

— Ничего, — пожала я плечами. — Просто спросила.

Про себя же довольно быстро вычислила, что вскоре после этого Алешка был предоставлен фактически самому себе, и хорошо еще, если Иван ночевал в собственном номере. Вряд ли эта красотка была фанаткой подводного плавания, так что досуг они наверняка проводили как-то по-другому.

Впрочем, возможно, я несправедлива к Ивану: переночевать, как известно, можно и днем, а ночью спать в собственной постели в одной комнате с сыном. Всей правды я никогда не узнаю, Алешка, конечно, болтлив, но чужие секреты хранит железно. Да и нужна она мне, эта правда? Бывший муж имеет право на любые развлечения, ребенка мне вернули поздоровевшим и отдохнувшим, а кормежка... Софья Михайловна ему в три дня наверстает упущенное, если дело так пойдет.

К концу ужина Алешка осоловел так, что спал за столом с открытыми глазами. Пришлось срочно транспортировать его в отведенное помещение и укладывать спать почти как маленького. Когда он заснул, по-богатырски раскинувшись в постели, я тихонько вышла на балкон и заметила красный всполох. Понятно, Володя уединился там и отдыхает от слишком интенсивного для него общения. Мешать ему я не собиралась, но он сам окликнул меня:

— Иди сюда, мать. Посидим, поокаем.

— Или помолчим, — сказала я, опускаясь во второе плетеное кресло перед столиком с пепельницей, бутылками и бокалами.

— Потом помолчим. Я тебя здесь ждал, на самом деле. Видишь, все подготовил, даже лед есть.

— С ума сойти! — восхитилась я. — Обслуживают, как в "Гранд-отеле". И чаевых при этом не берут.

— Стервозина, — беззлобно отпарила Володя. — Слушай, Алька-то как вырос! Не знаю, обрадует тебя это или нет, но от тебя он, кажется, мало что унаследовал.

— Я всегда подозревала, что Иван мне изменяет, и наш ребенок — не от меня, — согласилась я. — Но, может, это и к лучшему. Романтизм и сентиментальность давно вышли из моды, а зарабатывать бешеные деньги я не умею. Может, у Алешки получится, если он в отца пошел. Только я не уверена, что Иван зарабатывает честно, в нашей стране это практически невозможно. Ну, да дай ему Бог, только бы в криминал какой-нибудь не влетел.

— Кто? — опешил Володя. — В какой криминал?

— Почем я знаю! Их научно-исследовательский институт всегда был закрыт, чуть ли не герметически, все бумаги — секретные, все задания — конфиденциальные. Сейчас только и слышишь, что ученых в тюрьму сажают буквально пачками.

— Так этих — за шпионаж, — усмехнулся Володя. — Не за воровство и не за мошенничество.

— Что в лоб, что по лбу, — вздохнула я. — По какой бы статье Ивана ни посадили, мне это радости не доставило бы, уверяю тебя.

— Ты просто мать Тереза, — усмехнулся Володя. — Любая нормальная женщина только порадовалась бы несчастью с бывшим мужем.

— А я ненормальная, — сообщила я, наливая себе чуть-чуть джина и разбавляя его солидной порцией тоника. — Уж тебе-то это должно быть известно. Стала бы нормальная женщина...

— Ладно, побалабонили и будет. Я хотел тебя спросить вот о чем: ты поговорила с Мариной?

— Да мы, по-моему, только и делаем, что с ней болтаем, — удивилась было я, но тут же вспомнила Володину просьбу и наш с Мариной "суперприватный" разговор. — Ах, да, конечно же, только не помню, в какой день.

— Наверное, когда я был в Москве, — проявил чудеса догадливости Володя. — Неважно. Так что ее гнетет, она тебе объяснила?

Бывают случаи, когда я говорю сразу то, что думаю, причем гораздо чаще, чем мне хотелось бы, а вру крайне редко. Сейчас же по какому-то наитию я поняла, что нужно сказать правду, но...не совсем и не всю.

— Могу тебе сказать совершенно искренне: не знаю. Да, я вижу, что она изменилась, но причины не понимаю. Единственное, к чему можно прицепиться, это постоянное недовольство ее родителей вашим образом жизни.

— Ах это, — облегченно, как мне показалось, выдохнул Володя. — Старые песни о главном, да? От трудов праведных не наживешь палат каменных? Очень в их стиле. Но это уже диагноз, и к тому же не лечится. Тебя тоже удивляет рост нашего благосостояния?

— Не очень. Насколько мне известно, Иван тоже не бедствует, а иномарка, евроремонт и отдых на море с сыном и любовницей отнюдь не бесплатны, а довольно дорогое удовольствие. Вряд ли он нарушает законы, слишком трусив, но что-то безусловно делает очень не бесплатно.

— Вот именно. Ладно, остальное все ерунда, разберемся по ходу дела. И это все?

— Она почему-то беспокоится о завещании. И о том, что ваши сбережения — за границей.

— Ну, сбережения — это сильно сказано, — усмехнулся Володя, — просто некоторая сумма на тот случай, если решим как следует отдохнуть где-нибудь в Европе. Волочить валюту через границу хлопотно и противно.

— Но почему вы вообще написали завещание? По-моему, Марина это как-то связала с состоянием твоего здоровья. Или считает, что сама чем-то больна, а ты от нее скрываешь.

— Чепуха какая! — рассмеялся Володя с видимым облегчением. — Я-то думал, что у меня жена европейская женщина, а она все еще одной ногой там, "в совке". Любой цивилизованный человек на Западе, обладающий хоть какой-то собственностью, пишет завещание как только достигает совершеннолетия.

— Но у нас это пока как-то не принято.

— И плохо, что не принято. Тебе, например, тоже не помешало бы написать завещание, когда вступишь в права наследства.

— У меня, слава Богу, один наследник.

— А если ты еще раз выйдешь замуж? А если у твоего избранника будет четверо детей от трех предыдущих браков? И все они радостно кинутся растаскивать по кускам квартиру?

— Я же пропишу там Алешку. Какие проблемы?

— А черт его знает, какие там могут возникнуть проблемы, — мрачно ответил Володя. — Марина не знает, а тебе скажу. Если с нами обоими что-то случится, то все, кроме городской квартиры Маринкиных стариков, унаследует твой сын.

— Что-что?! — ошалела я.

— То, что слышала. Я не хочу, чтобы заработанное мною после смерти стариков досталось каким-то дальним родственникам или еще лучше — государству. Своих детей у меня никогда не будет...

— Не зарекайся, — посоветовала я. — Дело это нехитрое.

— Марина не может иметь детей.

— Во-первых, наука шагает вперед семимильными шагами. А во-вторых, допустим, что ты неосторожно "сходил на сторону". И через девять месяцев — привет, бэби!

— Не признаю, делов-то, — пожал плечами Володя.

— А генетическая экспертиза, голубь мой? — ехидно спросила я. — Тут-то тебя, раба Божьего, и прищутят: алименты будешь платить, как зайчик, и младенчика признать своим придется официально.

— Да ну тебя, Светка, — разозлился Володя. — Что ты взялась ерунду молоть? Когда это я налево ходил?

— Спроси лучше, когда не ходил, — пробормотала я себе под нос, — мне легче ответить будет.

— Иногда я тебя почти люблю, — начал отходить Володя, — только ты умеешь говорить гадости так, что становится смешно. Редкий дар для женщины. Нужно было на тебе жениться...

Лучше бы ему было этого не говорить. Конечно, дела давно минувших дней, Маринка — моя ближайшая подруга, и все такое. Но старая любовь не ржавеет. И при всей очевидной абсурдности этого высказывания, мое глупое сердце затрепетало и сделало какой-то немыслимый кульбит.

Дурак проклятый, он десять раз мог на мне жениться, от Ивана я бы к нему боликом побежала. Так нет, сначала Лариса, потом — Марина. Умом-то я всегда понимала, что семейная пара из нас с Володей вряд ли выйдет, чудо уже, что друзьями умудрились остаться.

— Значит, здоровье... — задумчиво произнес Володя. — Ну, это я урегулирую. И это все?

— У нее — да. А я вот поражаюсь тебе: делал бы заначки от супруги — и все довольны. Или вообще поступал бы, как Иван: небольшая толика денег жене на хозяйство, а остальное ее не касается. А красиво жить можно вне семьи.

Помимо моей воли, горечь в голосе все-таки прозвучала. Мне до сих пор было странно и больно вспоминать о том, что я понятия не имела, сколько на самом деле зарабатывал мой первый муж, и до сих пор было живо в памяти ощущение свинцовой тяжести в руках и в спине после многочасовой вечерней подработки на машинке. А как только мы развелись — у Ивана появилась "тойота", возможность сделать ремонт и все прочее. Причем появилось все это очень быстро. И как это понимать? Правда, я, дура, даже от алиментов отказалась в припадке какой-то сатанинской гордости, но не эти же экономленные на Алешке гроши позволили Ивану так быстро обзавестись железным конем?

— Ладно, проехали, — вклинился в мои воспоминания голос Володи. — Во всяком случае, кое в чем ты мне помогла разобраться. Теперь я хотя бы снова четко ориентируюсь во времени и пространстве, а то ты же знаешь: терпеть не могу выяснять отношения с кем бы то ни было. И поступать, как Иван, тоже не могу — не тот характер. Кстати, могу тебя успокоить: тюрьма ему пока не грозит, в своей новоиспеченной фирме он ведет себя предельно осторожно.

— Откуда ты знаешь? — удивилась я. — Вы, вроде бы, отношения не поддерживаете...

— Мир тесен, дорогая, точнее, прослойка тонкая. Есть кое-какие общие знакомые... Точнее, один знакомый, иногда мы с ним общаемся на производственные темы. Ну, и об общих знакомых, конечно. Он, кажется, женат на сестре твоего покойного супруга или на его кузине, я уж и не помню. Знаешь, на меня эти родственные отношения всегда тоску нагоняют. Ладно, мы с тобой болтались, а лекарство ты, конечно, принять забыла. Иди, пей таблетку и ложись, уже второй час ночи.

— Между прочим, мне завтра в шесть утра не вставать, — напомнила я. — Это у тебя режим концлагеря.

— Между прочим, завтра объявляется праздничная амнистия по случаю приезда Альки, — отпарировал Володя. — Один день могу себе позволить отдохнуть и побездельничать. Съездим на реку, устроим пикник с раками, шашлыками и пивом. Жизнь так коротка...

— Спиши слова, — попросила я. — Раков и шашлыки сам будешь ловить?

— Если ты не в курсе, давно существуют рынки и супермаркеты. С утра с Алешкой смотримся, а вы пока тут посуду собираете, скатерти, то-се. Тем более, завтра — суббота, Маринка на работу не поедет, тоже высится.

Что ж, пикник, так пикник. Значит, и у Софьи Михайловны будет выходной день... если она сможет удержаться от готовки. Хотя бы для разнообразия.

Для разнообразия я безобразно проспала и прорвала глаза уже около одиннадцати утра. Высунула нос из комнаты и обнаружила, что дом практически пуст. Маринкины родители, судя по всему, возились в саду с цветами — единственные земляные работы, которые им оставил зять.

Я выпила свой утренний коктейль и начала готовить себе обычный завтрак: кофе и тосты, с хитромудрой техникой я уже управлялась только так. А потом направилась в бассейн.

Когда вышла оттуда, то обнаружила, что Марина и Володя, а также мое чадо уже вернулись с покупками и Алька перетаскивает пакеты из багажника на кухню. Меня сыночек мимоходом клюнул в щеку, сказал ласково "причесишься, растрепа" и

понесся освежиться в бассейне. Выглядел ребенок довольным и счастливым, судя по всему, о несостоявшейся поездке со мной на курорт он не жалел ни капельки. Ему и так было хорошо.

А через два часа возле реки стало и вовсе отлично. Мы с Мариной лениво загорали возле воды, дожидались, пока мужчины соорудят шашлыки, по их утверждению, "не терпящие женских рук". Раки с шашлыками не монтировались, поэтому решили оставить их как-нибудь на другой раз.

Пикник удался на славу. Я радовалась еще и тому, что обычно озабоченное лицо Марины как-то расслабилось и выглядело почти умиротворенным. Наверное, вчера вечером Володя нашел какие-то убедительные слова, это он умел как никто.

— Ма, — тронул меня за плечо Алька. — Ты что, уснула?

Я и не заметила, как он подошел.

— Нет, сыночка, просто задумалась.

— О чём?

— Ни о чём. Поток сознания. У меня еще будет время подумать о чём-нибудь конкретно.

— Ты очень тоскуешь о Валерии Павловиче?

Я только кивнула. Говорить на эту тему мне еще было трудно даже с Алешкой, хотя время, безусловно, делало свое неспешное дело.

— А я все думаю, как ты тут одна будешь?

— Придется привыкать. Рановато я, конечно, овдовела, но ведь ничего принципиально нового в мире не произошло. Как говорил Булгаков, человек смертен, и самое неприятное, что он смертен внезапно.

— Тётя Марина сказала, что ты, наверное, отравилась ртутью.

— Есть и такое предположение, — согласилась я. — То есть вариантов два: лучшая болезнь или ртутное отравление. Первую мне подхватить было негде...

— А...

Я предупреждающе подняла руку:

— Алька, в больницу я не лягу. Возможно, это глупо, но там я просто свихнусь. Меня и здесь неплохо лечат, результаты, как говорится, налицо. Все пройдет. Еще бы волосы лезть перестали...

Алешка внезапно оживился:

— Слушай, я вот что хотел тебе сказать: дай мне с собой в Англию прядь волос.

— В золотом медальоне? — насмешливо спросила я.

— Можно просто в целлофановом пакете, — отказался принимать шутку Алька. — Мне нужно для анализа. Если это ртутное или какое-нибудь еще отравление, то спектральный анализ волос все покажет.

— Да ради Бога, забирай хоть всю косу, точнее, то, что от нее осталось. Сыночка, у меня не такие прочные нервы, как у тебя, давай переменим тему.

— Извини, ма, я не подумал, — покаянно сказал Алька. — А бес tactный вопрос можно задать?

— Попробуй.

— Ты больше никогда замуж не выйдешь?

Я даже привстала, опираясь на локоть, и сняла темные очки.

— С чего это ты?

— Мне бы спокойней было...

Я облегченно откинулась назад.

— Найди мне в Англии какого-нибудь респектабельного джентльмена, лучше, конечно, лорда. О, слушай. Там же специально для меня жених образовался: наследный принц Уэльский. Со временем стану английской королевой.

— Все шутишь, — укоризненно произнес Алешка, — а я серьезно. Может, к отцу вернешься?

— А его ты спросил? Это во-первых. А во-вторых, я лично это сделала бы лишь под общим глубоким наркозом. Второй раз на те же самые грабли... все Алька, закрыли тему. Я не Гертруда Датская, чтобы выходить замуж, когда "целы башмаки, в которых гроб она сопровождала, в слезах, как Ниобея..." В монахини не собираюсь, успокойся. И одна не буду: есть тетя Марина и дядя Володя, есть тетя Галия и дядя Боря. Есть работа. Успокойся, малыш, я женщина сильная, справлюсь.

Сына я, может быть, и успокоила. А вот сама часть с таким трудом обретенного спокойствия утратила.

И тут я вспомнила, что у меня есть приятельница, с которой мы, правда, общаемся в основном по телефону, но довольно часто. Зовут ее Алина, а прозвище у нее — Таросская, потому что она гадала на картах Таро. Говорят, мастерски, хотя самой увидеть ее искусство не довелось, как-то ни к чему было. Почему бы мне после Алешкиного отъезда не навестить ее? Суеверие суеверием, но...

В конце концов, я хоть и сильная, но всего-навсего слабая, доверчивая женщина.

Глава пятая. Дьявольские штучки

До отъезда Альки в слишком далекое зарубежье оставалась неделя, когда я решила, что пора и честь знать. Провозились со мной и моим сыночком в этом гостеприимном, почти родном доме более чем достаточно, да и не могла же я всю оставшуюся жизнь там провести. И без того моя собственная квартира осталась фактически без присмотра: слава Богу, что там не было цветов, нуждавшихся в поливке.

К слову сказать, при всей сказочности моего отдыха, какое-то внутреннее беспокойство меня не покидало. Словно мои друзья жили в какой-то атмосфере напряженности и тревоги, хотя ни слова, ни их поведение ничего такого не содержали. Но я чувствовала какой-то психологический напряг и гнет. Хотя, возможно, хозяева просто устали от гостей. Так что тем более нужно было поиметь совесть и откланяться.

В общем, в одно прекрасное утро мы с Алькой собрались, и Володя, изумив всех этим опять же до чрезвычайности, оторвался от собственной работы и повез нас домой. Справедливости ради должна сказать, что своим ходом мы вряд ли бы добрались: Софья Михайловна собрала нам в дорогу столько всяких припасов, что мы вполне могли бы пережить две зимовки на Северном полюсе.

И дело было даже не во всяких пирогах, плюшках и мясе всевозможного запечения и жарения, а в огромном количестве банок с вареньем, джемом, желе и компотами, не говоря уже про соленые огурцы и сущеную, а также засоленную зелень. Банки с этими чудесами кулинарии заняли ящика три, так что багажник иномарки оказался забит под завязку.

Володя все это перенес на редкость спокойно: наверное, в глубине души был все-таки рад, что мы уезжаем. И я его не винила. При его обычной замкнутости прожить почти два месяца бок о бок с фактически посторонними людьми было для него настоящим подвигом. Он и от родственников-то старался держаться подальше — в пределах территории и хороших манер.

Москва встретила нас духотой и пылью, хотя жары как таковой уже не было. А соседка по лестничной площадке, с которой мы поддерживали чисто дипломатические отношения на уровне "Здравствуйте", неожиданно огорчила меня:

— Что же вы кошку-то дома так надолго оставили? Хоть бы ключи мне дали, я бы ее кормила, если с собой взять не могли.

Я оторопела. Никакой живности у нас в доме сроду не водилось, хотя Алька периодически ныл, клянча собаку, но Иван эти пополнования пресекал в корне: чувствовал, что хотя бы время от времени выгуливать пса придется ему, а лишней головной боли он не любил. Потом вопрос вообще сам собой сошел с повестки дня: сначала ребенок жил то у отца, то у нас с Валерием, а в скором времени отбыл за рубеж. Но в любом случае кошки в доме не могло быть по определению.

— Простите, но у нас нет никакой кошки, — сказала я. — Покойный муж их не жаловал. И уж, конечно, я бы не оставила животное на два месяца без присмотра.

— Я же не сумасшедшая, — пожала плечами соседка. — У вас на балконе почти каждый день сидела черная кошка. Очень красивая, кстати. Но иногда мяукала так жалобно, что просто сердце разрывалось.

Как кошка могла попасть на наш балкон, я понятия не имела. Уж точно не из квартиры, а балконная дверь, как и окна, я плотно заперла перед отъездом. Единственная мысль, которая первоначально пришла мне в голову: соседка не в себе. Тихая такая сумасшедшая, а что? Или выпивает втихаря, вот и мерещится...

Вслух я, конечно, этого не сказала, а выдвинула более или менее разумную гипотезу:

— Может, она просто забиралась на наш балкон по водосточной трубе? Тихо, людей нет, собаки не достанут. А потом уходила туда, где живет.

Версию эту соседка восприняла, судя по ее виду, довольно скептически, но тут появился Володя с очередным ящиком, и дискуссия прекратилась сама собой. Я, наконец, получила возможность войти внутрь и почувствовала... отчетливый запах, который оставляют кошки. Вот это сюрприз так сюрприз! Значит, какую-то из форточек я действительно не закрыла, и зловредное животное таким образом проникло в квартиру. Странно только, что все двери были не только плотно закрыты, но и заперты.

— Ма, а чего это у нас так кошками волочат? — спросил мой ребенок, появившийся в квартире. — Ты их, вроде, не жалуешь.

Я только плечами пожала. Значит, у меня не глюки, и на том, как говорится, спасибо. Когда же я отперла все двери, то выяснила, что и форточки я добросовестно закрыла и заперла, не говоря уже об окнах. Тут уж я вообще перестала чего-либо понимать.

Володя на запах особого внимания не обратил, во всяком случае, никак это не прокомментировал. К тому же он торопился по своим делам и, пожелав нам всяческих благ, быстренько ретировался. Нам с Алешкой предстояло самим разбирать немалый багаж и разбираться в ситуации.

Честно говоря, всю жизнь относилась к рассказам о барабашках, полтергейстах и прочих потусторонних явлениях, от которых ум за разум заходит, с изрядной долей скепсиса. С моей точки зрения, все очень просто: звукоизоляция в наших домах безобразная, нервы у большинства граждан оставляют желать лучшего, то, чем потчуют родные до боли средства массовой информации, тоже, как говорится, не вызывает оптимизма. Ну и в конце концов пить надо меньше.

Думаю, что подобную точку зрения молча или вслух разделяют многие. И, наверное, никогда бы не поверила в существование подобной ерунды, если бы не последующие события. Мифическая кошка и достаточно реальный ее запах — это были, оказывается, только цветочки. Первый звоночек, так сказать. Но я к нему прислушалась не слишком внимательно, хотя... Хотя даже если бы я несколько часов подряд ломала голову над тем, что бы это могло значить, то, скорее всего, погрешила бы на вентиляционную систему в нашем доме, которому вот-вот стукнет сто лет. Если уже не стукнуло.

На автоответчике имелся целый ворох посланий, но не чрезмерный: штук восемь, примерно. Половина из них не содержала никакой информации: люди просто швыряли трубку. Не любят почему-то наше население автоответчики, никак к ним не привыкнет, хотя к мобилкам адаптировалось практически мгновенно. Еще одна загадка таинственной русской души.

Два послания были от Алешкиных школьных приятелей и содержали только просьбу позвонить. А еще два — от Ивана, причем эти были самые свежие, вчерашнее и сегодняшнее. Мой бывший супруг интересовался датой отлета сына за рубеж и выражал желание до этого непременно повидаться с любимым ребенком.

— Позвони отцу, — сказала я Альке. — А я пока тут попытаюсь проветрить и разберусь с холодильником. Не знаешь, зачем я его отключила перед отъездом? Там ведь еще что-то оставалось...

“Что-то оставалось”, — это было еще мягко сказано. К сожалению, определить, что именно там было, можно было только по надписям на банках и коробках. Если же продукты лежали без наименований и маркировки, то идентификации, как говорится, уже не подлежали. Н-да... И запах был соответствующий. Вот вам и неведомая кошка, просто мое обычное разгильдайство.

Вывалив все содержимое холодильника в мусорное ведро, я отправила Альку оттащить все это на помойку, а сама занялась тщательным мытьем холодильника. Мусоропровод в барских хоромах предусмотрен не был, равно как и горячая вода: в ванной была газовая колонка с отводом в кухню. Но вот это как раз было удобно: стихийное бедствие под названием “плановое отключение горячей воды” нам было неведомо.

Алька вернулся... с черной кошкой на руках. Сказать, что я обалдела — значит, ничего не сказать. Какое-то время я тупо смотрела на свое чадо, потом, наконец, обрела дар речи:

— Где ты это взял?

— Она под дверью отиралась и сама мне на руки запрыгнула, — объяснил Алешка.

— Ну, и что ты собираешься с нею делать?

— А ты ее не хочешь оставить? Все-таки я уеду, тебе будет веселее.

— С черной кошкой? — сказала я с огромным сомнением. — Нет, лучше я развлечусь как-нибудь еще. Сыночка, она же уличная и вполне взрослая, со всеми вытекающими из этого последствиями.

— То есть?

— То есть писать и какать она будет там, где сочтет для себя удобным, — слегка обозлилась я. — Сделай милость, отнеси ее на улицу и отпусти. А потом, как минимум, как следует вымой руки. Только черной кошки нам и не хватало. Чудное дополнение к коллекции твоего отчима!

Надо сказать, про коллекцию я вспомнила не случайно. Собрание у Валерия было уникальным, во всяком случае, таких, насколько мне известно, во всей Москве больше нет. Где-то в мире, в каком-то музее — да, существует. Но не в частном доме.

Началось все с пепельницы, которую кто-то из друзей подарил моему мужу на день рождения. Обычная такая, каслинского литья, в виде головы Мефистофеля. А поскольку муж имел слабость видеть в себе сходство с означенной личностью, причем, как мне кажется, не только внешнее, хотя о последнем, конечно, особо не распространялся, то подарок был им принят с восторгом. И положил начало целой коллекции всевозможных изображений хвостатых и рогатых существ, которые с персо-

нажем произведения бессмертного немецкого поэта уже ничего общего не имели. Равно, как и внешнего сходства с моим супругом.

Наша квартира, точнее, комната Валерия недолгое время спустя после начала коллекционирования оказалась завешана и заставлена картинами, фигурами, деревянными и гипсовыми масками, статуэтками, изображавшими "врага рода человеческого". Коллекция была вполне интернациональной: вырезанное из дерева чисто российское изображение мирно соседствовало с ярко раскрашенной гипсовой маской какого-то экзотического колдуна.

У меня хобби мужа не вызывало никаких эмоций, кроме редко прорывавшегося раздражения. Нет, не художественными достоинствами и не направленностью. Было элементарно жалко денег, которые уходили на приобретение все новых и новых экземпляров. Но я помалкивала. Известно ведь: чем бы дитя ни тешилось... Аналогичный случай.

Вот почему я категорически противилась, так это распространению коллекции на остальную квартиру, главное, на мою собственную комнату. Потому что над кроватью у меня с незапамятных времен висело распятие, а в углу — небольшая икона. Да и крещена я была через месяц после рождения, и крестик прадедушки носила, сколько себя помнила. И хотя в вопросах веры и религии была ничуть не менее дремучая, чем большинство моих ровесников, тем не менее, догадывалась, что у меня мужчиной коллекции делать нечего.

Но вот то, что хандра и депрессия у мужа из временных явлений перешли в хроническое состояние, меня не насторожило. То есть, конечно, ликования не вызвало, и какими-то доморощенными способами я с этим пыталась бороться. Ну, там, типа "гулять перед сном" или "не есть на ночь сырых помидоров".

Эффект от этих попыток был, конечно, нулевым, особенно если учесть то яростное сопротивление, с которым эти попытки встречались. Кончилось тем, что муж практически не выходил из дома и все время лежал на диване в окружении своих "рогатеньких". Пока в один далеко не прекрасный день не отправился в мир иной. Хотя, в принципе, я готова была дать голову на отсечение, что ничем серьезным он не страдал и на недомогания не жаловался вообще.

Так что черная кошка, конечно, вписалась бы в интерьер комнаты Валерия, но в квартире ей решительно нечего было делать. С этим чуть позже согласился и Алька, который, открыв дверь в комнату отчима, совершенно очумел: за время его отсутствия число экспонатов увеличилось чуть ли не вдвое. И пахло в комнате не испорченными продуктами и даже не кошками, а какой-то затхостью, чуть ли не плесенью. Как в погребе, куда редко заходят. Конечно, северная сторона, закрытая форточка и все такое. Но все же...

— Ну и ну! — сказал Алька, придя в себя. — И что теперь со всем этим делать? Мя, я в этой комнате спать не буду, тут гнилью пахнет. Даже мертвчиной, по-моему.

Еще на даче мы решили, что неделю до отъезда Алька поживет именно в этой комнате, а не в проходной рядом с моей спальней. Собственно, он сам выдвинул такую идею, я же не имела ничего против. Но если честно, мне в таком помещении тоже как-то не хотелось особо задерживаться, тем более — ночевать.

— Позвони-ка отцу, — предложила я. — Он жаждет тебя видеть. А то, как это у вас водится, дотянете до последнего дня, а виновата, как всегда, буду я.

— В чем это? — заинтересовалась Алька.

— В том, что препятствую тебе видеться с родным отцом, — удовлетворила я его любопытство. — Было уже, проходили. Так что давай, утрятай эту проблему. Мне своих хватает.

Алешка пошел звонить отцу, а я продолжила осмотр квартиры. В моей комнате, слава Богу, все осталось без изменений, даже пахло, как всегда: лавандой и моими любимыми духами. В проходной комнате тоже все было нормально, только пыли многовато. Пока открытый холодильник высыпал, я взялась за протирку полов и мебели и вообще — за уборку, попутно соображая, чем кормить ребенка на обед и на ужин. Благослови Боже Софью Михайловну, благодаря ей хоть с этим никаких трудностей не возникало.

— Ма, — услышала я Алешкин голос, — ты можешь на минутку оторваться?

Я с удовольствием распрымила спину и вышла на кухню. Алешка сидел у телефона с довольно растерянным видом.

— Ну, что?

— Понимаешь, папа предлагает, чтобы я сегодня к нему приехал... с ночевкой. А то завтра он занят. И послезавтра, возможно, тоже.

— И что тебя смущает?

— Ну, как-то в первый же день оставлять тебя одну...

— Глупости! Я же не маленькая девочка. А если тебя волнует, что ты не сможешь помочь мне с уборкой, то не волнуйся, здесь работы на неделю хватит. Поезжай, пообщайся с отцом.

— Понимаешь, он сказал, что завтра идет в театр. С этой... Маринеллой.

— Она тебе не нравится? — поинтересовалась я. — Так ты же не собираешься с ней в театр идти. Что происходит, сынок?

— По-моему, он собирается на ней жениться.

— Что ж, естественное желание нормального порядочного мужчины: жениться на красивой, молодой девушке.

— Она его не любит.

— Это еще откуда информация?

— Я же не слепой. Она — кукла, просто тупая, жадная кукла, которая любит только деньги.

Я пожала плечами. На меня при нашей мимолетной встрече Маринелла вообще не произвела никакого впечатления: я запомнила только эффектное сочетание серых, чуть раскосых глаз и смуглой кожи. Но Алешке, конечно, виднее. Только это опять же не мое дело — на ком собирается жениться мой бывший муж. Он давным-давно совершенномолетний.

— В любом случае, поезжай и пообщайся с отцом, пока он на ней не женился. И не забудь, что через неделю ты вообще уезжаешь. Так что не усугубляй.

— Не буду, — обещал повеселевший Алька. — Ма, а кормить в этом доме приятно?

— Сейчас пол домаю и покормлю. А ты пойди и разбери сумки, которые нам твоя крестная собирала. По-моему, там на полк солдат хватит. И чайник поставь. Да, кстати, посмотри, есть ли у нас заварка и кофе.

Через десять минут мой ребенок, украдкой что-то жуя, доложил, что заварки — на один раз, а с кофе вообще беда, потому что никакого нет. Ни в зернах, ни молотого, ни растворимого.

— Вот сбегай в магазин, пожалуйста, купи чаю; кофе и черного хлеба для меня, — попросила я. — После этого поедим — и можешь отправляться к папеньке. Вы на который час договорились?

— Он сказал, что сегодня освободится пораньше. Просил приехать часам к пяти.

— Сейчас сколько, час? Ну, времени у тебя еще полно. Давай, сын, выполняй. На тебе денежку и... ой, солнышко, сигарет мне купи, пожалуйста. Чтобы мне хотя бы до завтра хватило.

Алешка дурашливо отдал честь по-военному и испарился. А я пошла заваривать чай и накрывать на стол. В первую очередь нужно было съесть салат и пирожки с мясом, а остальное пока может и подождать...

Когда Алешка отбыл к отцу на Красную Пресню, я позволила себе немного расслабиться: заварила кофе покрепче и села в свое любимое кресло у кухонного окна. Я сидела и думала, что обязательно куплю себе кофеварку: не такую на-вороченную, как у Володи, а небольшую, компактную, и поставлю ее вот тут, рядом с креслом.

Остаток дня прошел в хозяйственных хлопотах, по телефону никто меня не беспокоил, только Алешка дисциплинированно доложил, что прибыл к месту назначения. Уже в первом часу ночи я, наконец, собралась спать и, только вытянувшись в постели, почувствовала, как вымоталась за сегодняшний день. И тут же провалилась в глубокий сон.

Проснулась я от того, что где-то совсем рядом дурным голосом вопила кошка. То есть совсем рядом — буквально в самой квартире. Я зажгла свет, спустила ноги с кровати, нашарила шлепанцы. Вопли тут же прекратились. Тем не менее, я обошла всю квартиру, убедилась, что кошка мне приснилась на фоне сегодняшних событий, попила на кухне воды, покурила.

На часах было четыре часа утра, за окном — еще совсем темно. Я пожалела о том, что Ивану приспичило видеть Алешку именно сегодня, когда меня посетил кошмар, и снова отправилась спать. На сей раз сон не шел довольно долго, но все-таки я заснула. И проснулась от того, что солнце было мне прямо в лицо: оказывается, вчера вечером я забыла задернуть шторы, хотя обычно делаю это чисто автоматически.

При свете дня ситуация представилась менее загадочной, чем ночью. Ну мало ли где и какая кошка раскричалась, а мне со сна показалось, что она вопит непосредственно в квартире. Нервы, нервы... Хорошо, что Алешка сегодня будет ночевать дома. Хотя надо привыкать к самостоятельности: скоро мне придется все время быть в этой квартире одной, днем и ночью. Так что нервы нужно лечить, иначе пустовка в Кащенко мне обеспечена.

Алька вернулся домой часа в четыре дня: мрачный и не очень разговорчивый. Я знала, что нужно дать ему отойти: сам все расскажет, если захочет, конечно.

Сын слегка отаял только за ужином и сам начал разговор о какой-то ерунде. Я отвечала в том же духе, размышляя, как он подберется к главному. Но нынешнее поколение на вещи смотрит проще, Алешка через какое-то время просто назвал вещи своими именами.

— Ма, ты могла бы собираться замуж за одного мужчину, а встречаться при этом с другим?

— Почему бы и нет? — спокойно ответила я. — Я собираюсь замуж за твоего отца, а иногда встречалась, например, с дядей Володей.

— Нет, не так встречалась. А... Ну, целовалась и все такое...

— В наше время нравы были строже, — осторожно сказала я. — Такие поступки не приветствовались.

— Но ты могла бы?

— Не знаю, сыночек, не пробовала. Скорее всего, нет. Впрочем, у меня не было возможности проверить: я к свадьбе готовилась. И потом, понимаешь ли, твой отец и так меня всю жизнь пилил, что он у меня — не первый мужчина.

Алька вытаращил на меня глаза в неподдельном изумлении.

— А сколько тебе было лет, когда ты замуж выходила?

— Двадцать.

— Он что, думал, что ты — старая дева?

Я покатилась со смеху. Да, времена и нравы меняются стремительно. Кому во времена моей молодости могло прийти в голову назвать двадцатилетнюю особу старой девой?

— Почему это тебя так взволновало? — спросила я, отсмеявшись. — И к чему эти вопросы о моей нравственности?

Алька помялся, покраснел и, наконец, сказал:

— Отец видел Маринеллу с другим мужчиной. Они целовались прямо на улице. А от отца она только деньги требует и подарки, а приходит к нему очень редко.

— А обознаться он не мог? Я так полагаю, он проезжал мимо, а не стоял в двух метрах от них.

— Наверное... Но он мне жаловался, что Маринелла никак не может назначить день свадьбы и стала отменять свидания.

Я не совсем понимала, зачем Ивану понадобилось жаловаться мальчишке на свои сугубо личные мужские проблемы, но что сделано, то сделано. Судя по всему, его красотка нашла жениха повыгоднее. Что при ее внешности не проблема, да и разница в возрасте у них больше двадцати лет, а это тоже не облегчает ситуацию.

— А что в квартире? Чисто? Кто-нибудь там убирается?

— Не похоже, — покачал головой Алька. — То есть папа, конечно, что-то делает, но присутствие женщины там как-то не ощущается. Они и едят не дома, а в кафе или ресторанах.

— Красиво жить не запретишь, — философски заметила я. — Ты же со своей подружкой в Англии тоже во всякие пабы, небось, ходишь.

— Но это же совсем другое дело! Мы не собираемся создавать семью!

— Пока или вообще?

— Ма, не бери в голову. Там не женятся и не выходят замуж, пока не начинают прилично зарабатывать. Так что лет пять можешь жить спокойно: внуков у тебя не будет и невестки тоже.

— Гора с плеч! А я так мечтала понянчить маленького!

Алька прыснул и окончательно развеселился. Я не задавала лишних вопросов, но чувствовала, что к отцу он вряд ли еще поедет перед отъездом. Найдет себе занятие поинтереснее. Про свои кошмары я ему рассказывать не стала, элементарно постеснялась.

Ночь прошла спокойно: никаких воплей и мяуканья, никто меня не будил. Но утром обнаружилось, что привычные предметы на кухне находились совсем не там, где им положено быть. Чайник с плиты переместился на подоконник, пепельница оказалась на буфете, а не на столе, а вот сахарница — не на буфете, а в холодильнике. Мне стало не по себе, но Альку я опять впутывать в это дело не стала: просто вернула все на место и постаралась забыть об этом странном происшествии.

Но он сам утром обнаружил, что в доме нет ни хлеба, ни молока, хотя хлеб, например, лично покупал только позавчера. Он слегка удивился, но "усугублять", как мы между собой называем такие вещи, не стал, а просто быстренько смотался в магазин за необходимым для завтрака.

Я была потрясена этим куда больше: лично мне казалось, что все необходимые продукты в доме имеются. Не могла же я за сутки съесть буханку хлеба, даже в состоянии прострации после ночного кошмара. Единственное, что мне оставалось, это постараться выкинуть эпизод из головы. Мне это удалось, не сразу, но удалось, после того, как мы с Алькой несколько часов подряд наводили порядок в квартире. В основном, размещали в кладовке и на балконе заготовки, подаренные Софьей Михайловной.

Но вот сигаретный пепел, который на следующий день я увидела и на плите, и на рабочем столе, и еще в разных совершенно неподходящих местах, меня уже испугал, а Альку озадачил. Значит, я настолько не в себе, что курю уже где попало, причем не помню об этом. Если учесть, что процесс курения у меня всегда происходит в одном и том же строго отведенном месте и пепел никуда, кроме пепельницы, попасть просто не может, это настороживало. К тому же в пепельнице-то я обнаружила окурок, которого не могло существовать в принципе: такие всегда оставлял Валерий, а он... Похоже было, что пора обращаться к психиатру.

А потом начались стуки, звуки, самопроизвольное передвижение мебели и всякие прочие "прелести". Несколько раз у меня возникало четкое ощущение того, что кто-то заглядывает ко мне в окно. Если учесть, что окно это находится примерно в десяти метрах от поверхности земли, то мысль была безусловно интересной. Предметы, правда, по квартире не летали — врать не буду. Но зато возникло впечатление, что квартира прямо-таки выталкивает меня из себя. Во всяком случае, нормально жить в ней было невозможно, а уж спать — тем более. Даже Алька, у которой отродясь не было проблем со сном, стала просыпаться от этих непонятных шумов и предположил, что в доме появился классический барабашка.

— Давай поищем специалиста по аномальным явлениям, — предложил он.

В этот момент внезапно вспыхнул доселе мирно стоявший возле дивана торшер. То есть не лампочки зажег, а заполыхал самым неподдельным огнем. Счастье, что в этот момент мы оказалась дома и рядом, а то и до беды было бы недалеко. Когда мы с Алькой погасили огонь, я решительно оделась и сказала, что иду к специалисту. К психиатру.

— Позвони сначала в организацию по аномальным явлениям, — удрученно проговорил Алька. — Надо где-нибудь раздобыть телефон.

— Вот и займись этим, а я пока схожу по делам.

По делам: это сильно сказано. Просто я решила пойти в церковь, куда иногда захаживала по настроению. Почему — не знаю, захотела и все.

Надо сказать, что особого понимания со стороны местного священника я не встретила. Он посоветовал выбросить из дома "греховные изображения", помолиться, покаяться, исповедаться и причаститься. Совет вполне разумный, но беда заключалась в том, что я никак не могла заставить себя прикоснуться к этим самым изображениям. Не поднималась рука — и все тут.

Я вернулась домой, отогнала Альку от телефона, который уже раскалился от бесплодных попыток найти нужные координаты, позвонила своей приятельнице-гадалке Алине, признанной специалистке по магии и прочим штучкам, и постаралась внятно изложить ситуацию. Особо я напирала на то, что не могу выбросить коллекцию сама, а сейчас как раз Алька в Москве, было бы удобно... Услышав об этом, Алина пришла в ужас:

— Нельзя это делать самой, ты с ума сошла! А уж ребенка привлекать... И думать об этом не смей! Вот телефон моего батюшки, звони ему, советуйся и делай все, как он скажет.

Батюшка оказался человеком в высшей степени тактичным и понимающим. Он подтвердил, что самодеятельность в этом случае недопустима, и взялся помочь. На следующий же день он приехал и прежде всего отслужил молебен, а потом сам сложил всю окаянную коллекцию в несколько больших картонных ящиков и куда-то унес. Вернувшись же, по всем правилам освятил квартиру, исповедовал меня, причастил и...

И наступила тишина. Ни пугающихочных звуков, ни самопроизвольно менявших свои места предметов — ни-че-го! Не испытай я весь предыдущий кошмар на

собственной шкуре, я бы посчитала такой рассказ плодом чьей-то безудержной фантазии. Были у меня сомнения относительно собственной психической адекватности, и окрепнуть им не дало только то, что Алька при всем этом присутствовал, а у него с психикой все в порядке.

Самое интересное заключалось в том, что во время моих злоключений в квартире мне ни на минуту не пришло в голову самое простое средство хотя бы временно облегчить свое положение: перекреститься. Причем не только самое простое, но и самое в такой ситуации естественное.

Но на меня как будто затмение нашло — не вспомнила ни о том, что в прикроватной тумбочке лежит молитвенник, ни о том, что святая вода и у меня самой в доме была. Впрочем, батюшка меня утешил, сказав, что все к лучшему, потому что самостоятельно изгонять бесов могут только святые. Пояснить свою мысль ему нужды не было.

Должна сказать, что отношение окружающих к этому происшествию было, мягко говоря, неоднозначным. Большинство, правда, считало, что все было сделано правильно, что не стоило моему мужу увлекаться таким опасным коллекционированием и что все наши беды — от неверия.

Но вот Иван, например, сурово осудил меня за то, что я так "варварски" расправилась с дорогой коллекцией, поддавшись панике, истеричному состоянию и вообще — бабьей дури. Можно было продать и получить очень и очень приличные деньги. Я отчетливо вспомнила эту самую панику и истеричное состояние, и чувство вины меня не посетило. Но и Ивана я винить не могла: случись такое не со мной лично — тоже с трудом бы поверила. Если бы поверила вообще.

Сейчас, по прошествии довольно длительного времени, можно, конечно, спокойно рассуждать о том, что такое вера и что такое суеверие, были ли эксцессы в моей квартире плодом воспаленного воображения или чем-то куда более серьезным. Сейчас можно, но... не хочется. Потому что сразу вспоминается тот ужас, который я пережила...

Глава шестая.

Охотоведение с далеко идущими последствиями

Этот сентябрьский день мог смело поспорить с любым летним: ярко-голубое небо не омрачало ни единого облачка, ветра не было как такового, поэтому солнце грело, как последний раз в жизни, а вчерашний дождь смыв с мостовых и тротуаров чуть ли не весь мусор. Раскрашенный в яркие краски центр Москвы манил витринами и столиками уличных кафе, а я шагала через это великолепие и глотала слезы. Нет, меня никто не обижал, просто самоуверенность сыграла со мной очередную злую шутку и теперь я пожинала ее плоды. И надо сказать, жатва была обильной.

Когда я провожала Алешку за границу в первый раз, я оставалась в Москве не одна, со мной был Валерий. Равно как и все остальные разы. На сей раз провожать сыночка вместе со мной поехал мой бывший муж, и я почему-то была твердо уверена, что и встречу со своим экс-благоверным, и очередную разлуку с любимым ребенком перенесу нормально. Увы...

"Дураков не сеют и не жнут, они сами рождаются", — могла бы я сказать в свое оправдание, и не слишком бы погрешила против истины. Совершенно необязательно было после того, как лайнер взмыл в воздух, принимать приглашение Ивана "где-нибудь посидеть и поговорить". Я могла бы сообразить, что разговаривать нам

сейчас уже просто не о чем, но, как говорят в таких случаях в Одессе, "чтоб я был таким умным, как моя жена потом". В любом случае, тот разговор, который все-таки состоялся у нас с Иваном, прекрасно можно было отложить на следующий месяц. Или даже год.

Поскольку Иван был на машине, мы доехали от Шереметьева до Ленинградского проспекта и устроились в каком-то небольшом кафе в переулке, где было тихо и прохладно. И тут я совершила вторую за этот день ошибку: согласилась что-нибудь выпить, кроме кофе. Пить в небольших дозах не только вредно, но иногда даже и полезно... только не тогда, когда нервы на пределе, а ты находишься в обществе человека, который не преминет этим воспользоваться. Он и воспользовался, поскольку знал меня очень даже хорошо.

— Ну, и о чем мы с тобой будем говорить? — поинтересовалась я, пока официант, приняв заказ, отошел его исполнять. — О себе, о семье, о любимой книге? Или еще о чем-нибудь эпохальном? Приличные разведенны люди в таких случаях говорят об алиментах, но к счастью для тебя, Алешка в них не нуждается. А через несколько месяцев вообще станет совершеннонолетним.

— У тебя только деньги на уме, — поморщился Иван. — Мне казалось, ты сама отказалась от алиментов при разводе.

— Где логика, солнце мое? — невинно поинтересовалась я. — Если отказалась, значит, счастье для меня все-таки не в деньгах.

— Хотел бы сделать тебе комплимент, но выглядишь ты неважно. Хотя два месяца на свежем воздухе, конечно, привели тебя в чувство.

— Кажется, у меня было ртутное отравление, — сообщила я, отивая принесенный официантом глоток ледяного джина с тоником. — Во всяком случае, так считает Софья Михайловна.

— Но это лечится? — внезапно обеспокоился Иван.

— Все мы там будем, — пожала я плечами. — Вопрос только во времени.

— Вот именно. Но поговорить я с тобой хотел об Алешке.

— То есть?!

Следующий приезд сына в Москву намечался только на рождественские каникулы, и то — не обязательно. Он вполне освоился в туманном Альбионае, завел там друзей-приятелей и на Рождество они планировали съездить в Шотландию. Что тут обсуждать, если ребенок-то уже — почти взрослый?

— Что ты собираешься делать со своей квартирой?

— С квартирой? Не знаю... А при чем тут Алешка?

— А при том, что я хотела попросить тебя прописать его у себя. Твои теперешние хоромы размениваются мгновенно на две прекрасные квартиры — тебе и сыну, а моя...

Я невесело усмехнулась.

— Алешка рассказывал, какой ты там евроремонт отгрохал. Даже любопытно посмотреть.

— Доделаю мелочи, обязательно приглашу, — небрежно, как само собой разумеющееся, сказал Иван.

И я поняла, что визит в мою бывшую квартиру мне не грозит ни при какой погоде. Что означает этот подчеркнуто небрежный тон, было мне слишком хорошо известно.

— Кстати, о мелочах. Что ты называешь прекрасной квартирой?

— Твои трехкомнатные апартаменты, естественно. Огромная кухня, балкон с видом на тихий двор, антикварная обстановка...

— Где это ты там увидел антикварную обстановку? В кухне, что ли?

— В твоей спальне, — брякнул Иван и тут же осекся. — Так как насчет прописки? При любом раскладе у Алексея должна быть своя жилплощадь в столице.

Никто с этим и не спорил, я сама об этом размышляла много раз, но при патологической ревности Валерия просто боялась заговаривать с ним о прописке своего чада. Валерий считал, что материально о ребенке должен заботиться отец, который, по слухам, зарабатывал вполне достаточно, чтобы просто купить Алексею скромную "однушку" даже в пределах Третьего кольца. Интересно только, когда это Иван успел увидеть и оценить обстановку моей спальни? Да, там стоял спальный гарнитур красного дерева выпуска позапрошлого столетия. Наследство свекрови, которую я уже не застала в живых. Или Алька растрепал?

— Я не возражаю, — сказала я, принимаясь за какой-то салат. — Но дело в том, что еще несколько месяцев я ничего не могу сделать с квартирой: ни продать, ни разменять, ни прописать там кого-нибудь.

— Это еще почему?

— Потому, что в права наследства я могу вступить только через полгода после смерти Валерия.

— Он завещал тебе эту квартиру?

— Нет. Но я же в ней прописана. Через полгода переприватизирую на себя, вот и все. Так мне, во всяком случае, сказали в ДЭЗе. А вот после этого тут же пропишу к себе Алешку и буду, не торопясь, искать вариант обмена. Мне бы хотелось, чтобы наши квартиры были недалеко друг от друга. Я не молодею...

Мысль о том, что я не возражаю против его плана и не посягаю на кошелек, как всегда, привела Ивана в почти хорошее расположение духа. В юридические тонкости процесса он, естественно, вдаваться не стал, поскольку физик-ядерщик был так же далек от них, как и я. Но вот в бытовых вопросах, точнее, в бытовой сметке всегда давал мне сто очков вперед.

— А если ты умрешь до того, как вступишь в права наследства? — тактично поинтересовался он. — Квартира отойдет государству?

Я даже не рассердилась: Иван есть Иван. Он всегда должен точно знать, на какую подлянку от близких и не очень близких людей может рассчитывать.

— Думаю, Алешка получит ее всю, но через суд. Между прочим, я умирать не собираюсь, ты это в своих планах учи.

— Каких планах? — ошарашенно спросил Иван.

— Откуда я знаю. Может, ты хочешь, чтобы я прописала у себя сына, а потом мне на голову упадет кирпич. Или собьет машина.

— И как тебе такое в голову могло прийти? — изумился Иван. — Неужели ты думаешь, что я способен кого-нибудь убить?

— Не кого-нибудь, а меня, — спокойно внесла я поправку. — Перед нашим разводом были и такие высказывания. Впрочем, ты и Валерия собирался убить.

— Ну, мало ли чего в запале бывает, — примирительно сказал Иван. — А Валерия просто Бог наказал за то, что отнял у меня жену. Покарал, как говорится.

— Сам покарал или ты поспособствовал? — нежнейшим голосом спросила я. — Знаешь ведь: на Бога надейся...

— Слушай, не заводись, ладно?

Но я уже начинала злиться. Разговор мне не нравился совершенно, а спиртное потихонечку делало свое дело. А не надо было приходить на пепелище и искать в пустой золе то, чего там не могло сохраниться по определению. Бывшие муж и жена никогда друзьями не станут, даже хорошие приятели из них не получатся. Максимум возможного — корректно- светские отношения. Бывают, конечно, исключения, но они только подтверждают общее правило.

— В запале много чего бывает, — охотно подтвердила я. — Но теперь ты не в запале, так что ответь мне на один вопрос, пожалуйста. Ты всегда давал мне весьма ограниченную сумму на хозяйство, из чего я сделала вывод, что доходы у тебе весьма умеренные и жить мы должны по средствам. А после развода ты делаешь ремонт, стоимостью в несколько десятков тысяч долларов. На какие, позволь спросить, шиши?

— На те самые, — хитренько усмехнулся Иван. — Я никогда не верил в прочность нашего брака и хотел накопить денег на черный день. Хотел быть материально независимым.

У меня даже дыхание перехватило от негодования.

— Значит, все эти годы, которые я бесконечно подрабатывала и на всем экономила, ты складывал деньги в кубышку? И не ври, что не верил в прочность нашего брака, тебя он вполне устраивал. Просто деньги ты любишь больше, чем все остальное.

— Не столько деньги, — спокойно поправил меня Иван, — сколько то, что на них можно купить.

— Какая же ты все-таки свинья, Ванька, — сказала я, поднимаясь из-за стола. — Надеюсь, что я тебя больше не увижу, разве что на Алешкиной свадьбе придется общаться. Будь здоров, расти большой. Жилищные проблемы сына я решу без тебя.

Он хотел что-то сказать, но я не стала слушать, повернулась и пошла на улицу, а точнее, куда глаза глядят. Спускаться в метро или даже садиться в троллейбус, чтобы с Ленинградки попасть на Пречистенку, мне не хотелось. Хотелось напиться и устроить роскошную истерику, но я пока еще соображала, что ни того, ни другого не имею морального права делать. Я одна и заботиться о себе должна самостоятельно.

К тому же у меня начала болеть голова, чего давно не случалось, и я решила пройтись пешком. Не бог весть какое расстояние, а никаких неотложных дел у меня в тот день не было. Разве что найти какой-нибудь букинистический магазин и поговорить насчет того, чтобы кто-нибудь оценил библиотеку Валерия. Деньги бы мне не помешали, а к старинным философским книгам вряд ли кто-нибудь еще когда-нибудь притронется. Если же не удастся продать — попрошу коллег из бывшего Валериного института пристроить их в какую-нибудь библиотеку на общественных началах.

Я шла и отвлекала себя этими и подобными мыслями, потому что слезы по прежнему непроизвольно наворачивались мне на глаза, а пакостный осадок после разговора с Иваном никак не проходил. Я уже забыла, как он умел поддевать и загонять иголочки под ногти со своей милой улыбкой.

Все правильно, я не только пропишу Алешку у себя, я еще сделаю все от меня зависящее, чтобы с отцом он общался как можно реже: не дай Бог, вырастет такой же экземпляр, тогда мне останется только удавиться на могиле Валерия. Решено! Комнату Валерия я со временем вычищу, как следует отремонтирую, может быть, еще раз освящу, для пущей верности, подготовлю все, что нужно для нормальной жизни молодого человека, и запру. Будет во время каникул и отпусков жить у меня в собственной отдельной, а не проходной комнате. Разменять все это великолепие я еще успею.

Размеренное движение постепенно делало свое дело: я стала успокаиваться. Гонорара, полученного за предыдущий перевод, мне должно было хватить месяца на два, а над новым я уже начала работать, так что и будущее вырисовывалось скорее в розовом цвете. Теперь бы и самой выглядеть пристойно... хотя бы. И тут меня осенило.

Волосы у меня по-прежнему выпадали, хотя и не так интенсивно. Вот пойду сейчас в первый попавшийся салон и сделаю самую короткую из всех возможных стрижек. Хуже не будет. Как говорит в таких случаях Галка: "Такую красоту испортить невозможно, ее можно только подчеркнуть". Вот и подчеркнем.

Первый попавшийся салон располагался в переулках за Тверской. Я посмотрела прейскурант и поняла, что данное заведение — предел моих возможностей, но поскольку укладку делать не предполагалось, то можно было себе позволить раз в жизни красиво пожить. То-то мои друзья удивятся!

Сорок минут, проведенные в салоне, почти вернули мне утраченное душевное равновесие, но вот уверенности в себе... Из зеркала на меня смотрела тридцатилетняя — максимум — женщина со слегка запавшими карими глазами и худым лицом.

Приобретенный на даче загар, конечно, делал картину более приятной на взгляд, но мне еще нужно было привыкнуть к новому облику.

Теперь можно еще немножко погулять в направлении дома, выпить где-нибудь чашку кофе, которой я лишилась из-за хамского поведения Ивана, прийти домой и посмотреть какую-нибудь чепуху по телевизору. У меня есть работа, крыша над головой, какие-никакие деньги и даже модная внешность.

Господи, да я же просто счастливая женщина! Ну, а то, что Бог ума не дал — так с ним судиться не будешь. И хватит рыдать над своей растоптанной жизнью, надо высморкаться и двигаться дальше.

Выкурив сигарету, я стала соображать, в каком из ближайших кафе кофе не только вкусный, но и не слишком дорогой. Не то, чтобы я так уж любила кафе и рестораны, скорее, жизнь сложилась так, что бывала я в этих заведениях крайне редко, но, видно, сегодня такой день.

Я осмотрелась вокруг и обнаружила, что за время моего пребывания за городом, возле метро кое-что изменилось. Там, где сейчас красовалась вывеска "Камины", раньше было уютное маленькое кафе, куда я любила заходить по дороге из издательства домой, потому что там делали удивительно вкусный кофе по-турецки. А жаль. Значит, придется искать еще какой-то вариант.

Но прежде я вытащила пудреницу и произвела инспекцию лица. То, что я увидела, целиком и полностью отражало краткое и емкое определение: "Без слез не взглянешь". Нет, нужно, не торопясь, привести себя в порядок, а заодно и окончательно успокоиться.

Где-то тут существовало кафе, которое запомнилось мне тем, что там было нечто вроде отдельных кабинок: диваны с высокими спинками надежно закрывали сидящих за столиком от соседей слева и справа. Ну, конечно, вон там, в переулке, в двух шагах. Вывеска — "Черный лебедь" — видна даже отсюда, так что можно попытать счастья. Надеюсь, там еще не взвинтили цены до уровня "Метрополя". А то с наших коммерсантов станется...

"Черный лебедь" приятно порадовал меня тем, что народу там было очень немного, а цены, в принципе, можно было пережить. То есть чашка кофе меня не разорит, могу себе позволить даже две. Посижу, покурю в цивилизованной обстановке, поправлю лицо. А там и домой можно отправляться. К часу мне возвращаться не обязательно, я женщина свободная и независимая, о чем периодически пока еще забывала.

— Настоящий знаток своего дела годами изучает привычки и обычай того зверя, на которое охотится, в неограниченных количествах запасается терпением и выдержкой и железно придерживается принципа "бить только в глаз, чтобы шкуру не портить". Если он расставляет капканы и ловушки, то не только тщательно их маскирует, но и не пожалеет самой привлекательной наживки, какую только может

изобрести. Если использует приманку — тоже не пожалеет ни денег, ни фантазии. И в результате пожинает обильные плоды своего мастерства.

Я вздрогнула и не сразу, но сообразила, что голос — глубокий, мягкий, невероятно красивый баритон, звучит из-за спинки дивана. Из соседней, то есть, кабинки. Занятно, однако...

А бархатный баритон продолжал вещать:

— Если подумать, чем женщина отличается от дичи? С точки зрения мужчины, естественно. Да ничем. Главное — правильно организовать процесс, подобрать приманку. Универсальных рецептов тут быть не может, но есть одно обязательное условие: разговоры по душам. Постулата о том, что женщина любит ушами, еще никто не отменял. Постель — это, конечно, занято, но ни в коем случае нельзя делать это самоцелью. То есть нельзя тупо укладывать даму в койку. Пусть она сама туда просится... Самая сладкая наживка в этом случае — эти самые разговоры. Действительно, какое упоение — встретить внимательного и чуткого собеседника, который не станет отделяться от собеседницы неопределенными междометиями типа "гм" и "ну-ну", а вникнет во все детали жизненных перипетий и душевных переживаний не хуже закадычной подружки, да еще при этом будет нежно заглядывать в глаза, брать за руку и долго-долго ее не выпускать. Человека, способного дать любой совет, объяснить любую ситуацию, посочувствовать, простить внезапные приступы раздражительности и припадки сентиментальности...

В соседней кабинке зазвенела посуда и другой мужской голос, далеко не такой красивый, как первый, произнес какую-то фразу с вопросительной интонацией. Дословно я ее не разобрала, поняла только, что собеседник бархатного баритона интересуется, зачем все эти заморочки, если мужчина, скажем, уже женат, причем достаточно удачно.

— А зачем охотник таскается по лесам и болотам со всей своей амуницией? Уж точно не для того, чтобы прокормить себя и семью. Охота — это азарт. Для меня каждая завоеванная женщина — это боевой трофей. Чем дольше процесс завоевания — тем сладче добыча. А жена... Моя жена меня устраивает тем, что практически не вмешивается в мою личную жизнь.

Снова неразборчивая реплика в соседней кабинке. Внятно прозвучало только слово "бабник".

— Самая грубая ошибка, мой милый, это перепутать "охотника" с бабником или холостяком. — От возмущения баритон чуть было не превратился в тенор. — И второго, и третьего можно приручить, обручить и даже окольцовывать — было бы желание и терпение. Охотника же поймать практически невозможно — разве что он сам решит, что данная конкретная женщина идеально подходит на роль хранительницы его "охотничьего домика", куда он периодически будет возвращаться отдыхать. И главное, женой всегда можно прикрыться от назойливых "трофеев". Так что я могу давать какие угодно обещания — в пылу, так сказать, страсти, — но в жизни действуют совсем другие правила. Впрочем, если кто-то посягнет на мои удовольствия... извините!

Я подумала, что грустная реальность заключается в том, что чем лучше мужчина понимает "загадочную женскую душу", тем, судя по всему, меньше он склонен связывать себя какими-то обременительными узами с обладательницей этой самой души. Просто очередной трофей украсит его уютную семейную гостиную или холостяцкую квартиру. А друзья получат возможность выслушать еще один увлекательнейший "охотничий рассказ".

— Нет, я никогда не жалуюсь на жену своим пассиям — это ниже моего достоинства, это просто дурной тон. В самом крайнем случае можно туманно намекнуть на

какие-то "проблемы" в семье, от которых порядком устал. Но обязательно подчеркнуть при этом, что она — бедняжка жена — ни в чем решительно не виновата. Просто — не сложилось.

— Счет, пожалуйста, — попросила я длинноногую девицу в чем-то, долженствующем обозначать белый фартучек.

Девица любовалась на себя в зеркало на стене и явно не собиралась отрываться от этого увлекательного занятия. Мне пришлось чуть-чуть повысить голос. Никакой реакции. Тогда я выпрямилась в своем закутке во весь рост — сто шестьдесят сантиметров плюс каблуки — и громко произнесла:

— Голубушка, сколько я вам должна?

— Мне? — не менее надменно спросила официантка. — Лично мне вы ничего не должны. Заплатите по счету.

Я было собралась продолжить полемику, но из соседней кабинки вышел мужчина среднего роста и неопределенной внешности, что-то шепнул девице, та как-то скисла и молча положила на мой столик бумажку с караулками. И на том спасибо. Я отсчитала деньги — копейка в копейку, чаевые отменяются за хамское поведение, — и гордо направилась к выходу.

На улице ярко светило солнце, и я на секунду почти ослепла. Пришлось срочно выуживать из сумки тонированные очки и цеплять их на нос.

— Женщина, можно вас спросить? — услышала я голос рядом.

Господи, Боже ты мой, это были цыганки! После того, как несколько лет тому назад парочка таких же Карменсит обчистила меня буквально до нитки, я не испытываю к этому племени особенно теплых чувств. А если честно — просто боюсь их, причем явно на подсознательном уровне.

— Нельзя, — сухо ответила я и попыталась уйти от греха подальше.

Не тут-то было! Одна из цыганок ухватила меня за рукав жакета и затараторила:

— Не уходи, красавица! Порча на тебе, плохо тебе сделали, если не снять — умрешь скоро. Дай рубль, один рубль, я тебе помогу. Не бойся, не надо мне твоих денег, только рубль достань, для дела нужно...

— Отстань! — попыталась я вывернуться. — Смотри, сама не помри от какой-нибудь порчи. Отвяжись, говорят тебе!

— Беда тебя ждет, красавица, — продолжала тараторить цыганка. — Смерть возле тебя ходит, в спину дышит, больна ты уже, порча на тебе сильная. Слезы тебя ждут горькие с кровью пополам, потери немалые, дома лишишься, друзья уйдут...

Неужели это мне одной — такой роскошный набор всевозможных пакостей? Спасибо, не надо! Я боролась, стиснув зубы и понимая, что сила явно не на моей стороне. Прохожие смотрели на все это с легким любопытством или безразлично, и все быстренько проходили мимо по своим делам. Ни единого милиционера на горизонте не наблюдалось. Мысленно я уже приготовилась к худшему, как вдруг...

Как вдруг из-за моей спины протянулась рука — явно мужская — и цыганка отлетела метра на два, получив достаточно мощный толчок.

— Ну-ка, проваливай, — раздался резкий голос. — Моду взяли — средь бела дня грабить. Убирайся немедленно!

Цыганку как ветром сдуло. А я обернулась посмотреть на своего неожиданного спасителя. Нос мой уткнулся в верхнюю пуговицу модного пиджака — так называемого клубного, то есть с наворотами в виде эмблемы на нагрудном кармане и всяких блестящих прибамбасов. Подняв глаза, я обнаружила мужчину, чем-то смутно знакомого мне. Брюнета, с выхолеными усиками и внимательными темными глазами. Вторично за последние пять минут у меня перехватило дыхание, но на сей раз не от испуга, а от изумления...

Тут следует сделать отступление в очень далекое прошлое. Мое, естественно. Когда-то, на заре туманной юности, в мою бесшабашную голову залетел образ идеального, с моей точки зрения, мужчины. Откуда он туда попал — по сей день ума не приложу, но — это произошло. Так вот, мой идеал мужчины обладал высоким ростом и внушительными габаритами, был брюнетом в усах и говорил низким баритоном.

— С вами все в порядке? — прервал мои грэзы брюнет.

И я обнаружила, что таращусь на него, полуоткрыв рот, и вообще со стороны, наверное, представляю собой довольно комичное зрелище. Да и вся ситуация решительно смахивала на бульварный роман: благородный рыцарь спасает даму от опасности. Хотя чего еще ждать от знакомства на бульваре?

— Спасибо, все в порядке. Я просто растерялась...

— Понимаю, — пророкотал брюнет, обволакивая меня темным и томным взором. — Скажите, а где я вас раньше мог видеть? Ваше лицо мне удивительно знакомо.

Я пожала плечами:

— Не знаю. Скорее всего, вам показалось.

— Показалось? Это сочетание темных глаз и модной рыжей стрижки просто невозможно забыть!

Мир вокруг меня обрел привычные очертания. Брюнет моей мечты явно перестарался, выдавая свое желаемое за мое действительное. Обыкновенная кадрежка, по-видимому. А приключений на сегодняшний день было уже достаточно.

— Еще раз спасибо, но мне пора.

— А я думал, мы хотя бы выпьем по чашечке кофе, — огорчился мой спаситель. — Неужели у вас нет даже пятнадцати минут? Давайте хотя бы познакомимся, — выкинул последний козырь брюнет. — Меня зовут Александром. А вас?

— А меня — Светланой, — честно ответила я.

— Можно я вам на днях позвоню? Какой у вас номер телефона?

Я назвала номер — чтобы положить конец затянувшемуся прощанию, и бросилась прочь. И только дома сообразила, что чисто машинально назвала Александру номер своего прежнего телефона, то есть номер телефона квартиры Ивана. Перст судьбы! Не сможет он мне позвонить ни на днях, ни на неделях. Хотя я всегда была скорее легкомысленна, чем серьезна, но завязывать уличные знакомства в моем возрасте, наверное, не стоит...

Глава седьмая. Поклонники, мужья и подруги

Неделю спустя, в настроении, далеком от идеального, я сидела дома и в десятый раз перечитывала те десять строчек, которые прислал мне по электронной почте ребенок. Работы у него полно, друзья все прежние, и вообще он счастлив, что снова вернулся в цивилизованный мир.

Ну да, все правильно. Он даже загородный особняк со всеми удобствами воспринимает, как нечто само собой разумеющееся, а уж те несколько дней, которые он провел со мной в Москве, в пыльной и, прямо скажем, душноватой квартире, вряд ли оставили у него положительные впечатления. Теперь вернулся в привычный мир. Меня в этом письме лично касалась только одна фраза, точнее, вопрос: "Ма, как ты себя чувствуешь?"

Ответить на это было и легко, и трудно. Морально я, конечно, чувствовала себя много лучше, чем несколько месяцев тому назад. Физически... Конечно, опять же не сравнить с тем состоянием, но слабость времени от времени посещала, а с ней вместе — какая-то удивительная лень и апатия. Дел было невпроворот, а я делала их через си-

лу. Вот и сейчас, вместо того, чтобы быстренько состряпать бодрый ответ страницы на три, я тупо читаю и перечитываю Алешкино письмо. Что в корне неправильно.

Но как только я протянула руку к клавиатуре, чтобы ответить сыну, раздался телефонный звонок.

— Алло, — тихо сказала я, гадая, кто бы это мог быть.

Определитель номера почему-то ничего не определил. Да и время было, если можно так сказать, "мертвое". В пять часов вечера по работе звонить кому бы то ни было как бы поздновато, а по личным делам — рановато.

— Добрый день, — услышала я низкий и красивый мужской голос, — будьте добры Светлану.

— Слушаю вас, — ответила я с огромным изумлением, ибо знакомых с такими роскошными голосовыми данными у меня не водилось.

— Здравствуйте еще раз. Это Александр. Мы с вами недавно познакомились, и вы дали мне свой телефон. Помните?

Я вспомнила даже то, что в попыхах дала ему номер прежнего телефона, в квартире, где давно не живу. Интересно, как он меня нашел?

— Задали вы мне задачку, — продолжил голос с мягкой укоризной. — Звоню буквально в тот же вечер, а вы, оказывается, давно оттуда съехали. Пришлось уговаривать нового жильца, чтобы дал мне этот номер. Уговорил.

— Ценю вашу настойчивость, — отозвалась я все еще с удивлением, — но, право же, дело того не стоило. Зачем было так себя утруждать? Тем более, что это — не новый жилец, а мой бывший муж. Представляю себе, сколько красноречия вам пришлось потратить, дабы получить искомое.

Бархатность и вкрадчивость голоса моего собеседника, а также безупречная литературная речь заставили и меня оперировать словосочетаниями, отнюдь мне не свойственными.

— Это были приятные хлопоты, — возразил мне собеседник. — И я просто счастлив, что сегодня наконец-то вас нашел. Все эти дни я только о вас и думал. Вам, конечно, говорили, что вы очень красивая женщина?

Я машинально взглянула в зеркало, висевшее на стене в кухне, и ничего принципиально нового там не обнаружила. Впрочем, и это — дело вкуса, хотя комплименты я, конечно, люблю не меньше, чем любая нормальная женщина.

— Насколько я помню, вас внешностью тоже Бог не обидел, — ответила я. — Равно как и голосом.

— Вы что, всем мужчинам делаете комплименты? — удивился теперь уже Александр.

— Только тем, которые этого заслуживают.

— Вы не только очень красивая, но еще и умная женщина.

— Говорите, говорите, — попросила я, уютно устроившись в кресле. — Приятно слышать. Да еще форма изложения соответствует содержанию.

На том конце провода послышался смешок.

— Кажется, такая форма речи называется вереницей прочно упакованных силлогизмов... Кстати, а у вас есть компьютер? — неожиданно спросил мой собеседник.

— Помилуйте, у кого же сейчас нет компьютера? Только почему вас это интересует?

— Меня интересует абсолютно все, что с вами связано. Я ведь надеюсь, что мы встретимся...

— Боюсь, что в ближайшие дни ничего не получится, — любезно ответила я. — У меня скопилось столько работы, что придется сидеть сутками. Возможно, через неделю...

— Но это же вечность!

— Увы, связана контрактом. Да и деньги мне не помешают, честно признаюсь.

— Если бы мы подружились, я бы избавил вас от этой заботы.

— То есть от денег? — невинно поинтересовалась я.

В бархатном голосе явственно прозвучала обида:

— От заботы о них. Зарабатывать деньги — мужская обязанность. Дело женщины — эти деньги тратить.

— Один бы день так пожить, — вздохнула я. — Но пока мы еще не подружились, мне все-таки приходится заботиться о своем пропитании. Давайте так: я закончу работу и позвоню вам...

— Меня очень трудно застать на месте, — мгновенно отреагировал Александр. — Лучше я позвоню вам, если позволите. Через несколько дней.

— А где вы работаете, если не секрет?

— Увы, не хочу вам врать, а сказать правду не имею права. А вы чем занимаетесь по контракту?

— Переводами, — ответила я. — Перевожу с английского. И вот теперь нужно срочно заканчивать, а у меня, признаюсь, еще конь не валялся.

— Ну что ж, не буду вас больше отвлекать. Так вы разрешите вам еще позвонить? Мне действительно очень хочется с вами встретиться.

— Позвоните, — разрешила я. — Но я ничего не обещаю, учтите.

Звонок оказал на меня благотворное действие: я отправилась на кухню заварить свежий кофе, по дороге обдумывая тезисы письма Алешке. Но даже вода еще не успела закипеть, как телефон зазвонил снова.

— Начинаешь новую жизнь? — услышала я ехидный голос Ивана. — Только зачем даешь поклонникам мой телефон?

— Извини, пожалуйста, это вышло совершенно машинально, — ответила я, клянясь про себя начавшийся разговор и собеседника последними словами. — Больше не повторится.

— Надеюсь. Я совершенно не обязан работать автоответчиком при тебе.

— Не обязан... — тупо повторила я, не зная, что вообще сказать.

— Мужик-то хоть стоящий? — с тем же ехидством осведомился Иван.

— Не знаю, не пробовала, — огрызнулась я, постепенно приходя в норму. — И вообще, какое твое дело? Мы в разводе, ты не забыл? Я же не спрашиваю тебя, какова твоя Маринелла в постели.

— Алешка все-таки проболтался... — задумчиво произнес Иван.

— Алешка, кстати, не сказал ни слова. Я же ее лично видела. И примерно могу себе представить, какие отношения вас связывают.

— Она замужем, — сухо ответил Иван.

— За миллионером?

— Нет, за каким-то охранником при миллионере.

— О, тогда у тебя гораздо больше шансов ее увести. Если, конечно, она не нацелилась на самого миллионера.

— Он женат.

Я чуть не прыснула со смеха. Кого сейчас вообще волнуют такие вещи? Кофе закипел, я вовремя выключила газ и теперь могла расслабиться. Только еще не решила, нужно ли мне это.

— Зачем ты мне звонишь? — спросила я в лоб, отбросив уже все правила приличия. — По-моему, мои личные дела тебя уже не должны волновать.

— А они меня и не волнуют. Меня волнуют дела Алешки. Ты уже начала процедуру вступления в наследство?

— Нет. У меня полно времени в запасе. И, кстати, довольно много работы, которую нужно сдать к сроку. Так что телефонные разговоры на абстрактные темы...

— Ты предпочитаешь вести с поклонниками, а не со мной. Понятно. Будущее сына тебя не волнует совершенно. Как всегда, между прочим.

— Как всегда, ты передергиваешь, — сказала я, закуривая сигарету. — Зачем тебе понадобилось срочно выписывать Алешку?

Молчание в трубке было самым убедительным доказательством того, что я попала не в бровь, а немного ниже. В общем, куда надо попала.

— Усвой одну простую вещь, душа моя, — продолжила я, развивая достигнутый успех. — Завтра я вступлю в права наследства или через месяц, Алешку я смогу прописать к себе только через полгода после смерти Валерия. Полгода еще не истекли, так что не дергайся. И меня не дергай. К тому же при этой процедуре должен присутствовать и сам Алексей, так что раньше его зимних каникул все равно ничего не получится, хоть на голову встань.

— Он может прислать доверенность, — пробурчал Иван, явно отступая.

— Не может, он еще несовершеннолетний даже по нашим законам. А в Англии, если ты не в курсе, ему вообще пришлось бы ждать до двадцати одного года. Ты лучше сам к нотариусу сходи, если тебя так зволновали юридические вопросы.

— Мне-то зачем? — изумился Иван.

— Завещание написать, — безмятежно пояснила я. — Случай-то всякие бывают.

— Спятила? Я абсолютно здоров. Может, женюсь скоро.

— На Маринелле? Тогда тем более пиши завещание, иначе бомжом станешь. У барышни на лице написана тупая жажда денег и удовольствий.

— Ты лучше почаше в зеркало сама смотри! — разъярился Иван. — Ты тоже денежки любишь.

— Люблю, — кротко согласилась я. — Но только те, которые сама зарабатываю. Может быть, потому, что других никогда не имела.

— Если бы я отдавал тебе всю зарплату...

— Слушай, мы это уже обсуждали, — прервала его я. — Ты поступал так, как поступал, что было, то прошло, глупо плевать вслед уходящему паровозу. Ты мне лучше скажи, после твоего евроремонта какие-нибудь Алешкины вещи остались?

— В смысле?

— Ну, кушетка, письменный стол, книжные полки...

— А тебе зачем?

— Я думаю, что эти вещи уместнее было бы разместить у меня. До размена квартиры еще далеко, а у ребенка должны быть свои вещи там, где он хоть какое-то время будет жить. Встречаться вы, конечно, будете, когда пожелаете, но мне почему-то кажется, что мальчик предпочтет ночевать в одной квартире с матерью, а не с матчехой. Почти, кстати, его ровесницей.

Молчание. Иван явно прикидывал, выигрывает он или проигрывает при таком раскладе. Конечно, Алешкина мебель рыночной цены практически не имеет, но покупать новую... Лучше потратить эти деньги на что-нибудь другое. Новый компьютер для ребенка, например.

— Хорошо, — наконец отозвался мой экс-супруг. — Как только сделаешь ремонт, я перевезу Алешкины вещи, они, конечно, целы, стоят в моем кабинете. Хотя не представляю, куда ты все это поставишь. У тебя, по-моему, даже для еще одной табуретки места не найдется. А у меня будет пусто...

— Поставишь туда какой-нибудь антиквариат, — утешила я его. — Или модерн, по твоему вкусу. Или по вкусу твоей жены, если уж ты решил снова попытаться счастья.

— Я-то решил, — неопределенно ответил Иван, — но вот Маринелла. Тянет с разводом, говорит, что нам нужно проверить свои чувства.

— Какая умница! — восхитилась я. — Ну, удачи тебе! А мне пора работать, извини.

— Ну-ну, — неопределенно отозвался Иван. — Я тебе еще позову как-нибудь.

— Иес, сэр! — ответила я. — Буду ждать с нетерпением.

Зачем звонил — непонятно. То ли пар выпустить, то ли квартирный вопрос прояснить. Ну и Бог с ним, в конце-то концов, мне действительно пора садиться за перевод. Через десять дней крайний срок, а у меня еще полсотни страниц. Хорошо, что детектив действительно острожный, переводить интересно, да и легче, потому что я, конечно же, уже дочитала до конца.

Я поставила кофейник и чашку с левой стороны от компьютера, пепельницу и сигареты пристроила справа и, благословясь, принялась привычно перетолмачивать короткие, без лишних словесных выкрутас фразы автора из туманного Альбиона на язык родных осин.

Три дня прошли тихо и спокойно, никаких звонков не было, только Володя поинтересовался, жива ли я и успеваю ли к сроку, да Маринка заскочила по дороге с работы домой, так как в этот вечер по ряду причин собиралась ночевать в Москве. Моим внешним видом она осталась довольна: по ее мнению, короткая стрижка меня молодила и очень мне шла. Сама же она снова выглядела издерганной и утомленной.

— Проблемы на работе? — поинтересовалась я, — расставляя на столе чашки, тарелки и все остальное для нехитрого ужина. — У тебя усталый вид.

— Нет, на работе все в порядке, — ответила она, со вздохом облегчения сбрасывая с ног модные туфли на немыслимо высоком каблуке. — Жара стоит, как не в сентябре.

Мне показалось, что дело было не только в жаре, но я решила промолчать. Захочет — сама скажет. А не захочет... Маринка могла быть удивительно упрямой, когда хотела.

— Как родители? — поинтересовалась я. — Как Володя?

— Все слава Богу, — отозвалась Маринка, с наслаждением закуривая сигарету. — Даже и не думают еще о переезде в Москву. А Володя, по-моему, готов там круглый год жить, все какие-то усовершенствования придумывает.

— Так что ты опять дергаешься? — тихо спросила я. — Я же вижу.

— Ничего я не дергаюсь, просто сильно устаю на работе, да еще жара эта... Как ты выдерживаешь все это в городе — просто не представляю себе. Слушай, Алешку ты проводила, может, снова у нас поживешь? При тебе как-то спокойнее...

— Спасибо, — сказала я, — но жара скоро кончится, а у меня тут дел невпроворот. Разобрать вещи, кое-что продать, сделать ремонт... Знаешь, дома, говорят, и стены помогают.

— Дома-то помогают, — вздохнула Марина. — Но у меня последнее время такое чувство, будто за мною следят. Иногда даже страшно становится...

— Мариша, такая мания скорее подходит мне, чем тебе. И зачем за тобой следить? Ты что, состоишь в какой-нибудь криминальной группировке?

Марина слегка побледнела, но отрицательно покачала головой. Нет, ей определенно пора к специалисту. Так ведь и в больницу недолго угодить, если зациклишься на каких-то диких идеях.

— Между прочим, Алька рассказал мне довольно любопытную историю. Оказывается, они пару раз ходили с Иваном в казино...

— В казино с ребенком? Он спятил! — ахнула Марина.

— Нет, скорее всего, не хотел менять свои планы и совместил свидание с сыном и развлечением. Так вот, там он познакомился с человеком, который уже восемь лет не работает вообще. Нигде. При этом у него особняк получше вашего и машина с шофером. В остальном он тоже себе ни в чем не отказывает.

— Тогда откуда же?

— Играет в казино. Проигрывает, конечно, тоже сумасшедшие деньги, но и выигрывает, как видишь. У него вообще там то ли золотая, то ли платиновая карточка: бесплатная еда и выпивка и доставка домой на лимузине. Не только его, но и его гости. Он имеет право привести одного человека, тому все тоже будет бесплатно, кроме фишек, конечно.

— Это он тебя приглашал?

— Нет. Ивана. А тот взял с собой Алешку. А потом они как-то ездили к нему в гости, и Алька чуть не захлебнулся от восторга, расписывая тамошние чудеса: шикарный особняк с бассейном, биллиардной и зимним садом.

— Это ты к чему? — нахмурившись, спросила Марина.

— А к тому, что если родители будут тебя доставать своими понятиями и принципами, ты всегда можешь сослаться на выигрыш в казино. Только не забудь хотя бы разочек туда сходить.

— Ну да, — усмехнулась Марина, — после этого меня предки с потрохами съедят. Но в принципе в этом что-то есть. Почему мне раньше не приходило в голову? Ну, конечно, игра, азарт, это ведь как болезнь.

— По-моему, ты совершенно права, — авторитетно подтвердила я.

— А ты спрятала то, что я тебе дала на даче? — вдруг спросила Марина.

— Естественно. Это...

— Не надо, не говори. Знать не хочу про эту пакость. Забыли и проехали.

— Хозяин — барин, — пожала я плечами.

Нет, все-таки Маринка явно не в себе. То спрячь, то не говори, где спрятала, то не забудь, то уже проехали. И еще за ней, оказывается, следят.

Впрочем, она вполне могла догадаться, куда я дела ее сокровища. Поскольку она была практически единственным человеком, которому я могла доверить все, то и о тайнике она была осведомлена. А тайник у меня был отменный, теперь таких не делают.

Как я уже говорила, наша квартира представляла собой половину когда-то роскошных барских апартаментов. Граница прошла по узкому коридорчику, который пришлось заложить кирпичом с двух сторон. С противоположной от нашей стороны все сделали добросовестно: положили кирпич в два ряда, с двух сторон оштукатурили. А у нас немного нахалтурили или просто произошел производственный брак: один из кирпичей треснул и со временем раскрошился, а его примеру последовал второй. В результате, когда я переклеивала обои, у самого пола простукиванием обнаружилась пустота.

Мне стало любопытно и я расковыряла штукатурку. Клада там не оказалось, оказалась ниша глубиной в один кирпич и высотой в два. Если выграсти оттуда кирпичную крошку и прочий мусор, то получалось идеальное место для шкатулки со всякими ценностями. Именно там я хранила все самое дорогое (в прямом смысле), а чтобы достать шкатулку со всем этим самым дорогим, нужно было снять кусок лишь наживленного, а не приколоченного плинтуса и чуть отогнуть обои. Ну, и мелочь: перед этим нужно отодвинуть небольшой шкафчик типа комод. Специалисты, конечно, найдут, а вот дилетанты...

Когда я показала Алешке это укрытие, он пришел в совершенно неоправданный восторг и сказал, что нормальные люди и не мечтают в наше время о

таком схроне. В нормальном доме и я бы не мечтала, но тут мне просто повезло с капризами постреволюционной архитектуры. Алька вообще размечталася: решил в следующий свой приезд снести всю кирпичную перегородку, а в нише оборудовать настоящий сейф. Я сказала "Ну-ну", но охлаждать его пыл вопросами, что в этом сейфе хранить, не стала. Может, он планирует сделать открытие века и получить Нобелевскую премию. Тогда, разумеется, без сейфа для бриллиантов никуда...

Успокоенная и немного отдохнувшая Маринка уехала, а я посмотрела на часы и поняла, что время, с одной стороны, слишком позднее, чтобы начинать какие-то серьезные дела, но слишком раннее, чтобы просто и без затей лечь спать.

С переводом я успевала без всякой штурмовщины, посему решила, что завтра с утра пойду все-таки в букинистический магазин и попробую договориться с оценщиком. Алешка сказал, чтобы я не продешвила, посоветовалась с несколькими специалистами.

К тому же в библиотеке, по авторитетному мнению того же Альки, присутствовало с полдюжины очень редких книг — инкунабул, как он произнес с гордостью, и их лучше пока вообще не трогать: пригодится на черный день. Он показал мне, где эти самые инкунабулы стоят — на особой полке, рядом с художественными альбомами. Примерный список книг, предназначенный для продажи, он тоже успел составить, так что оставил меня, как говорится, во всеоружии.

И в этот момент зазвонил телефон. Я машинально взглянула на определитель: опять сплошные прочерки. Кто бы это мог быть на ночь глядя?

— Это Светлана? — услышала я смутно знакомый бархатный баритон.

— Светлана, — подтвердила я, несколько удивившись такой активности.

За три дня — второй звонок. У него что — кризис в личной жизни?

— Это Александр. Простите, что надоедаю вам, но мне вдруг нестерпимо захотелось хотя бы услышать ваш голос. У вас ведь дивный голос, вы знаете?

— Да, спасибо, я в курсе, — ответила я со свойственной мне скромностью. — Впрочем, и ваш голос, должна отметить, необыкновенно хорош. Иногда даже слишком.

— Красивая и умная женщина — это такая же редкость, как роза в снежном сугробе, — выдал мой собеседник очередной затейливый комплимент.

— Благовоспитанный и умный мужчина, к тому же владеющий русским языком, — это такая же редкость, как снежная горка на экваторе, — не осталась я в долгу.

— Светлана, я по-прежнему очень хочу снова вас увидеть. Наша первая встреча была такой короткой... А я бы хотел пригласить вас, например, в ресторан. Кстати, какой ресторан вы предпочитаете? То есть я, конечно, хотел спросить, какую кухню?

— Что-что?

— Я бы мог пригласить вас в "Арагви", но это банально. Можно пойти в "Дели", если вы любите острые блюда. Или...

— Не продолжайте, месье, — взмолилась я, — не нужно оглашать весь список. У меня слабые нервы, я не вынесу такой безумной роскоши.

— Светлана, — укоризненно пророкотал Александр, — не вести же мне женщины моей мечты в "Макдоналдс"...

— Вот что, друг мой, — осторожно сказала я, — все, что вы говорите, прекрасно и удивительно, но по-моему, вы принимаете свое желаемое за мое действительное. В день нашей встречи светило яркое солнце и вы скорее были ослеплены им, нежели мной. Допускаю, что женщина вашей мечты — именно ры-

жая, а не брюнетка или шатенка, но совпадения, простите, масти, маловато. Есть масса других качеств — во мне, разумеется, — которые могут вам просто активно не понравиться. Я, например, курю, а это — сугубо на любителя.

— Обожаю курящих женщин! — мгновенно отреагировал мой собеседник. — И вообще, давайте встретимся и все обсудим лично, а не по телефону. Сегодня вечером, например. Вы же не работаете по вечерам, нет?

— Увы, — вздохнула я, — иногда приходится и по ночам работать. Это только кажется, что люди свободных профессий — действительно свободные люди. На самом деле мы — каторжники на галерах и прикованы к рабочему месту по двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю двенадцать месяцев в году...

— Зато нет заморочек с начальством и завистливыми коллегами. И вы сами определяете график своей работы.

— Согласна. Но быть самой себе и начальнику, и диспетчером, и подчиненным — не самое приятное занятие на свете. Хотя, конечно, что-то неуловимое во всем этом есть.

— Так как насчет сегодняшнего вечера, Светлана? Я мог бы приехать к вам в гости, если вы боитесь поздно выходить из дома.

— Ничего не получится. Я по-прежнему завалена работой и просвета пока не виджу. Со вчерашнего дня в моей жизни ничего не изменилось.

— Я надеялся...

— Увы... А вообще, Александр, я, конечно, страшно признательна вам за то, что вы тогда отогнали от меня этих жутких цыганок, потому что они бы меня точно обокрали, но...

— Но не давали мне повода рассчитывать на большее, — понятливо закончил мою фразу собеседник. — Но все-таки я вам еще позвоню, можно? Вдруг у вас настроение изменится или мне просто повезет?

— Звоните, — милостиво согласилась я, — но настроение у меня, как правило, стабильное, хотя... А засим позвольте мне проститься — дела. Да и время позднее.

Я положила трубку, из которой напоследок донеслось что-то типа "Ах, какая женщина!"

Телефонный звонок заставил меня подскочить. Да что же это такое сегодня происходит? Всех бессонница замучила? И опять — аноним.

— Алло, — не слишком любезно отозвалась я.

— Вы не передумали?

Опять Александр!

— Передумала. Но не насчет сегодняшнего дня. Мы могли бы встретиться, например, послезавтра.

— Только послезавтра? — слегка разочарованно переспросил он.

— Раньше — увы! — не получится.

— Ну, что ж, желание дамы...

— Где-нибудь в середине дня, — поторопилась я расставить ориентиры.

— Очень удачно, а то я было испугался: как раз послезавтрашний вечер у меня занят. Днем — это было бы идеально. Где и когда?

— Вы знаете новый "Кофе-хаус" на Гоголевском бульваре?

— Разумеется.

— В тринадцать ноль-ноль вас устроит?

— Более чем. Светлана, вы просто прелест — возвращаете мне радость жизни.

— Не торопитесь, мы ведь еще практически не знакомы. Только хочу сразу сказать: у меня свободных часа два, а потом намечена масса других дел.

— Еще раз повторю: вы прелесть. Редкая женщина бывает так конкретна в своих планах.

— Многие считают это недостатком, — вздохнула я. — Итак, до встречи. Там есть внутренний дворик, если погода будет теплой...

— Я все понял. Значит, до скорой встречи. Спокойной ночи, дорогая, и простите за настойчивость.

— Прощаю, — милостиво сказала я. — Спокойной ночи.

Глава восьмая. Светская жизнь...

К "Кафе-хауз" я подошла минуту в минуту, народу там было немного, большинство по случаю продолжавшейся теплой погоды обосновалось во внутреннем дворике. К моему огромному изумлению, Александр уже был там и, приподнявшись, радостно замахал мне рукой.

— Вы сегодня ослепительны, дорогая, — приветствовал он меня. — Впрочем, как всегда. Что вам заказать? — осведомился Александр.

Официантка уже стояла рядом с блокнотом наготове.

— Кофе со взбитыми сливками, — мгновенно отозвалась я. — Они его тут отменно готовят.

— А к кофе?

— Ничего, спасибо.

— У нас двадцать сортов всевозможной выпечки, — вмешалась официантка, — все свежайшее. Рекомендую слойку с лимоном, сегодня они особенно хороши.

Против этого я устоять не могла, хотя, в принципе, сладкоежкой меня назвать трудно. Но вот лимонная слойка... Вкуснее этого может быть только сливочная помадка.

— А мне двойной эспрессо, какой-нибудь не очень сладкий торт и пятьдесят граммов коньяку, — распорядился Александр. — Кстати, дорогая, не хотите капельку какого-нибудь ликера? Или коньячка?

Я покачала головой: для крепких напитков было все-таки рановато. Добавить в послебеденный кофе грамм пять коньяку или бренди — еще куда ни шло. Но алкоголь и кофе со взбитыми сливками... Нет, к такому сочетанию я была явно не готова.

— Ну, хорошо, еще не вечер, — обнадежил меня Александр. — Мы можем позже где-нибудь пообедать и выпить хорошего вина.

Я только широко раскрыла глаза. Нет, мой новый знакомый явно был не из породы тех, кого называют "халявщиками", и которых в последнее время развелось великое множество. Чем объяснить сей феномен, я не знаю: то ли женщины стали богаче и щедрее, то ли мужчины стали менее закомплексованы.

— Надеюсь, вы хорошо выспались? — поинтересовался Александр. — Впрочем, излишний вопрос. Вы так чудесно выглядите, что и без слов все понятно. Простите, если задам бес tactный вопрос. Но я еще в прошлый раз заметил, что обручальное кольцо вы носите на левой руке. Вы?..

— Вы очень наблюдательны, — довольно прохладно отозвалась я. — Мой муж умер три месяца назад.

— Простите, пожалуйста. Я вам искренне сочувствую: остаться одной в таком цветущем возрасте...

— С Богом судиться не будешь, — философски заметила я. — Говорят, время лечит, проверим.

— Что ж, если вы не против, попробую возвратить вам хоть какой-то интерес к жизни. Хотя уверен, что как только вы станете больше выходить на люди, поклонники очень скоро выстроятся у ваших дверей в очередь.

— Вот бы посмотреть! — восхитилась я.

— Светочка, я просто пленен вашим чувством юмора, — засмеялся Александр. — Уверен, все будет именно так. Но прошу все-таки признать за мной одно из первых мест... пока не наскучу, конечно. Хотите еще кофе?

— Спасибо, нет, все было прекрасно. Может быть, погуляем немного и поговорим?

— У меня есть предложение получше. Речные трамвайчики вот-вот уйдут на зимовку, последние денечки катают пассажиров. Хотите такую прогулку?

— Очень хочу! — искренне ответила я.

Предложение мне действительно понравилось: во-первых, на свежем воздухе, во-вторых, неходить, а сидеть, в-третьих, люди кругом есть, но в ограниченном количестве. Идеальная форма проведения досуга!

Александр расплатился, и мы неторопливо пошли переулками к парку Горького, где издавна был причал речных трамвайчиков. Господи, когда же я каталась на них в последний раз? Не помню. Наверное, с Алешкой, когда он еще был маленьким.

— Так о чем вы хотите поговорить? Нужен мой совет?

— В общем, да, — замялась я, не зная, как подойти к главному.

А, была не была, скажу, как есть, никакого криминала ведь тут и близко не проходит! Действительно, нужен совет, а может, и помощь.

— Видите ли, после мужа осталась неплохая библиотека, две трети — именно мемуары и философская литература. Я хотела бы ее продать. То есть ту часть, которая мне не нужна и не интересна. Сын тоже этим не горит, он биологией увлекается.

— В каком классе учится ваш сын?

— В выпускном, — улыбнулась я. — Только не в Москве, а за границей.

— Значит, вы остались тут совсем одна? Бедная! Конечно, вам нужна помощь. Говорите, какая.

— Я же сказала: мне нужно продать большую часть библиотеки. Извините за откровенность, но я очень нуждаюсь в деньгах: все сбережения ушли на похороны, а того, что я зарабатываю, только-только хватает на жизнь. А мне хочется квартиру привести в порядок, ну и по мелочи там всякое!

— Светочка, это даже не проблема, это небольшой деловой вопрос, который мы решим буквально за раз. Только мне придется привести к вам букиниста, уж не взыщите. Заочно такие дела не делаются. Когда вам удобно? Я бы прямо сейчас с ним и договорился.

А я-то переживала! Оказывается, все нормально, и просьбу он воспринял совершенно адекватно. Похоже, с ним действительно можно иметь дело без ущерба для психики и самолюбия. И похоже, он мне действительно нравится.

— Правда? Да в любой удобный ему день. Я же работаю дома, за компьютером, так что сами понимаете...

Александр все понимал и понимал правильно. Он достал мобильник и быстро набрал какой-то номер, вызвав его из памяти аппарата.

— Сергей Степанович? Да, это я, жаль, что сразу узнали, значит, не разбогатею... Сережа, дело есть... Да, библиотека... Мемуары и философия в основном... Да, жалательно оптом, дама очень милая, грех гонять ее с отдельными книгами по твоим коллегам... В центре, насколько мне известно... Ей это безразлично... Завтра? После работы? — Александр посмотрел на меня, я энергично закивала головой. — Да,

спасибо, ее устроит... Адрес? Я еще сам не знаю... Представь себе, бывает и так... А очень просто: я за тобой завтра заеду, мы позовем хохяк библиотеки, и она нам продиктует, куда ехать. Спасибо, старики, я твой должник. Значит, завтра в шесть у тебя. Пока!

Александр отключил мобильник и улыбнулся мне:

— Видите, как все просто. Простите, что без вас распорядился, как именно это будет выглядеть, но мне кажется, что это — наиболее приемлемый вариант. Во-первых, хотя я Сережу и знаю, для вас он человек незнакомый, правильно? Так что я приеду с ним, и адрес вы дадите мне. Если не ошибаюсь, вы уже убедились в моей благонадежности.

Я искренне расхохоталась: право, Александр нравился мне все больше и больше.

Поездка на речном трамвайчике прошла чудесно, мы говорили обо всем на свете и как бы ни о чем, то есть вели ту самую легкую светскую беседу, которую я просто обожаю и которую мне так редко удается с кем-нибудь вести. Разве что с Володей или моими двумя подругами, но те уже знают меня, как облупленную, слышали большинство шуточек, анекдотов, приколов и забавных историй, а здесь все проходило в первый раз и буквально "на ура".

Александр, кстати, тоже не остался в долгу и рассказал массу интересных историй про телевидение, так сказать, "с изнанки". (Наконец он признался, что работает на одном из популярных каналов.) За разговорами мы и не заметили, как трамвайчик вернулся в исходную точку маршрута, и я только ахнула, увидев, что времени уже больше шести часов вечера.

— Опять торопитесь? — мягко упрекнул меня Александр. — Нет, уж на сей раз без обеда я вас не отпущу.

— Какой обед — уже ужинать пора! — взмолилась я.

— Ладно, пойду у вас на поводу... Тут в парке есть прелестная кафешка, настоящий ресторан будет в другой раз, заодно отпразднуем удачную сделку с библиотекой.

— Пока еще ни вару, ни товару, а вы уже праздник наметили, — резонно возразила я. — Я суеверная, боюсь глязить.

— Раз я говорю, что все будет отлично, значит, так и будет. Сейчас съедим по пицце с бокалом настоящего итальянского вина, и я вас провожу домой.

Этот день явно кто-то решил сделать для меня подарком. Точнее сказать, Александр действительно подарил мне чудесный день. Кафе было уютным, угощение — выше всякой критики, а цены не вызывали состояния шока. Потом мы снова пешком дошли до моего дома, я открыла стандартный кодовый замок, и мы поднялись на третий этаж к дверям моей квартиры. Вино бродило у меня в голове, жизнь казалась прекрасной, и меня уже ничего не пугало, когда я вставляла ключ в замочную скважину.

— Ну, адрес я теперь знаю, — неожиданно услышала я голос Александра за спиной, — и думаю, что дальше сегодня искушать судьбу не стоит. Спасибо за волшебный день, Светочка, завтра ждите нас с Сергеем сразу после шести часов.

Я повернулась к нему, не сумев скрыть ошарашенного выражения лица, и Александр усмехнулся:

— Вы мне сказали, что в хорошем обществе не принято... как это? Ах, да — гнать лошадей. У нас с вами еще все впереди. Видите, какой я хороший ученик?

"Спасибо за внимание, простите за беспокойство, извините, что без скандала обошлось", вертелось у меня на языке, но я его благополучно прикусила. И очень вовремя: Александр обнял меня и поцеловал так, как никто и никогда в жизни не

целовал. У меня даже ноги слегка подкосились. А он повернулся и побежал вниз по лестнице.

— Я хороший ученик, но и нахал приличный, — услышала я снизу его смеющийся голос. — До завтра, дорогая!

Входная дверь хлопнула, и наступила тишина.

Честно скажу: всего ожидала, только не такого благородного поведения. Все это сильно смахивало на дамский роман, а в этом амплуа — амплуа возлюбленной благородного героя — мне еще выступать не приходилось. Как-то по жизни не получалось. Девять из десяти мужчин вошли бы следом за мной в квартиру со всеми вытекающими отсюда последствиями. И девяносто девяти из ста не хватило бы чувства юмора на заключительную фразу.

Правильно кто-то сказал: жизнь — это плохая литература. Но штука заключалась в том, что хорошей я уже была сыта по горло и выше. А вот такой читать еще не приходилось...

Глава девятая. Сама виновата!

На следующее утро я проснулась в отменном настроении, чего, если честно, за последнее довольно длительное время как-то не упомню. Наверное, вчерашний день действительно пошел мне на пользу: я не только отдохнула, но и почувствовала себя молодой, красивой, умной и... желанной женщиной. Так что от мужчин бывают не только неприятности, возможно, одна известная феминистка была не так уж и права, когда обронила эпохальную фразу: "Мужчина — это лучшее, что природа создала для женщины".

Значит, после шести у меня гости. За квартиру я не беспокоилась, она была почти в идеальном порядке. Что же касается угощения, то я решила блеснуть и испечь свои фирменные заварные булочки с домашним кремом. Выпендриваться — так по полной программе.

Оставалось придумать, в чем гостей принимать. Но это было легче легкого: на такие случаи у меня предусмотрено платье из сургового небеленого холста со вставками из разноцветной тесьмы. Нечто "а-ля русс": длинное, в талию, с пышной при сборенной юбкой и широкими рукавами, которые у запястий сужались и удерживались резинками, со скромным квадратным вырезом и умопомрачительным бантом, который завязывался на спине, фиксируя тем самым пояс. Сказка, а не платье, предмет зависти всех моих знакомых женщин.

Когда пирожные были готовы, причем, как ни странно, удались, я оделась и, естественно, села к компьютеру. Развлечения, конечно, штука хорошая, но мою работу за меня никто не сделает. Тут же, естественно, зазвонил телефон, и я — неисправимая оптимистка! — предположила, что сегодняшняя встреча по техническим причинам отменяется.

Но я ошиблась, причем ошиблась вдвойне и приятно: это был Володя.

— Живая еще? — спросил он вместо приветствия.

— Не дождешься, — традиционно ответила я. — Сижу вот и пытаюсь начать работу. В смысле, раскачиваюсь.

— Слушай, подруга, а почему бы тебе не поставить программу-переводчик? Она, конечно, выдает страшно смешные тексты, но у тебя будет "рыба", а уж отредактировать...

— А разве есть уже такие программы? — удивилась я.

— На каждом углу. Сходи сегодня или завтра на Новый Арбат, там возле Почтамта продают любые диски с программами.

- А кто ставить будет?
- Компьютер, — серьезно ответил Володя. — Ты вставишь диск, куда нужно, а дальше он уже сам будет руководить процессом. Странно, что Алька тебе этого не посоветовал. Как он, кстати?
- Недавно приспал письмо. Судя по всему — чудесно.
- Твои кошмары прекратились?
- Не напоминай, — со стоном попросила я. — Второй раз я такого просто не вынес. Хорошо, что Алька тогда еще не уехал.
- Ну и ладненько. Я начинаю новую работу, какое-то время буду в тине на дне.
- Это была обычная Володина практика: несколько раз в год он устраивал себе полный карантин и целиком отдавался работе. В такие дни, а иногда даже недели, его не видел никто, включая собственную жену. После смерти Валерия это произошло впервые, вот он меня и предупреждает: я же одна теперь.
- Ладно. Вынырнешь — позвони. Я сегодня занимаюсь продажей библиотеки, обещали букиниста-оценщика прямо на дом.
- Кто обещал?
- Один знакомый, ты его не знаешь.
- Поосторожнее там. И смотри, чтобы тебя не обдурили. Насколько мне помнится, меньше трех тысяч баксов это собрание стоить не может. Не продешеви.
- Она постарается! — бодро ответила я. — Ну, удачи тебе в трудах праведных. А программу я завтра же и куплю.
- Вот и умница. С Маринкой связь держи, не пропадай. Кстати, она, по-моему, перестала дергаться. Твоя работа?
- В какой-то степени, может быть, и моя. Но наверное, решились какие-то мучившие ее вопросы...
- Какие?
- Володя, ну почем я знаю? Марина не любит, когда лезут в ее дела. Сам-то, небось, не полез?
- Это точно, — вздохнул Володя. — На минное поле послал тебя. Но все обошлось, кажется?
- Поживем — увидим, — глубокомысленно отозвалась я. — Пока.
- Пока, — попрощался он.
- Наверное, я огорчилась бы очередному исчезновению своего друга из поля общения на неопределенное время, но сейчас думала совсем о другом. О новой "игрушке" под названием "идеальный поклонник". Не то, чтобы я уж совсем размечталась, но... В общем, мне было на что отвлечься мыслями во время перекуров.
- Телефонный звонок раздался без четверти шесть. Александру не было нужды представляться — его голос я бы ни с каким другим не спутала, но он, по-видимому, решил подстраховаться.
- Здравствуйте, Светочка, это Александр. Вы не передумали принимать гостей?
- Здравствуйте, не передумала, — приветливо отозвалась я.
- Тогда диктуйте код подъезда. Адрес я знаю.
- "А жизнь-то налаживается", — подумала я, называя нужные цифры.
- Мы с Сергеем Степановичем будем у вас не позже, чем через полчаса. Это удобно?
- Но мы же вчера договорились, — несколько удивилась я.
- Со вчерашнего вечера вы могли и передумать.
- Я стала более постоянной, — сообщила я Александру. — Наверное, под вашим влиянием. Так что жду.

— Отлично, до встречи.

Ровно через двадцать пять минут домофон зазвонил. Мой новый поклонник явно решил блеснуть пунктуальностью в дополнение ко всем остальным своим положительным качествам. Что ж, такое тоже можно только приветствовать.

Сергей Степанович оказался невысоким человеком неопределенного возраста и неопределенной внешности: встретишь потом на улице — не узнаешь. Но с отменными манерами: поцеловал мне руку и даже, кажется, расшаркался. Александр же явился с изысканным букетом из кремовых роз, числом три штуки, который и вручил мне. При нем был еще пластиковый пакет, который он небрежно бросил под вешалку.

— Ну, время — деньги, — объявил Сергей Степанович. — Показывайте ваши сокровища.

— Может, сначала чаю? — неуверенно предложила я. — С пирожными.

Но неприметный человечек оказался непреклонен.

— Сначала — дело, потом — удовольствие.

Я повела их в комнату Валерия, где, к счастью, уже ничего не напоминало о недавних событиях, а приведенная Алькой в порядок библиотека действительно впечатляла.

— Ого! — присвистнул Сергей Степанович. — А каталог у этой роскоши имеется?

Я принесла предусмотрительно составленный Алешкой список книг, предлагаемых к продаже. Сергей Степанович изучал его минут пятнадцать, потом примерно столько же времени рассматривал саму библиотеку, периодически беря в руки то одну книгу, то другую, для более пристального изучения.

Все это время Александр с довольно рассеянным видом бродил по комнате, рассматривал картины и безделушки, некоторое внимание уделил и библиотеке. Я же сидела в кресле в углу и немного нервничала: такой бизнес я проворачивала первый раз в жизни. Нет, конечно, мне приходилось в период острого безденежья относить букинистам три-пять книг, но оптом библиотеки я еще не продавала.

— Что ж, — нарушил наконец молчание Сергей Степанович, — собрание прекрасное и в отличном состоянии. Насколько я понял, вы готовы продать все оптом.

— Кроме тех книг, что на торцевых полках.

— Я так примерно и понял. Ну, что ж, тогда к делу. Сколько вы за это хотите?

Вопрос застал меня врасплох. Володя сказал, "не меньше трех тысяч", но ведь это может быть и пять, и семь. Он же не специалист.

— Пять тысяч, — брякнула я, холдяя от собственной смелости.

— Боюсь, для меня это дорого. Четыре дать могу.

Я даже не смогла скрыть невольный вздох облегчения.

— Тогда по рукам, — удовлетворенно произнес Сергей Степанович. — Только книги я смогу забрать лишь завтра, нужно будет пригнать машину побольше и найти помощника. Александр Николаевич, к сожалению, завтра совершенно недоступен: работа. Задаток я, конечно оставлю. Тысячу долларов.

Напрасно я, оказывается, боялась: все складывалось как нельзя лучше. Во-первых, теперь я точно знала цену этих книг, а во-вторых, задаток есть задаток, а такой — просто подарок для меня.

— А вот эти книги, — указал Александр на инкунабулы, — нужно продавать отдельно. Они, по-моему, стоят столько же, сколько вся библиотека, а, Сережа?

Сергей Степанович внимательно изучил полдюжины старинных томов и изрек:

— Столько же — это ты, Саша, горячишься, но половину этой суммы за них можно получить совершенно спокойно, не торгуясь. К сожалению, это не по моей части, да и не по моему карману.

— Позвони Арику, — предложил Александр. — А я проконтролирую процесс.

— Пожалуй, — кротко согласился Сергей Степанович и достал из внутреннего кармана внушительную пачку банкнот. — Вот тысяча, пересчитайте, Светлана.

Я пересчитала: двадцать зеленых бумажек номиналом в пятьдесят единиц твердой валюты. Все правильно.

— Когда вы завтра будете дома? — спросил Сергей Степанович.

— Весь день, — ответила я, соображая, куда бы сейчас понадежнее спрятать за

даток.

Понятно, что позже я положу его в тайник, но не при них же! Бережного Бог бережет.

— Если я позвоню где-нибудь в час и потом подъеду, это удобно?

— Более чем, — отозвалась я. — Телефон мой у вас есть?

— Да, я взял у Саши, а адрес знаю. Светлана, можно у вас попросить в качестве... приза за крупную покупку несколько вот этих альбомов?

Он подбородком указал на полку, где рядом с бесценными инкунабулами стояло около десятка альбомов с репродукциями разных художников. Валерий любил живопись, но покупал альбомы редко и придилично: Дали, Босх, Пикассо, Брейгель, Матисс, Врубель, Сезанн и кто-то еще попроще. Я этих художников откровенно не понимала, для меня куда приятнее были произведения старых голландцев с их натюрмортами, Рафаэль и, как ни странно, Эль-Греко. Эти покупались, в основном, для меня.

— Пожалуйста, — отозвалась я, все еще под впечатлением от удачной сделки. — Любые, кроме вот этих трех.

Сергей Степанович понял меня буквально: забрал все, кроме "этих трех". А Александр, которому, похоже, наскучило быть на втором плане, немедленно вмешался:

— Ну, хватит, Сережа, ты всю квартиру заберешь в качестве приза. Совесть-то помимо!

Впервые я увидела на лице Сергея Степановича какое-то подобие улыбки, но это было так мимолетно, что могло мне просто померещиться.

— Виноват, — смущенно сказал он, — увлекся. Я поставлю на место.

— Да Бог с вами, — махнула я рукой, — забирайте уж. Я в такой живописи не разбираюсь.

Пока гости мыли руки перед чаем, я спрятала пачку долларов под матрас собственной кровати, потому что ничего умнее придумать пока не могла. Да и вряд ли кто-нибудь полезет в мою спальню, во всяком случае, сегодня. А вечером, когда останусь одна, положу, куда следует.

Выпив только одну чашку чая и съев только одно пирожное, Сергей Степанович глянул на часы, охнул и вскочил на ноги.

— Спасибо большое, все было замечательно, но еще нужно до завтра кучу дел переделать. Жаль уходить, но...

Я тоже изобразила на лице нечто вроде сожаления, которого не испытывала. Гораздо больше меня занимал вопрос: уйдет Александр вместе со своим приятелем или останется? По идеи, вопрос был риторическим, ответ я в общем-то знала, но...

Тем не менее, день приятных сюрпризов, точнее, уже вечер, продолжался. Проводив Сергея Степановича, мы с Александром вернулись на кухню, причем он прихватил с собой что-то из своего пластикового пакета. "Что-то" оказалось бутылкой красного вина, насколько я могла судить, марочного и не из дешевых. Мои пирожные оказались идеальной закуской, к тому же на столе почти немедленно появилась коробка шоколадных конфет. Красиво обставляет свидание, ничего не скажешь!

— Ну, за вашу удачную сделку! — провозгласил Александр, разливая вино по присененным мною хрустальным бокалам.

— И за ваше удачное в ней посредничество, — подхватила я. — Без вас ничего этого не состоялось бы.

Вино было необыкновенно вкусным и легким, никаких признаков опьянения после первого бокала я не ощутила. Наоборот, голова стала как бы даже яснее, и я запоздало сообразила, что мы с Александром не настолько близки, чтобы принимать его на кухне.

— Может быть, перейдем в гостиную? — предложила я. — Если захочется, я потом могу сварить кофе.

— А музыка у вас в гостиной есть? — поинтересовался Александр.

— Есть, конечно.

— Так чего же мы ждем? — весело спросил мой гость и помог мне перебазировать напитки и закуски в комнату, которая условно именовалась гостиной.

— Как уютно! — восхитился Александр. — Теперь я представляю себе, где вы сидите, когда работаете, где стоит телефон, по которому вы со мной разговариваете... За это и выпьем.

За это мы и выпили, потом обсудили необходимость поставить программу автоматического перевода на компьютер, чтобы облегчить мой нелегкий труд. Александр обещал буквально послезавтра прийти и помочь мне установить эту программу, если будут какие-то проблемы, а потом передумал и сказал, что сам купит диск и принесет его, потому что знает место, где их продают дешевле и с гарантией. Понятно, что и эту возможность необходимо было обмыть.

Я даже не поняла, когда Александр оказался сидящим на диване в непосредственной близости ко мне. Но это произошло, а у меня не было ни малейшего желания протестовать против такой расстановки сил. Единственное, что я сделала, чтобы как-то отянуть следующий его шаг, это закурила сигарету. Конечно, Александр мог, как обычно показывают в фильмах, властным жестом забрать ее у меня, загасить в пепельнице и приникнуть к моим трепещущим устам жгучим и... ну, в общем положенным в таких случаях поцелуем. Так вот, он ничего подобного не сделал, а тоже закурил и начал рассказывать какой-то забавный эпизод из жизни телевидения. Видно, между тем, было почти выпито.

— Кофе сварить? — спросила я, когда Александр закончил свой рассказ. — Боясь, что вино это коварное: не чувствую никаких признаков опьянения. А это опасный симптом.

Я, конечно, шутила, но какая-то мыслишка относительно того, что нельзя выхлестать полбутылки вина и остаться тверезой аки стеклышико, у меня все-таки промелькнула.

— Чуть позже — обязательно, — отозвался Александр и привлек меня к себе.

Сначала он долго и неторопливо целовал мои щеки и шею, потом перешел к декольте. Рукам он дал полную волю, но и они скользили по мне удивительно нежно и завораживающе. Я словно качалась на волнах ласкового моря под теплым солнцем и мне было необыкновенно хорошо. Так хорошо, что последовавший, наконец, долгий и действительно страстный поцелуй меня не испугал и не возмутил, я восприняла его как естественное продолжение того, что происходило, и сама крепче прижалась к своему гостю.

К счастью для меня, Александр события не торопил. По-видимому, он был не только великим теоретиком, но и отменным практиком, во всяком случае, его умелые руки и губы очень скоро растопили мою скованность, я как-то расслабилась, разжалась не только внутренне, но и внешне, и даже, кажется, стала отве-

чать на его поцелуй... в меру своих способностей, конечно. Увы, довольно скромных. В голове у меня словно завертелось какое-то колесо, и мозги, судя по всему, отключились.

Когда я очнулась, то увидела склоненное надо мной лицо Александра и почти сразу все вспомнила. Заодно вспомнила, как все было прекрасно и снова прикрыла глаза. Но предаваться сладким грезам мне не дали.

— Душа моя, тебе хорошо?

Я кивнула и слабо улыбнулась в ответ. Говорить мне сейчас совершенно не хотелось.

— Ты на меня не сердишься?

Я покачала головой. Если что-то было и не так, то сердиться мне следовало скорее на себя. Но в данном случае...

— Я сейчас вернусь, — шепнул Александр и выскользнул из комнаты.

Вернулся он довольно быстро, завернутый в большую махровую простыню, наподобие римского патриция. В руках у него был мой махровый халатик, который обычно висит в ванной.

— Теперь ты беги, малыш.

— Куда? — томно спросила я.

Тут, похоже, удивился Александр.

— В ванную, конечно.

Когда я вошла в кухню, там вкусно пахло кофе, а Александр все в той же прости не сидел в моем любимом кресле у окна и курил.

— Ты спиши на том диване, малыш? — спросил он.

Я покачала головой.

— Есть еще одна комната, моя спальня. Там стоит нормальная кровать. Сейчас попьем кофе, я покажу.

— Тайны мадридского двора, — усмехнулся Александр и притянул меня к себе. — Ты хоть знаешь, какая ты необыкновенная женщина? Так сладко, как с тобой, мне еще никогда не было. Удивительная смесь девичьей застенчивости и женской пылкости. Ты так темпераментна...

Кофе мы выпили на кухне, причем у Александра оказалась с собой еще маленькая бутылочка коньяка, который он и добавил в чашки. Потом я показала свою спальню, мы переместились туда, потом... Ну, это будет уже повторением.

— Принести тебе сигарету? — спросил меня Александр, когда мы оба немного отдохнули. — А потом было бы неплохо немного отдохнуть.

— Хорошая мысль, — улыбнулась я. — Но курить лучше в кухне. Иди, я сейчас приду.

Когда я минут через пять вышла на кухню, то вместо кофе обнаружила две небольших рюмочки, судя по всему, с остатками коньяка. В общем, логично: посошок на дорожку.

— За нас с тобой, малыш, — протянул мне Александр рюмку и уже раскуренную сигарету. — За будущее. Залпом.

Это было последнее мое отчетливое воспоминание. Потом мне показалось, что меня куда-то несут на руках и укладывают в постель, но, возможно, это был уже сон, потому что накрывал меня одеялом и осторожно поправлял подушку под моей головой уже не Александр, а Валерий, который прошелся:

— Спи сладко, моя девочка.

И я действительно провалилась в глубокий, сладкий сон, точнее, не провалилась, а словно вознеслась к облакам. Так хорошо мне не было никогда в жизни...

Когда я открыла глаза, часы показывали два часа. Дня, естественно, потому что за окном сияло солнце. Ничего себе поспала. Постепенно ко мне стала возвращаться память о вчерашнем вечере. Сначала — телесная, и я в истоме потянулась. Потом рассудок постепенно стал работать в обычном режиме, и я поняла, что в спальне одна. А где же мой вчерашний гость?

Я встала, накинула халат и обошла квартиру. Никого. На кухне полный порядок, даже посуда тщательно вымыта и поставлена на сушку. И в гостиной все было так, как если бы туда никто не заходил: диван в полном порядке, журнальный столик девственно чист, мое платье аккуратно лежит на кресле и белье там же. Даже пустой коробки из-под конфет нигде не видно. Я не поленилась заглянуть в мусорное ведро: и оно было пустым, даже без окурков. Что за чертовщина опять происходит?

И тут меня пронзила мысль о том, что в час дня мне должен звонить букинист. Наверное, он звонил, а я проспала и звонка не услышала. Ладно, никуда не денется, зато как-то дал. Кстати...

Я помчалась в спальню и сунула руку под матрас. Пачка банкнот оказалась на месте, и у меня немного отлегло от сердца. Но где же Александр? Понятно, что ушел, не может же он ждать, пока я изволю продрать глаза после вчерашней попойки. Но хоть бы записку оставил. И с каких пор мужчины так тщательно убирают после себя квартиру любовницы? Не нравилась мне эта деталь, а почему — даже и не знаю. Просто не нравилась.

А еще мне жутко хотелось есть, хотя по утрам я обычно особым аппетитом не отличаюсь. Так что я отложила решение непонятных вопросов на потом, пошла на кухню, быстро соорудила себе довольно плотный завтрак: яичницу с ветчиной вместо традиционных тостов и большую кружку кофе с молоком. Утолив голод, закурила первую за день сигарету и посмотрела на часы: три часа дня. Телефон безмолвствовал.

От неопределенности ситуации я решила заняться полезным делом: пересчитать еще раз аванс за библиотеку и положить его, наконец, в тайник. Принесла пачку на кухню, сняла скрепляющую ее резинку, начала считать и...

И что-то мне показалось неправильным в этих деньгах. Прошло не больше пяти минут, как я сообразила, что из двадцати купюр лишь две — сверху и снизу соответствуют своему номиналу в пятьдесят долларов. Остальные восемнадцать были пятидолларовыми с ловко присобаченным нулем к верхней цифре. Других изменений в купюре не производилось.

Итак, я получила сто долларов, потому что девяносто остальных были, судя по всему, уже негодны к употреблению: когда я попыталась убрать ноль, на его месте образовалась дырка. Похоже, букинист за библиотекой не приедет: те альбомы по живописи, которые он прихватил в качестве приза, стоили каждый примерно сто долларов. Меня элементарно "кинули", как последнюю лохушку. Или лохиню, что все же звучит более мелодично, но сути явления не меняет.

Но ведь при всем этом присутствовал Александр! Собственно, он привел этого человека в мой дом, назвав его своим приятелем и букинистом. Или этот самый Сергей Степанович просто проявил личную инициативу и подзаработал денежек? Хотя он же понимает, что я все расскажу Александру и...

Но если Александр в деле и в курсе, то зачем нужно было оставаться у меня на ночь? Можно было допить чай и уйти, не трястись на вино, коньяк и конфеты. Тем не менее, он остался и был со мной неподдельно нежен и страстен. Нет, ничего не понимаю, не сходится картинка, какого-то фрагмента не хватает.

Фрагмент нашелся, когда я вошла в комнату Валерия. Ни инкунабул, ни оставшихся альбомов по живописи там не оказалось. Не было и некоторых безделушек,

стоявших на полках: старинного бронзового подсвечника на две свечи с фарфоровыми розетками — подставками под свечи, чтобы воск не капал на пол. Ичез серебряный портсигар, принадлежавший еще отцу Валерия, которым покойный муж очень дорожил. Пропала миниатюра прошлого века: изображение сельского домика на фоне гор. А на книжных полках красовалось десятка два пустых мест: наиболее интересные книги тоже были реквизированы.

Так что же — это был вор? Я метнулась в гостиную: из вазочки в серванте исчезли мои нехитрые украшения: два серебряных колечка с фионитом и чернью, кубачинский браслет и цепочка с кулоном-Тельцом. Остальное, вроде, было цело, но что там было остального? Компьютер? Телевизор? Проигрыватель? Слишком громоздкие вещи для одного захода, достаточно того, что книги унес. И, судя по всему, что добавил мне в последнюю рюмку коньяка, иначе я бы хоть что-то услышала, сплю я достаточно чутко.

Значит — вор. Значит, нужно заявлять в милицию. И тут я с ужасом обнаружила, что не знаю, о ком заявлять. Я не знала номера его телефона, определитель его не показывал, а на мобильку он мне ни разу не позвонил, так что и тут ловить было нечего. Да что телефон — я не знала ни точного места его работы, ни... его фамилии. И вот с этим — в милицию. Мол, переспала с малоизвестным мужиком, а он меня обокрал. Так кто в этом виноват? И как искать на телевидении (если, конечно, он действительно там работает) Александра? Имя, согласитесь, редкое, так что позора не оберешься. К тому же на самом деле он вполне мог быть Борисом или Яковом. Какая же я дура!

Я накапала себе успокоительного лекарства и пошла в кухню за спасительной сигаретой. Села в кресло и... разрыдалась. От стыда, унижения, от жалости к утраченным побряушки и книгам, от презрения к себе самой. Так вляпаться, так потерять контроль над собой и ситуацией...

Успокоилась я только через час и то потому, что опилась валерьянкой, а слезы элементарно кончились. Жаловаться было некому, да и на кого? Только на собственную непроходимую глупость и доверчивость.

Глава десятая. Алина Таросская и другие

После всех этих событий я на какое-то время затаилась в доме, пытаясь понять происходящее. Но понимание никак не приходило, да и сны мне стали сниться какие-то неправильные. Другими словами, я все время видела во сне Валерия, который задавал один и тот же вопрос: с чего я решила, что он умер и даже похоронила его, если он — жив, здоров и вообще — вот он.

То ли это было началом какой-то душевной болезни, то ли угрызения совести довели меня до нервного истощения на грани срыва, но я решила совершить достаточно экстравагантный поступок: пойти к гадалке. Не к тем ясновидящим и потомственным колдуньям, объявлениями которых нынче пестрят все газеты, а к своей приятельнице — не то, чтобы очень близкой, но девушке безусловно умной и умеющей хранить чужие секреты.

К тому же, если верить некоторым ее клиенткам, которых порой я же к ней и отправляла, гадала она на картах Таро просто виртуозно, за что и получила свое прозвище.

Я немного побаивалась заглядывать в будущее: а вдруг там вообще ничего хорошего не ожидается. Тем более, один раз я уже пыталась напроситься к Алине, когда Валерию стало совсем плохо, но та по телефону сказала мне, что первоначальный расклад карт показывает полную и беспросветную темноту, и ничего кон-

крайнего сказать она не может. Так что в личном приезде необходимости нет. Через неделю Валерий скончался, но тогда я это никак не связала со странными словами Алины.

Возможно, конечно, она и сейчас откажется встретиться лично: у нее какие-то свои, пусть и странные, но проверенные методы работы с клиентками. Во всяком случае, просто так, чтобы "слупить деньги", она еще никого не принимала, а бывало, что и от гонорара отказывалась, потому что не могла увидеть четкую картину. Так что я позвонила Алине безо всяких надежд и... получила приглашение на следующий день, который, по мнению Алины, исключительно подходил именно для неспешной беседы о моем настоящем и будущем.

Погода резко испортилась, сентябрь перестал притворяться летом, хоть бы и бабьим, с серого неба непрестанно сыпался мелкий, занудный, противный дождь и все это дополнялось резкими порывами сугубо северного ветра. Хороший хозяин, как говорят, в такую погоду собаку на улицу не выгонит. Собаки у меня нет, я сама себе хозяйка и, по-видимому, плохая, потому что натянула брюки, свитер и непромокаемую куртку с капюшоном и отправилась узнавать свою судьбу.

Иди было недалеко: переулками до Смоленской площади, а там уже метро спокойненько довезет меня до пункта назначения — Крылатского. Изредка бывая у Алины, я всегда диву давалась, как можно жить в так называемом "спальном районе" и не впасть при этом в хроническую депрессию. Летом все это унылое безобразие еще как-то маскировалось зеленью, но осенью...

Алина жила практически рядом со станцией метро — в одном из белых высотных домов, отличавшихся от прочих только голубой отделкой балконов. В подъезде было сумрачно и грязновато, пахло кошками и еще чем-то малоприятным, лифт полз на шестнадцатый этаж с отвратительным скрипом. В общем, тот еще путь к жилищу предсказательницы! Да и тамбур на четыре квартиры особой ухоженностью не отличался, равно как и запахом: кошками воняло еще отчетливее.

Но за дверью начинался как бы совершенно иной мир. Правда, квартирка была крохотной, однокомнатной, да и в саму комнату дверь была плотно прикрыта. Но интерьер прихожей настраивал на какой-то особенный лад: золотистые обои, более темного оттенка мебель, кремовый натяжной потолок и везде разбросаны яркие красные, оранжевые и золотые пятна: вазы с осенними листьями, тибетские колокольчики, обивка на табуретке.

Никак не могу привыкнуть к тому, что Алина каждый раз меняет свой внешний облик до неузнаваемости. То она щеголяет в иссиня-черных локонах до середины спины, то стрижется "под ежик" соломенного цвета, то делает медно-рыжего "пажа". Сначала я думала, что она меняет парики, но потом выяснилось, что природа наградила Алину удивительными волосами: росли они раз в пять быстрее, чем у нормальных людей, принимали любую окраску и любую форму. Вот она и развлекалась на досуге, а вторым любимым занятием было окрашивание ногтей на руках и на ногах в самые немыслимые тона и несмываемый макияж-татуировка.

Алина на сей раз выглядела более, чем скромно: платиновая блондинка с волосами, убранными в "конский хвост". Даже ногти были светло-бронзовые, а не черные или зеленые. И сразу кинулась убирать мои туфли на среднюю полку обувной подставки.

— Иначе кошки будут играть, — пояснила она. — Просто собаки какие-то, а не кошки, мебель не дерут, а обувь лопают. Причем не мою, а тех, кто ко мне приходит.

Кошками в квартире и не пахло, пахло сандалом и еще какими-то экзотическими духами. Но когда Алина провела меня на кухню, служившую ей и кабинетом, и гостиной, я увидела, кого она имеет в виду: одна мурка свернулась клубком на диван-

чике, вторая сидела на подоконнике высокого окна и даже не соизволила повернуть голову в нашу сторону. Впрочем, спящая кошка тоже не шелохнулась.

Я, в принципе, неплохо отношусь к семейству кошачьих, но делать из его отдельных представителей культ не собираюсь. Одна кошка — это еще куда ни шло, но две, да еще совершенно разные по темпераменту и характеру... Черная красавица Фения на подоконнике была какой-то редкой египетской породы, которой в Москве, кажется, больше вообще не имелось: Алина презентовала ее один из многочисленных поклонников и утверждал при этом, что провез кису контрабандой.

Вторая же — Глафира — была, что называется, "дворянкой", то есть какая бы то ни было порода в ней отсутствовала напрочь. Ее Алина подобрала сама, когда увидала в подъезде дрожащий от холода и страха грязный серый комочек, который уже не мог даже пищать, только тихо ныл от голода. Теперь это была роскошная, светло-серая раскормленная красавица, обожавшая свою хозяйку почти по-собачьи. В отличие от Фени, кстати.

— Совершенно независимое существо, — усмехнулась Алина, заметив, что я любуюсь ее "египтянкой". — Никакие "кис-кис" не воспринимает, гладить себя позволяет только изредка, под настроение, посторонних людей вообще игнорирует. Вот Глафира — нормальная кошка, без всяких отклонений.

Алина погладила Глафиру, которая тут же проснулась, благодарно заурчала и принялась тереться головой о хозяйку.

Алина налила кофе, предложила курить, мило болтала о пустяках. Ее принципы я знала: никогда первой не задавать вопросов, человек должен сам сказать, зачем он пришел и по возможности обозначить круг волнующих его проблем. Но хотя я и ехала сюда с вполне определенными намерениями, хотя знала, что нужно спрашивать, я все никак не могла собраться с духом и начать разговор.

Алина с ее замечательными картами Таро была хоть какой-то надеждой пролить свет на те потемки, в которых я блуждала, указать, где кончится этот туннель и, главное, чем. Но я никак не могла набраться смелости и задать нужные вопросы: как-то не привыкла жаловаться, всегда пытаюсь все проблемы решать самостоятельно. И тут произошло маленькое чудо.

Черная кошка Фения соскользнула с подоконника и мягко вспрыгнула ко мне на колени. Она не стала сворачиваться клубком или тереться мордочкой о мой подбородок — о нет, ее такие глупости не волновали. Она села на задние лапы, передние приподняла и стала... гладить ими меня по щекам, не выпуская когтей.

Я окаменела, у Алины, похоже, тоже было нечто вроде шока. Сцена длилась несколько минут, причем Фения не издала ни единого звука. А потом так же внезапно убрала лапки с моего лица, спрыгнула на пол и с достоинством удалилась.

— Это что же было? — с трудом обрела я дар речи. — Она часто так... массирует?

— Впервые вижу, чтобы Фения вообще к кому-то, кроме меня, на колени влезла, — ответила Алина. — А уж этот фокус — тем более. Знаешь, по-моему, она с тебя порчу снимала. Можешь мне, конечно, не верить...

Я прислушалась к себе — и поверила. Жалость к себе испарилась вместе с чувством дискомфорта. А на смену пришло спокойствие. И ясность мысли. Может быть, гордая черная кошка действительно сняла с меня неведомо кем наведенную порчу? Не знаю... Но смелость мне она точно вернула.

— Алина, у меня проблема с личной жизнью, — начала я. — То есть появился роскошный поклонник, мы пару раз встретились вне дома, потом... в общем, он остался у меня ночевать. После этого как в воду канул. А потом я обнаружила, что он прихватил с собой кое-что достаточно ценное, да еще, похоже, надул меня с деньгами. И вообще сны снятся дурные, будто Валерий и не умер вовсе, после этого просыпа-

юсь буквально в холодном поту, сердце из груди выпрыгивает. И ничего делать не хочется, апатия какая-то...

Алина уже доставала карты и совершила с ними какие-то непонятные мне манипуляции. Затем протянула колоду и приказала:

— Сними. Левой рукой.

Я послушно выполнила указание, после чего Алина принялась споро и привычно раскладывать карты в причудливые фигуры, бормоча при этом себе под нос какие-то непонятные мне слова типа "аркан", "сигма", и чуть более ясные — "шут", "дьявол", "карта смерти". Тут уж у меня в буквальном смысле слова мороз по коже пробежал. И понесло же меня узнавать свое будущее, не могла дождаться, когда оно само придет!

Наконец, Алина закончила свои манипуляции и налила нам еще по чашке кофе.

— Что я хочу сказать? — начала она. — Этот твой красавец тебе больше не встретится и зла больше не сделает. И вообще можешь о нем забыть, это вот "карта смерти", значит, все позади, только пустые хлопоты...

Я невольно перевела дух. Хоть что-то приятное услышала.

— Сон мне не нравится, — продолжила Алина. — Сон плохой, вешний сон, Валерий еще не до конца сыграл свою роль в твоей жизни, готовясь к сюрпризам, причем не особенно приятным. Но опять же страшного я ничего не вижу, то, что ты сначала посчитаешь трагедией, обернется удачей. Но вот любимого человека ты потеряешь. Не знаю, умрет ли он или просто уйдет из твоей жизни, но ты будешь счастлива, что так произошло.

— Какого любимого человека? — пролепетала я.

— Тебе виднее. Любишь ты его давно и серьезно, но он не твой и твоим не будет. Он вообще — ничей. Но это все фигня, главное, я вижу вокруг тебя смерть. И не просто смерть, а хоровод смертей, страшных, непостижимых, разумом необъяснимых — пока. А еще я вижу дорогу. Или переезд в другое место, который совершенно изменит твою жизнь... Сначала — боль, горечь и страх. А потом — покой и тишина. Возможно, даже счастье. Но совсем не такое, какое ты себе представляешь.

— А Алешка? — задала я еще один животрепещущий вопрос.

— Что — Алешка?

— Ну... как у него в будущем?

— Это, милая, я только ему могу сказать. Но с тобой у него все будет хорошо, даже отлично, он тебя любит, вы будете встречаться, расставаться, снова встречаться... Нет, тут все чисто, связь хорошая, прочная, долгая, похоже, на всю твою жизнь.

Вот это уже куда ни шло. Хоть какая-то приятная перспектива, хотя, если верить Алине, после колледжа мое дитя на Родину не вернется, по-прежнему будет грызть заграничный гранит науки. Что ж, может, оно и к лучшему.

— Больше ничего не хочешь спросить? — осведомилась Алина. — Можно три раза. Два уже было.

Меня интересовало многое, но спросила я почему-то одну конкретную вещь:

— С работой у меня все будет в порядке?

Алина произвела еще какие-то манипуляции с картами и объявила:

— Ни рыба, ни мясо. Во всяком случае, в ближайшее время все будет так, как сейчас, то есть совершенно стабильно. Денег тебе будет хватать на нормальную — в твоем понимании — жизнь, но золотые горы ниоткуда не светят. То есть, что я хочу сказать? Ни утрат, ни приобретений — рутина. И только крохотная зацепочка на неопределенное будущее: произойдет какая-то встреча, которая изменит характер твоей работы в лучшую сторону и будет прилично оплачиваться. Но все равно, ни машины, ни загородного особняка ты на свои доходы не купишь. А вот кто-то тебе будет по-

могать, причем достаточно регулярно, и тогда ты не будешь испытывать недостатка в деньгах.

Алька, наверное, будет помогать, кто же еще? Не Иван же! Или имеется в виду Володя, который действительно время от времени оказывает мне определенную помощь? Но нищета мне, похоже, не грозит, и на том, как говорится, спасибо. Хотя за гадания благодарить не принято.

— Сколько я тебе должна? — спросила я Алину.

Та махнула рукой.

— Не сходи с ума. Свои люди, сочтемся. А если действительно посчитаться, то это я тебе должна: комиссионные за клиенток, которых ты присылаешь, и которые в свою очередь присылают других.

Логика была железная, тут я даже спорить не стала. Вместо этого неожиданно для себя самой рассказала Алине историю с Александром. Типа исповедалась. Пока рассказывала, было стыдно, но потом пришло странное чувство облегчения.

— И ты из-за этого психуешь? — поразилась Алина. — Я бы тут же в милицию пошла, прищучили бы гада в лучшем виде.

— Идея чудная, — с некоторым сарказмом отозвалась я, — но мне, видишь ли, совестно.

— Чего? Того, что провела ночь с мужиком? Не через год после того, как с ним познакомилась, а чуть раньше?

— И это, конечно, тоже, но... Я не знаю ни места его работы, ни его фамилии, ни даже номера телефона. Меня же в милиции запозорили бы.

— У тебя же телефон с определителем, — удивилась Алина. — И он тебе звонил несколько раз.

— В том-то и дело, что его телефон не определялся.

— Профессионал, — с некоторым уважением сделала вывод Алина. — Антиопределитель себе соорудил. Возможно, даже на мобильнике.

— Столько трепаться, сколько он, по мобильнику дороговато. Разориться можно.

— Тарифы бывают разные, а мобильники — позаимствованные, — мудро заметила Алина. — Не представляешь себе, до чего теперь техника дошла. К тому же, есть фирмы, которые оплачивают мобильные переговоры своих сотрудников. Подумать только: еще пару лет тому назад для нас автоответчик был высшим достижением человеческой мысли. Про Интернет вообще молчу. Кстати, если тебе не хватает разнообразия в личной жизни — дай объявление в мировую паутину. Соскучишься от поклонников отбиваться.

— Что значит — дай объявление? — слегка обалдела я.

— Объявление о знакомстве. Таких сайтов сейчас — пруд пруди. Где я, по-твоему, своих нахожу?

Я пожала плечами, потому что никогда об этом толком не задумывалась, знала только, что поклонников у нее действительно немерено.

— В Интернете, конечно же. Даю объявление позаковыристее: мол, юная женщина с большими сексуальными запросами ищет друга и учителя, желательно молодого и состоятельного. Или еще что-нибудь придумываю. Только телефон свой даю очень и очень немногим, тем, кто действительно может мне чем-то помочь по жизни или... просто понравился. Гадание гаданием, но запросы у меня побольше, чем у тебя, подружка. Я драгоценности люблю, тряпочки всякие, шампанское и чтобы на машине возили.

— И что? — с любопытством спросила я.

— Оглянись, — посоветовала Алина.

Я послушно оглянулась. На стене позади меня висел плакат размером метр на метр, где черной икрой на фоне красной было написано: "Жизнь удалась!". Ну, Алина дает! Где она только это находит?

— Картинку в журнале увидела, — прочитала она мои мысли, — и захотела такую же себе. Кликнула клич народу: кто организует такой плакат, получит незабываемую ночь любви. Вот и все.

— Плакат только один принесли? — не без ехидства спросила я.

— А зачем мне больше? — не приняла насмешки Алина. — Кто не успел, тот опоздал, а у меня приходит на всех хватит и еще останется.

— И как они у тебя сочетаются, поклонники-то? — с неподдельным интересом поинтересовалась я. — Тут с одним иной раз с ума сойдешь, а уж если двое... Накладок не бывает?

— У меня? — надменно ответила вопросом на вопрос Алина.

Я поняла и заткнулась.

— А вот кстати о тех, кто запутывается в двух поклонниках, — вдруг оживилась Алина, наливая нам еще кофе. — Бренды плюснуть? Капельку? Дорогой, между прочим, марочный.

На марочный я милостиво согласилась, хотя, видит Бог, не способна отличить "Белый аист" от "Камю" и вообще коньяк от бренди.

— Звонит мне девица, говорит, что по твоей рекомендации. Я, естественно, записываю ее на консультацию, потому что чувствую: по делу звонит, я не пустышку тяну, работа будет интересной. Приезжает так-к-ая красотка! Сама смуглая, а глаза светло-серые и чуть-чуть раскосые.

Я насторожилась: что-то в этом описании было мне смутно знакомо. Но пока промолчала.

— Девица замужем за охранником у какого-то суперкрутого нового русского, но муж ее не устраивает категорически ни с какой стороны. Спрашиваю: зачем тогда замуж выходила, ведь не перестарок еще, ей максимум двадцать один-двадцать два. Отвечает: а не было другого способа из комнаты в полуразвалившемся мытищинском бараке перебраться в полноценную московскую квартиру. То есть выходила замуж за прописку, а когда получила ее и жилплощадь, список запросов изменился и расширился. Теперь ей нужен богатый, сексуальный, красивый, согласный и имеющий возможности ее развлекать и баловать.

— То есть примерно твой набор требований к мужчине.

— Примерно, но я не зацикливаюсь на одном мужике и меня смешит слово "любовь". А она запуталась в двух поклонниках: оба не слишком молодые — под сорок, но оба состоятельные, красивые и даже сексуальные. Разница заключается в том, что один готов жениться, а второй — женат.

— Ну, и что ее смущает? Выбор же очевиден.

— Все не так просто, подруга, — с загадочным видом изрекла Алина. — Маринела (так ее зовут) познакомилась в Греции с каким-то Иваном... Да-да, с твоим бывшим мужем, ты уже наверняка сама об этом догадалась. Тот врезался в нее по уши и сделал предложение. Она сказала, что подумает, и начала тянуть время. Тогда он направил ее ко мне, якобы от тебя, знал, что не откажу.

— Ни хрена себе лав стори! — ахнула я. — Только такой мачехи Алешке не хватало. То-то Иван звонил, зудел, чтобы Альку быстрее к себе прописывала.

— Не дергайся. Я ей гадала: у нее в жизни только одна любовь и один муж, а тающей у нее уже имеется. Если она не прислушается к тому, о чем я ее предупредила, Ивану ничего не грозит — с этой стороны, конечно.

— А о чём ты ее предупредила?

— Карты сказали, что она погибнет, если возобновит роман с единственным мужчиной, которого любит и с которым встречалась еще до замужества, неким Леонидом, — невозмутимо отозвалась Алина, добавляя в оставшиеся полчашки кофе столько же бренди. — Тебе освежить?

— Нет, спасибо, мне еще домой ехать, — отозвалась я, ошалевшая от последнего заявления.

— Кстати, она забыла у меня фото своего ненаглядного, надо бы ей вернуть. Хочешь полюбоваться? — И она достала из большого блокнота цветную фотографию, на которой были запечатлены уже известная мне Маринелла, беспечно хохочущая возле какого-то фонтана, и обнимающий ее за плечи красавец, чем-то похожий на Александра, только без усов и бороды. Примерно тот же тип мужчин, который так нравится женщинам, и который теперь вряд ли понравится мне.

— Сашка тебе все вернет, — вдруг сказала Алина. — Похоже, я его знаю, так что меры кое-какие приму. Если заартачится или не все отдаст, выгоню к чертовой матери при первом же визите.

А еще говорят, что такие совпадения бывают только в романах. Если хотите знать мое мнение, самый плохой и банальный роман — это наша жизнь во всем ее ужасающем неправдоподобии.

Глава одиннадцатая. Из жизни миллиардеров

Хотя Алина и была ясновидящей, она понятия не имела, как на самом деле развивается сюжет с невестой моего бывшего мужа. Я этого тем более не знала, и слава Богу.

Какое-то время тому назад Маринелла познакомилась с молодой и очень богатой женщиной, женой не просто "нового русского", а такого, который даже в Америке считался бы миллиардером. Во всяком случае, наша пресса не преминула сообщить всем интересующимся, что в минувшем году этот самый господин Звонарев заплатил налог родному государству в размере... двух миллиардов долларов. Не слабо, да? Но все это на самом деле было только вершиной айсберга...

Господин Звонарев, например, построил загородный дом. Ну, построил и построил, мало ли их в последнее время в Подмосковье понатыкано? Но суть заключалась в том, что в километре от этой резиденции находилась обыкновенная подмосковная деревня. Стояла себе деревня и стояла, пока не выяснилось, что она портит вид из окон виллы миллиардера. Так он взял и перенес эту деревню в сторонку на пару километров. За свой счет. Никто, естественно, не возражал, а что особенно интересно, ситуация эта как-то ускользнула от наших вседесущих средств массовой информации.

Опять же мало кому известно, что в самом центре Первопрестольной у господина Звонарева имеется собственное государство. На самом деле это парфюмерно-косметическая фабрика, но при ней имеется все — от собственной больницы до целой сети магазинов, в которых можно купить все, но... не на рубли. И не на доллары, как кто-то, конечно, подумал. На территории фабрики имеют хождение собственные деньги, любовно называемые "звонариками". Вот ими-то и выдают работникам половину заработной платы, чтобы... ну, сами понимаете. Никто, впрочем, не жалуется.

В эту-то "империю" и устроился охранник муж Марины Максим. Работа спокойная, деньги — приличные, да еще по ночам можно пользоваться бассейном и тренажерами, поскольку ни начальства, ни почетных гостей в это время, как правило, не бывает. Один раз туда приехала Маринелла — что-то ей понадобилось от мужа, — и надо же случиться такому совпадению: в то же время к собственному мужу приехала жена Звонарева, которую народ за глаза называл "Императрицей". Чем ее

очаровала Маринелла — трудно сказать, но "Императрица" пригласила ее в тот же вечер в гости. И понеслось.

Понеслось стремительно, но события, между тем, разворачивались совсем не в том направлении, какое было бы оптимальным. Именно эти сутки дежурства для Максима выдались особенно тяжелыми и он мечтал только об одном: прийти домой и лечь спать. Но Мари решительно прошла в дежурку, грациозно опустилась на стул, закинула ногу за ногу, вытащила сигаретку, закурила и, пуская дым к потолку, не замечая усталости и удрученного состояния мужа, сказала:

— Сегодня на Горбушке в ДК классная тусовка, закругляйся, поймаем тачку и поехали.

— Машенька, я сегодня очень устал, мне бы поспать хоть часочек, а там дым комомыслом, музыка грохочет... Ну пожалуйста, давай хоть сегодня домой поедем, у меня просто нет сил.

— Во-первых, я тебя сто раз просила не называть меня этим пошлым именем. Во-вторых, что ты за мужик такой, если после твоей не пыльной работенки еще и спать надо. В-третьих, если ты со мной не поедешь, то уж не обессудь, я поеду одна и найду там себе кавалера покруче тебя.

— Хорошо, — голос у Максима вдруг стал ровный и спокойный — поезжай. Но, во-первых, денег я тебе на твои увеселения больше не дам. Во-вторых, не тебе судить о моей работе. В-третьих, работаю и деньги зарабатываю, все-таки, я, и отдыхать мне тоже иногда надо, а вот чем это ты так себя утомила?

Маринелла молча сорвалась со стула, вылетела в коридор, с силой шарахнув дверью в дежурке. Одновременно, выше этажом, где размещался кабинет хозяина конторы, тоже шарахнули дверью, и чьи-то каблучки дробно застучали по лестнице. Плавно покачивая бедрами и гордо вздернув голову, Маринелла вышла на лестничную площадку, где ее чуть не сшибла с ног какая-то женщина, спустившаяся по лестнице сверху. Маринелла уже собралась как следует обложить нахалку, но что-то заставило ее вовремя прикусить язык.

Налетевшая на нее женщина была чуть старше ее, одного с ней роста, с длинными, почти до талии каштановыми волосами и удивительными зелеными, как у кошки, раскосыми глазами. Она была не только очень красива, в ней чувствовалась скрытая сила, власть, умение повелевать, заставляющая всех окружающих говорить шепотом и ходить на цыпочках. Она явно была в ярости, и из глаз ее сыпались зеленые молнии. Но Маринелла спокойно выдержала ее взгляд, и та начала потихоньку успокаиваться, пылающие щеки приобрели нормальную окраску нежного румянца, зеленые искры погасли, а на лице появилось надменное и немного удивленное выражение.

— Ты кто такая? Что на дороге стоишь?

— К мужу приходила, он здесь охранником работает, — тихо ответила Маринелла.

Женщина посмотрела более заинтересованно.

— К мужу, значит. Тебя звать-то как?

— Маринелла.

— А меня Ирина, но все меня зовут Императрица, ты тоже можешь меня так звать. А чего приходила? Повеселиться собралась, а он продинамил?

— Хочет ехать домой спать. Не со мной, просто спать, — уточнила Маринелла.

— Ха! Все мужья — дермы. Да и вообще все мужики. Мой меня тоже послал. Работать ему нужно. Зачем тогда, старый козел, на молодой женился? Ну и что думаешь теперь делать?

— Не знаю. Надо бы завалиться куда-нибудь, да денег нет.

— Ну, у меня этого добра с избытком, денег дает сколько надо, одно условие — никаких мужиков чтобы рядом не было, а так делай, что хочешь. Может, составишь мне компанию? Пошли в мою машину.

И Ирина двинулась к выходу даже не оглянувшись, уверенная, что девушка идет за ней. Маринелла пошла, чувствуя, что наступает новый поворот в ее жизни.

Повеселились они в ту ночь славно, побывав чуть ли ни в десятке злачных мест. Императрица была явно довольна, новоприобретенная подруга ей нравилась — тихий голос, пьет не пьянея, танцует без устали, не задает никаких вопросов, покорна, но без подобострастия, знает свое место, но гордости не теряет. Именно такого человека ей всегда не хватало рядом.

Уже рассвело, когда они вышли из очередного кабака, уселись в роскошный "порше" Императрицы, где ее ждал шофер, он же телохранитель, пожилой молчаливый громила, и буквально растеклись по сиденьям.

— Давай домой, — скомандовала хозяйка. — Поехали ко мне, посмотришь как люди живут, а к мужу тебя потом отвезут.

Маринелла промолчала. Машина мчалась по пустынной в этот час Москве, вскоре они выехали за кольцевую дорогу, буквально через десять минут свернули на какой-то проселок, потом еще раз и оказались перед могучими воротами. Шофер посигналил, тихо зажужжала маленькая телекамера над воротами, они распахнулись, и машина въехала на территорию, окруженную каменным забором трехметровой высоты. Проехав по аллее, обсаженной с двух сторон старыми разросшимися тяями, машина, наконец, остановилась под козырьком высокого крыльца. Дамы вышли, поднялись по ступенькам, установленным кадками с дико-винными растениями, огромные стеклянные створки сразу распахнулись, как будто их поджидали.

За дверью оказался еще один пожилой громила, колючими проницательными глазами внимательно оглядев Маринеллу, запер за ними дверь и тут же молча удалился.

— Люблю молчунов, — сказала Императрица и усмехнулась. — Специально ведь вокруг меня одних уродов и стариков держит. А с другой стороны, боится — значит ценит. А тебя твой ценит?

— Раньше вроде ценил, а теперь не знаю.

По широкой деревянной лестнице они поднялись на второй этаж, прошли по просторному коридору и вошли в просторную комнату, уставленную необыкновенно мягкими диванами с множеством ярких подушечек и думочек. Перед каждым диваном располагался столик с причудливо изогнутыми ножками, на котором стояли вазы с живыми цветами.

— Моя гостиная, — Императрица опустилась на один из диванов, — расположайся. Чую хочешь? Хотя лучше сначала в ванну, потом чай с травками и спать.

Она встала, подошла к мебельной стенке с множеством зеркальных дверок, занимавшей весь торец комнаты, открыла один из шкафов, и оказалось, что это дверь в спальню. Пройдя ее насквозь, она открыла еще одну дверь, там была гардеробная с множеством шкафов и огромным трюмо и, наконец, открыла дверь в еще одно помещение, которое оказалось ванной с бассейном.

— Раздевайся, поплаваем, — предложила Императрица.

Чувствуя на себе пристальный взгляд хозяйки этого великолепия, Маринелла стала медленно раздеваться, а та включила тихую музыку, пододвинула к краю бассейна одну из этажерочек, на которой лежали стопками полотенца. Раздевшись, девушка скользнула в воду. Императрица тоже быстро скинула с себя одежду и вошла в бассейн.

Как две русалки, они резвились, расплескивая вокруг целые фонтаны брызг и весело хохоча. Наконец дамы вышли из воды, накинули на себя роскошные купальные халаты и Императрица повела новообретенную подругу в спальню.

Подойдя к кровати, она сбросила на пол халат, улеглась прямо на шелковое покрывало, подперев голову рукой, и в упор молча стала смотреть на Маринеллу. Та тоже молчала, стояла спокойно, не отводила взгляда, как будто ждала дальнейших указаний.

Наконец Императрица громко зевнула, встала, прошла в гардеробную и вышла оттуда в ночной рубашке. Правда, рубашкой это можно было назвать условно, скорее казалось, что тело молодой женщины местами прикрывали совершенно прозрачные кусочки ткани. В руках она несла постельное белье, теплый плед и ночную сорочку.

— Держи, оденься иди спать в гостиную. Утром, если проснешься раньше, не вздумай меня будить, твой туалет и ванная по коридору направо, если приспичит. Когда я проснусь, позову, позавтракаем, потом шофер отвезет тебя.

Маринелла постелила себе на одном из диванов, легла и провалилась в сон без сновидений в тот же миг, как только ее голова коснулась подушки.

Утром, скорее уже днем, она проснулась от голоса Императрицы, звавшей ее. Она вошла в спальню и остановилась в дверях.

— Ну и дрыхнешь же ты. Никак тебя не докричусь, — ворчливо проговорила Императрица. — Залезай сюда, сейчас завтракать будем.

Она нажала на кнопку у кровати, через минуту открылась дверь и заглянула горничная.

— Завтрак. На двоих, — отрывисто скомандовала Императрица, и та мгновенно скрылась.

Вскоре горничная вернулась, катя перед собой столик с едой, комната сразу наполнилась ароматом прекрасного кофе и свежевыпеченного хлеба. Она привычным движением поставила поднос на кровать между женщинами, на него водрузила чашки, кофейник, корзинку с рогаликами, вазочки с джемом и маслом и быстро вышла.

Маринелла, не торопясь, налила себе кофе, взяла рогалик, разрезала его пополам, густо намазала маслом и джемом, снова сложила половинки и начала аппетитно есть.

Императрица с любопытством смотрела на нее, потом вдруг хрюкло засмеялась и смыла сигарету в пепельнице.

— Глядя на тебя, и сама есть захочешь, сделай мне так же и налей кофе. Ты, я смотрю, девочка без комплексов, это хорошо, это я люблю, сама такая, потому, может, и живу сейчас вот так, — и она широко повела рукой, словно приглашая полюбоваться спальней. — Нравится? Три раза переделывали, пока меня все устроило... более или менее. Что дома скажешь, где была?

— Ничего не скажу, — пожала плечами Маринелла. — Никогда ничего не объясняю. Никому.

— А как же муж?

— Бесится, а мне плевать. Пусть хоть весь злостью изойдет.

— Ну ты совсем молодец. Тут могу тебе только позавидовать. За все это, — тут она снова повела рукой, — платить надо, в том числе и полным отчетом.

— Мне платить не надо. Да и не за что. Вся квартира — в пять раз меньше этой комнаты. Что же мне, в ножки ему кланяться за это убожество?

— Ну и прекрасно. Понравилось у меня?

— Очень.

— Ну что ж. Кажется, мы с тобой подружимся. Ты мне подходишь. Оставь свой телефон, позовю, заеду за тобой.

В машине по дороге домой Маринелла сидела с закрытыми глазами и вспоминала сине-зеленую ванную, представляя себя в ней хозяйкой. А рядом — ее единственный любимый человек. Вот они вдвоем на этой огромной кровати, она подает ему кофе, привезенный молчаливой горничной, готовит для него тосты...

Когда машина остановилась возле подъезда ее дома и пришлось расстаться с мечтами и окунуться в реальность, Маринелла чуть не застонала в голос от разочарования. Она прошла в комнату, не удостоив мужа даже взглядом, плюхнулась на диван, надела наушники и отгородилась любимой музыкой от окружающего мира.

Императрица позвонила ей через пару дней, подъехала к дому и, когда Маринелла села к ней в машину, критически осмотрев ее с ног до головы, скомандовала шоферу:

— В Манежный. Сейчас заедем кое-куда, приоденем тебя немножко, а то с тобой в приличном месте и показаться стыдно будет.

Маринелла сначала чуть-чуть обиделась: не так уж плохо она была одета. Почему же с ней будет стыдно показаться? Но скоро поняла, что вступает в другой мир, в мир, где ее лучшие наряды годятся только для того, чтобы вытирали ими пыль или мыть полы.

Она даже не представляла себе, что продавщицы в магазине могут быть так любезны, что сам процесс покупки может длиться несколько часов, причем ни капельки не наскучить. Развалившись в удобном, глубоком кресле перед примерочной и потягивая из высокого стакана какой-то прозрачный напиток со льдом, Императрица привычно командала:

— А теперь поищите что-нибудь посексуальнее, но не пошлое. Что вы принесли? В этом только на богомолье ходить! Я же просила сек-су-аль-ное! Это?! Милая, вы с ума сошли, мы же не в бордель поедем и на панель, тем более, не пойдем. Если сами не можете ничего предложить, позовите старшего. Ну, вот это еще куда ни шло. Мари, пример!

Маринелла примеряла, ей все казалось великолепным, но Императрица брезгливо морщила нос и не угомонилась, пока не перевернула весь бутик, выбрав, наконец, два платья: лиловое, из тончайшей кожи, и кружевное черное на алоей подкладке.

— Ну вот, — удовлетворенно проговорила она, — для первого раза сойдет. Сейчас к этому подберут туфли — и вперед.

Маринелла даже представить себе не могла, сколько стоит все это великолепие. Она случайно заметила цену на каком-то шарфике, попавшем ей под руку, и увидела, что выражается она трехзначным числом. У нее закружилась голова, и она запретила себе даже думать о деньгах.

После похода в магазин все понеслось, как в прошлый раз, и снова на рассвете они оказались в уже знакомой роскошной спальне.

— Хорошо гульнули, — сказала Императрица, разваливаясь на диване, — пить хочется. Там на столике должен стоять термос, налей.

Маринелла подошла к столику в углу, налила в чашку душистый напиток из каких-то трав и осторожно понесла к дивану, стараясь не испачкать платье.

— А ты разденься, проще будет, — лениво посоветовала ей Императрица. — Да и жарко тут, топят, как сумасшедшие.

Маринелла подчинилась. Императрица окинула ее критическим взглядом:

— Одну ошибку сделали: о белье забыли. Эти твои тряпочки — только в огороде работать. Ладно, сейчас из моего подберем, фигурки-то у нас с тобой одинаковые.

Она легко соскользнула с дивана и скрылась в гардеробной. Через несколько минут вынесла оттуда целый ворох белья, причем с большинства вещей еще даже не были сняты этикетки.

— Сейчас устроим примерку.

Но примерка обернулась совсем другим занятием...

Глава двенадцатая. Тихий, вкрадчивый голос

Я убирала квартиру, как всегда, по четвергам. Так повелось при жизни Валерия, поскольку именно в этот день он присутствовал в издательстве и мне никто не мешал. Точнее, я ему не мешала: звук пылесоса, например, он не переносил просто патологически, а попытки стереть пыль в его комнате воспринимались... ну, скажем, неадекватно. Теперь я могла делать уборку в любой день, да хоть каждый день, если заблагорассудится, но все равно занималась этим в четверг. Привычка — великолепное дело.

Несколько недель тому назад жизнь для разнообразия преподнесла мне приятный сюрприз. Кто-то позвонил во входную дверь средь бела дня. В глазок я увидела парнишку лет тринадцати-четырнадцати с большой спортивной сумкой в руках.

— Кто там? — спросила я.

— Просили передать, — лаконично ответили мне.

— Кто?

— Мне не докладывают. Дали сто рублей и велели передать.

Почему-то эта сотня за услугу меня убедила. Я открыла дверь, не снимая цепочки, увидела, что больше никого на площадке нет, и сказала пацану:

— Придвинь сумку к двери и ссыпь отсюда.

Он пожал плечами, выполнил мое распоряжение и резво поскакал вниз по лестнице. Тогда я сняла цепочку, быстро втянула сумку в квартиру и захлопнула дверь. Сердце колотилось, как бешено, мысленно я ругала себя за очередную авантюру, но постепенно успокоилась, открыла сумку и...

И увидела, что в ней лежат украденные у меня когда-то инкунаулы и один альбом по живописи. А еще портсигар, в котором что-то позвякивало. Оказалось: колечко с фианитом. Интересно, кого-то совесть замучила? Или...

Я пошла в комнату и набрала номер телефона Алины. Слава Богу, она оказалась дома и была свободна. Когда я вкратце изложила ей происшедшее, она совершенно спокойно сказала:

— С паршивой овцы хоть шерсти клок. Пусть теперь живет безмятежно.

Давать какие-либо пояснения она категорически отказалась, сославшись на профессиональную тайну, и посоветовала мне все забыть, как кошмарный сон, и жить дальше.

Я вымыла плиту и мойку, протерла кухонную мебель, зеркала в комнатах и коридоре, вычистила до блеска ванную комнату и взялась за пылесос. Делала все это машинально, потому что все время возвращалась мыслями к недавним событиям...

В один из ненастных вечеров, когда до полугодия со дня смерти Валерия оставалось меньше месяца, раздался телефонный звонок. И нежный женский голос осведомился, не со вдовой ли такого-то имеет честь беседовать. Я подтвердила — да, со вдовой.

— А я — бывшая жена Валерия Павловича, — проинформировал меня нежный голос, — Римма Львовна. Надеюсь, вы обо мне слышали?

Разумеется, слышала. И даже видела фотографии: Римма Львовна и ее сын Петя. Красотка, как две капли воды похожая на молодую Анастасию Вергинскую, и преле-

стный мальчуган. Но поскольку Валерий Павлович расстался с Риммой Львовной лет за десять до нашего с ним знакомства, то особых причин для подробных расспросов у меня не было. Тем более что Петя, по слухам, перебрался в Америку, и логично было предположить, что сделал он это не один, а с матерью.

— Здравствуйте, Римма Львовна. К сожалению, не смогла вас известить о случившемся, поскольку не знала ни адреса, ни телефона...

— При желании вы могли найти меня через справочное бюро. Но у вас этого желания, конечно же, не возникло. И я вас понимаю. Но мне пришлось вас побеспокоить: через месяц минет полгода со дня смерти Валерия, и я вступлю в права наследства. По доверенности, от имени нашего сына. Ведь ему полагается половина квартиры...

Мне показалось — я ослышалась. Наследство, сын, доверенность... Столько лет не подавать никаких признаков жизни — и на тебе. И вот теперь, совершенно неожиданно, возникает бывшая жена и напоминает о своей прежней семейной жизни и совместном с Валерием ребенке. Мне было известно и то, что особой гармонии в этом браке не было, что он развалился где-то года три спустя после заключения. Правда, Валерий так неохотно говорил о своем прошлом, что со временем мне расхотелось задавать ему вопросы на эту тему.

— Но ведь ваш сын — в Америке, — вдруг вспомнила я.

— С чего вы это взяли? Ему просто некогда, мальчик так занят...

— Нам сказала сестра Валерия... Нина.

— Не знаю, откуда она взяла эту чушь! Мы вообще с ней не общались после развода.

Я совсем растерялась и ляпнула:

— Откуда же вы узнали, что Валерий умер?

— Не ваше дело! — отрезала моя собеседница. — Умер, квартира приватизирована на его имя, вы там только прописаны, поэтому половина принадлежит моему... то есть нашему сыну, вот и все. Готовы отдать добром? Или будете судиться? Впрочем, если нет завещания...

— А если оно есть? — осторожно спросила я.

— Не блефуйте. Официально заверенного нотариусом нет, а если осталась какая-то писулька, то она не имеет юридической силы. Впрочем, опять же есть суд...

— Знаете, для меня это полная неожиданность, — честно призналась я. — Мне нужно подумать, посоветоваться с адвокатом. Надеюсь, вопрос не нужно решать с курьерской скоростью?

— Вы этого не сможете при всем желании, — усмехнулся ангельский голос, — полгода еще не истекли.

Как ни странно, она, кажется, не знала, что я и не удосужилась вступить в эти same права, настолько мне все казалось ясным и естественным.

— Почему вдруг такая внезапность? — осведомилась я, изо всех сил стараясь взять себя в руки. — Столько лет не было никаких отношений...

— Да, Петя не мог простить отца за то, что он нас оставил. А потом — простил. И попросил меня узнать, что с ним и как он живет. Я достала его рабочий телефон, а мне сказали, что...

А еще говорят, что совпадений не бывает. Не успел сын простить отца, как выясняется, что отец покинул этот мир. И любящий сын, разумеется, захотел что-то получить на память. Полквартиры, например. Хорошо, что не всю.

В общем-то неискорененная в юридических делах, я тем не менее знала, что наследство делится поровну между вдовой (вдовцом) и остальными прямыми наследниками, а из оставшейся половины вдова (вдовец) имеет право еще на половину.

Проще говоря, три четверти положено тому из супружеских, которому довелось пережить свою лучшую половину.

Так что моему пасынку светило не так уж и много. А если найти хорошего адвоката...

Хороший адвокат, к которому я кинулась после бессонной ночи, разъяснил мне, что коль скоро квартира была приватизирована только на имя покойного супруга, то, согласно новому жилищному кодексу, является его частной собственностью, а отнюдь не совместно нажитым в супружестве имуществом. И, соответственно, подлежит разделу в равных долях между прямыми наследниками. Я никаких особых прав на эту квартиру не имею, кроме права пользователя. То есть могу жить там, пока не посineю или не помру, желательно естественной смертью. Но ни поменять, ни подарить, ни завещать, ни продать мое жилье не могу. Потому что оно не только мое. Слабым утешением служило то, что и другой прямой наследник ничего не мог сделать со своей половиной.

— Когда вы вступили в права наследства? — спросил меня адвокат. И чуть не упал в обморок, услышав, что я и не вступала: ждала, пока пройдет полгода, поскольку считала, что до этого и суетиться бессмысленно. — Но ведь эти полгода как раз и даются на то, чтобы о себе заявили все возможные наследники! Вам просто повезло, что эта дама сочла нужным предупредить о своих правах. Думаю, ей и в голову не пришло, что вы такая... Вступайте в права наследования и соберите для меня следующие документы: свидетельство о введении в наследство, справку из БТИ о стоимости квартиры, копию свидетельства о смерти мужа, копию свидетельства о браке, квитанцию об оплате налога на наследство, выписку из домовой книги, копию финансово-лицевого счета. После этого будем решать, что делать. И не расстраивайтесь — возможно, мне удастся отстоять квартиру целиком.

Зареванная, я на следующий день явилась к нотариусу. Разумеется, к государственному, поскольку квартирные вопросы, связанные с наследством, решаются только под бдительным оком Державы. Иначе частные нотариусы наворочают такого, что потом не разберешься. То и дело слышишь, что умер человек, оставил жилплощадь — и через пару недель на ней оказываются прописанными совершенно посторонние люди. В обход самых что ни на есть прямых наследников. Чудеса, да и только.

— Голубушка, — укорила меня нотариус, когда я, прождав в очереди несколько часов, оказалась перед ее светлыми очами, — что же вы так тянули? До полугода осталось чуть больше трех недель, а тут и Новый год, и Рождество... Можете просто не успеть. Ладно, давайте ваши бумаги...

Легко сказать: давайте. Их ведь еще нужно было собрать. Я продолжала убирать квартиру, но мысли мои витали где-то совершенно в другом месте. День в РЭО — или как они теперь там называются, день у нотариуса, еще день — на всякий случай... Три дня псу под хвост, а мою работу пока еще не отменяли. Три дня... Боже, как я оказалась наивна!

Бумаги — паспорт, подлинники всевозможных свидетельств, а также их копии, выписка из домовой книги и копия финансово-лицевого счета — стоили мне немалых трудов. Сколько раз за время моей эпопеи я благодарила Бога за то, что овдовела еще сравнительно молодой! Иначе у меня просто не хватило бы физических сил, чтобы совершать многокилометровые марш-броски из одного района города в прямо противоположный, везде высаживать (а то и выставлять) многочасовые очереди и везде платить, платить, платить.

Милая и внимательная нотариус даже поинтересовалась при оформлении бумаг, есть ли у меня хороший адвокат. А когда я назвала фамилию, поморщилась:

— Нет, это не то. Я вам дам своего адвоката — он на этом деле собаку съел. Дайте мне ваш телефон, я вам на днях позвоню.

Кто мог ожидать такой предупредительности? Более того, она поинтересовалась у меня, есть ли в доме антиквариат, драгоценности, ковры. Потому что если есть, то лучше их спрятать, отвезти к родным, друзьям. Иначе наследники могут потребовать свою четверть...

Мне опять повезло — я оказалась нищей. Библиотека была уже продана, хотя и дешевле, чем мне хотелось бы, но две тысячи получить за нее все же удалось. А чудом вернувшиеся инкунабулы хранились в надежном месте.

Оставалась пустячная формальность: зарегистрировать свое свидетельство о наследстве в жилищном департаменте. Туда я и направилась, сдала документы в окочко и стала терпеливо ждать, когда их зарегистрируют.

Всего через два часа меня вызвали, и выхоленная до умопомрачения девица сообщила, что мое свидетельство о наследстве не может быть зарегистрировано, так как лишь накануне было зарегистрировано аналогичное — моих сонаследников. А поскольку сделано это было по дубликату свидетельства о приватизации, то мой подлинник автоматически теряет силу.

Мои попытки достучаться до здравого смысла и объяснить, что они не имели права этого делать, потому что я — вот она, и подлинник — вот он, и прежде, чем выдавать какие-то документы по дублю, надо было удостовериться в том, что существует оригинал, — все эти попытки успеха не имели. Девица равнодушно проинформировала меня, что мне нужно поехать и тоже взять дубликат — тогда вот и зарегистрируют. А подлинник я могу употребить, как считаю нужным.

Но это были еще цветочки. Когда мне отказались регистрировать и свидетельство о смерти потому, что "анalogичное было зарегистрировано по дубликату свидетельства о смерти, а значит, подлинник свидетельства теряет свою силу", я сначала настолько обалдела, что попыталась выдвинуть разумные контрдоводы: человек умирает только один раз, и свидетельство о смерти — будь оно подлинным или дублем — только этот единственный раз и фиксирует. Но меня не поняли.

Начальник департамента, к которому я на следующий день прорвалась с диким скандалом, одним телефонным звонком отменил хитроумную комбинацию своих подчиненных и повелел им "не фокусничать, а оформить". Оформили, естественно.

Произошло это радостное событие ровно месяц спустя после первого звонка дамы с нежным голосом. Каким-то чудом я еще исхитрялась работать, но чувствовала, что долго так не протяну. Это лишний раз доказывает, что мы просто представления не имеем, на что способен человек в экстремальной ситуации.

На следующий же вечер после этого радостного события снова позвонила Римма Львовна. На сей раз она желала сообщить мне, что немедленно продает свою половину квартиры. Я пребывала в состоянии полной прострации и даже не осознавала, что меня элементарно запугивают. Без моего согласия, точнее, разрешения, ничего подобного просто не могло быть.

Прострация же образовалась потому, что днем я встретилась со своим адвокатом, выложила всю кипу бумаг и попросила действовать в соответствии с предварительной договоренностью. Адвокат же спокойно сообщил мне, что обстоятельства изменились, вести мое дело он по ряду причин не может и вообще советует мне пойти на мировую и отдать свою половину в обмен на приличное жилье. Разумеется, однокомнатное и не в центре, но все-таки...

Я поняла, что дама с нежным голосом опережает меня везде ровно на шаг, но в данном случае жалобы я могла писать только на себя: сама сообщила милейшему нотариусу фамилию адвоката.

Другой адвокат, к которому я обратилась, спокойно разъяснил мне, что я могу жить в своей квартире сколько угодно, но... она не моя. И в таком случае суд обязательно состоится, хотя и эту канитель можно затягивать до бесконечности. Были бы деньги да нервы. Первого у меня уже оставалось маловато, а вот нервы...

Нервы начали сдавать через две недели непрерывных звонков с предложениеми, посылами и угрозами. Головой я прекрасно понимала, что происходит. Но голова, как известно, предмет темный, исследованию не подлежит, а остальной организм начал разлаживаться прямо на глазах. Практически я возвращалась в то состояние, в котором находилась первые дни после смерти Валерия, плюс — на грани нервного срыва.

И хотя все знакомые, и даже некоторые друзья, почти единогласно объявили меня "слабонервной дурой", я решила: лучше жить на окраине, чем умереть в центре от инфаркта или инсульта. Даже любимая, вылизанная и своими руками обихоженная квартира стала неприятна. И я сказала: черт с вами, подавитесь этой квартирой, но я должна жить в пяти минутах ходьбы от ближайшего метро, и в квартире должен быть балкон.

Покупатель на мою квартиру нашелся мгновенно: похоже, дама с нежным голосом держала его в кармане. Поиск подходящего жилья для меня занял несколько больше времени, но пятая или шестая, уже не помню, квартира наглядно показала, что все они одинаковы, в том числе и в плане загаженности. Но в этой однокомнатной квартирке на седьмом этаже заурядной девятиэтажки была огромная лоджия на юг. Теперь — как мне тогда казалось — надо было только оформить документы о купле-продаже, и весь этот кошмар останется позади. Я и не подозревала, что все самое интересное только начиналось. Что все предшествующее было только преамбулой, а ждет меня — вот именно что амбула.

Впрочем, оформление купли-продажи оказалось не слишком обременительным, поскольку занимались им профессионалы — риэлтерская контора. А вот все эпизоды, связанные вместе сюжетной линией под условным названием "прописка", создали вполне приличную сеть, которой можно было бы поймать не то что щуку — акулу средних размеров.

Меня, разумеется, поправят: прописка у нас давным-давно отменена, вместо нее введена так называемая регистрация граждан по месту жительства. Все правильно, прописка отменена, регистрация — введена. Только мало кто знает, что зарегистрироваться по новому месту жительства ничуть не проще, чем было когда-то прописаться. Где-то даже сложнее. И уж точно — дольше и дороже.

Десять дней я лихорадочно паковала вещи и... отбивалась от покупателя моей старой квартиры, который жаждал полностью овладеть своей собственностью немедленно. В договоре же о купле-продаже черным по белому значилось: не позже восьми недель с момента подписания договора. Прошло, между прочим, всего три.

Наконец я не выдержала и заявила, что уезжаю в командировку. На неделю. Только это позволило мне отвязаться от этого зануды. К счастью, он не знал номера моего мобильника, а к обычному телефону я просто перестала подходить.

Наступил день, когда мои мучения и мытарства закончились. Я справилась со всем, переоформила все документы вместо трехкомнатных апартаментов, план которых был любовно продуман мною до мельчайших деталей и уже начинал воплощаться в жизнь, оказалась в однокомнатной квартире, где лет двадцать пять не было даже косметического ремонта. Так я оставила где-то позади прежнюю жизнь и не шагнула — вползла — в новую, от которой уже не ожидала ничего хорошего.

Я вообще уже ничего не ждала и не хотела. Я еще только не умерла. ■

Окончание следует.

Слово Григория

Спаси, Всевысший, нас от правды,
От той, что знаешь только Ты.
Отец небесный! — свой устав Ты,
Конечно, помня, — с высоты,
Доступной лишь Тебе, — на души
Греховные своих рабов,
Не правда ли, ты не обрушишь
Всю правду без обиняков?
Нам знать ее не только рано,
Но более того — нельзя:
Когда в душе такая рана,
То пытна всякая стезя.
С ней всякий путь — в долину тленья,
Где ворох праха и труха
Да пепел, — но ни исцеленья,
Ни искупления Греха...
Всеведущий! Конечно, прав Ты:
Вся суть не в правде, а — в любви.
Так в тяжкий час наш вместо правды,
Нам эту истину яви!

Летай ли, ползай ли, — летальный
нам обеспечен всем исход.
Все дело в том лишь, сколько тайны
и кто из нас в себя вберет,
как губка, из озер открытый,
из океана бытия,
где под созвездьями наитий,
нас каждого своя ладья
несет в неведомое... Падок
на тайное любой из нас,
и груз разгаданных загадок —
единственный съестной припас
на баках, палубе и в трюмах
всех бескорыстных кораблей,
несущих нас — полуугрюмых,
полусчастливых королей
раскрытых тайн... В пути далеком
страшит средь бури и огня
нас только то, чтоб ненароком
не довелось дожить до дня,
когда какой-нибудь философ
прольет на все слепящий свет,
и на последний из вопросов
вдруг обнаружится ответ.

* * *

Что ни день, то раскrestье путей... А дорога
лишь одна (но какая?) ведет не в тупик.
Воля выбора — это и дар нам от Бога,
но и каторжный нам от Него же рудник.

Он и здесь не желал нам ни горя, ни боли,
хоть сулил лишь посмертную нам Благодать...
Не желал, — но при этом свободою воли
всех в юдоли земной нас решил испытать.

Если плоть наша корчится, как от пожара,
если дух наш в трясине терзаний увяз, —
это все же никак не Господняя кара,
а еще лишь одно испытанье для нас.

Что ни день, что ни ночь — то неравная битва
нас же с нами... Будь схимник ты, будь жизнелюб, —
ты бессилен, пока не сорвется молитва,
став твою, с твоих в кровь искусанных губ.

* * *

Все свечи оплавились в замке,
который стоит на песке.
Кто шашку провел-таки в дамки
по шахматной этой доске,
где пол — черно-белые плиты,
где латники — в каждом углу?
Где мастер придворной палитры
еще на холсте полумглу
рассвета в покинутой зале
пока что не воспроизвел:
ему ж не рассвет заказали,
а мраморно-шахматный пол!
Но кто-то прошел-таки в дамки
и бродит в лавровом венке
там — выше... Похоже, что в замке
забыли, что он — на песке.

* * *

Знать, сеятелю лишь и ведом вес,
которым Небо наделило зерна...
Лишь знатоку и бездны, и небес
в незнании сознаться не зазорно.
Стыдится челядь, что не знаешь знать,
чья именно душа вселилась в скрипку...
Лишь мудрецу немудрено признать
свою неправоту или ошибку.
Какой же жар и ледяной озноб,
и снова жар, и пот холодный снова

поэту надобно изведать, чтоб
магическим кристаллом стало слово?

* * *

Полночный лес под парусом луны
плывет по воле волн воображенья,
которым правила отменены
все-все: вплоть до закона притяженья.
В часовне чащи пробил час чудес,
и, мачтами поскрипывая, сосны
спешат, чтоб лес уплыл в разлив небес,
как бы страшась, что скоро станет поздно.
Но и в небесном океане звезд
непредсказуем ветер и неистов,
и будет путь по-своему непрост
у корабля ветвей, стволов и листьев.
Не высока ль покажется цена
свободы от заботы о законах,
когда ей лес надышится сполна
и вспомнит о своих правах исконных?
Но это будет завтра, а пока
лес рвется в небо, жаждя выси горней,
не ведая еще, сколь высока
ты, плата за разорванные корни.

* * *

Когда чурается пера
почти что найденное слово,
и от заката до утра
строка никак не сыщет крова
под сенью трепетной свечи
на изнывающей бумаге,
то как ни припадай ко фляге,
поэт, — подобен ты бродяге,
заблудшему в чужой ночи.
Ты просто не нашел ключа
ни золотого, ни лесного
и не попал в поток луча
космического, ибо слово
и вся строка лишь в нем парят
между полярными мирами,
верша невидимый обряд
приосновенья к общей драме.

* * *

... Но все же оставил Бог нам рубежи
для безнадежно честной обороны.
Я счастлив от того, что мы с тобой,
все разочарования и беды
презрев, — на рубеже том примем бой
во имя чести, раз уж — не победы.

маленькая заказчица

■ Заказные убийства в мире бизнеса стали делом привычным. Но они, по наблюдениям специалистов, все чаще вторгаются в нашу обыденную жизнь.

"Она обожала мою дочь"

За барьером — миниатюрная женщина, почти девочка. Привздернутый нос, выпуклый лобик, темные кудряшки до плеч. Слегка припудренное лицо задумчиво.

Странно видеть это хрупкое существо в окружении конвойных, на одной скамье с коренастой, мрачноватого вида женщиной и рослым мужчиной, положившим на барьер жилистые руки — рядом с людьми, которым она заказала убийство.

Ее свекровь убивали в гостиной, возле накрытого стола — металлической трубой проломили череп, забрызгав стекло серванта и ковры кровью. Когда все было кончено, невест-

ка-заказчица вместе с сообщницей Усачевой открыла шкаф, выволокла пять дорогих шуб, упаковала в мешки, чтобы потом продать и расплатиться с убийцей, в чьих жилистых руках оказалась металлическая труба.

На суде заказчица, 23-летняя Елена Ветрова, отмела обвинение, заявив: в квартире свекрови в момент убийства она оказалась случайно. Никаких денег убийце Александрову не обещала, это оговор. А шубы вытаскивала из шкафа, потому что Александров ее заставил, запугав. Уезжая на такси с шубами, Александров и Усачева пригрозили ей:

— Если сдашь нас милиции, с нами сядешь.

Так и вышло.

Затем Ветрова добила сидевшую в зале публику признанием:

— Моя свекровь Светлана Николаевна фактически была для меня ВТОРОЙ МАМОЙ... Я с тринадцати лет росла в ее доме... Она обожала мою

дочь, свою внучку, очень на нее похожую. Возила нас за границу, дарила подарки... То, в чем меня обвиняют, ложь!..

Да не ошибка ли следствия привела ее на скамью подсудимых?

Как стать наследницей

На суде выяснилось: Светлана Николаевна Ветрова была человеком состоятельным, по Москве передвигалась на собственных "Жигулях" с нятым шофером, захаживала в валютные магазины.

Ее благополучие началось с борзого щенка, привезенного лет десять назад из турпоездки в Польшу. Стала разводить борзых, а заодно и персидских кошек. Знакомство и связи в конце концов однажды оформились в общественную организацию — Союз владельцев домашних животных с множеством филиалов в крупных городах. Ее неизменно выбирали председателем правления. Кроме водителя, у нее вскоре появились кассир и секретарь. С этого момента она уже не держала животных дома, отдавала другим "в аренду" — за процент с выручки.

Свою невестку Ветрова называла Лялей. Она появилась в доме в трудные дни: восемнадцатилетний сын Светланы Николаевны — Андрей, случайно сбивший на мотоцикле человека, отбывал наказание в колонии, и тринадцатилетняя Ляля, девчонка из соседнего дома, ходившая в тренировочном костюме и драных кедах, писала ей письма.

Она оказалась настойчивой, чуть ли не каждый день бывала у будущей свекрови, выгуливала собак, бегала по магазинам. В тот момент Светлана Николаевна осталась совсем одна, одиночества же не выносила, поэтому Ляля, придумавшая себе любовь к ее сыну, оказалась ей кстати. Ближе к возвращению сына С.Н. взяла с собой в колонию на свидание с сыном уже

семнадцатилетнюю Лялю, там-то молодые и зарегистрировали свой брак.

Вернувшись из заключения, Андрей застал жену беременной, но придуманные чувства безвозвратно прошли. Молодые супруги стали ссориться, и Ляля то уходила к родителям, то возвращалась. Она упорно возвращалась даже тогда, когда Андрей не хотел этого, демонстрируя свою холодность. Но родители Ляли жили тесно и бедно, а роскошно обставленная квартира Ветровых была просторной, и Ляля вела себя так, что было ясно: рассчитывала стать наследницей несметного (как ей мнилось) богатства С.Н. И однажды поняла, что просчиталась.

Это случилось, когда Андрей перестал появляться в доме матери — у него была своя жизнь, и он не хотел, чтобы в нее вмешивались. В это же время Светлана Николаевна взяла с собой в очередной деловой вояж за границу Лялю и свою замужнюю дочь Лену, сказав обеим торжественно:

— Наступило время вам помочь.

Когда грузились в поезд, в их корзинках повизгивали пятнадцать щенков элитных пород, а в сумочке С.Н. лежали их документально подтвержденные родословные и разрешения на вывоз. Оказалось, и в этом бизнесе не так-то легко добиться успеха: нужно поддерживать огромное число связей, уметь вести деловые беседы, знать технологию разведения животных. И — обладать невероятным терпением, чтобы чего-то достичь. С.Н., действуя по известной поговорке (человека можно накормить двумя способами — дать ему рыбу или научить ее ловить), пыталась подарить двум своим наследницам "удочку".

Но Лялю, как потом выяснилось, животные раздражали, и промысл этот у нее не пошел. Ее теперь раздражало все — общительность С.Н. (чрезмерная, на ее взгляд), обилие гостей и необходимость с ними разговаривать,

неразумная, с ее точки зрения, щедрость свекрови, помогавшей взрослым детям, особенно сыну. ("...Ведь он на ваши деньги, — выговаривала свекрови, — с другими женщинами гуляет.") Ей почему-то казалось, что С.Н. тратит не свои, а ее, Лялины, деньги, и Светлана Николаевна однажды, поняв это, насторожилась. Правда, ненадолго.

Лялина обида

А потом стали пропадать вещи. В этом доме, конечно, бывало много всяких людей, винить именно Лялю С.Н. не хотела, но исчезали вещи дорогие, из самых укромных мест — о них мог знать только свой человек.

Как-то даже пропали шведские кроны, и С.Н. перестала держать дома валюту. Время от времени она перехватывала у невестки какой-то особенный затаенный взгляд и говорила потом своим подругам:

— Не знаю, что с Лялькой делается, я начинаю ее просто бояться.

Но была С.Н. экспансивной, быстро переключалась и невестку по инерции воспринимала, как это часто случается, не всерьез — все еще той тринадцатилетней девочкой, предупредительно-услужливой и послушной. Да могла ли С.Н., напористая, шумная, с быстро меняющимся настроением, знавшая про себя, что всем она и ее общение выгодно, заподозрить кого-то в злых против нее замыслах?

Никаких, конечно, серьезных замыслов у Ляли вначале не было — была лишь обида. На ушедшего от нее мужа, а значит, и на его мать. На замужнюю дочь С.Н., у которой семейная жизнь сложилась благополучно. На вереницу гостей, приходивших в дом к Ветровы.

Обида разрасталась, и чем острее Ляля ее переживала, тем несчастнее себе казалась, тем крепче становилось в ней убеждение: "Они мне должны".

Они, то есть Ветровы. И главным образом С.Н.

У обиды были мощные корни — в психологии люмпенского иждивенчества и обывательской зависти: раз они "обеспеченные", значит, должны со мной поделиться...

Но достаточно ли обывательской зависти, чтобы пожелать смерти ближнему?! Наверное, нужно что-то еще, сидящее глубоко в подсознании, настолько жуткое, что сам человек в этом себе вряд ли признается. Не потому ли Ляля Ветрова, в девичестве — Донцова, весь судебный процесс твердила, что обожала свою вторую маму, словно пытаясь убедить себя в этом?

За два дня до происшедшего она позвонила повару столовой 28-летней Ольге Усачевой, с которой была знакома, пожаловалась на жизнь, добавив, между прочим, что ничуть не расстроилась бы, если бы со свекровью "ЧТОНИБУДЬ СЛУЧИЛОСЬ".

Усачева тут же передала трубку своему сожителю Александрову (объяснив потом в суде: "У меня ребенок мылся, болтать было некогда").

Уже на следующий день Александров, слесарь по газовой аппаратуре, встретился с Лялей у подъезда, где жила старшая Ветрова, чтобы обо всем договориться. Ему была обещана "за работу" крупная сумма. Но Ляля просила сделать "ЭТО" немедленно (С.Н. вот-вот должна вернуться с работы), в темном подъезде, где Ляля сама, по ее словам, разбила лампочки. Александрову хронически не хватало на выпивку, но когда Ляля вытащила из сумки увесистый гвоздодер, заколебался: вот так сразу решиться на эту "РАБОТУ" он не мог.

Уже смеркалось, и пока они прериались, на улице хлопнула дверца автомобиля — приехала Светлана Николаевна. Александров так и ушел с гвоздодером. Ляля же пошла навстречу С.Н. со словами: "А я тут иду и думаю, вернулись вы уже или нет..."

Состояние "шока"

На третий день, в субботу, в канун Пасхи, Александров и Усачева, прихватившая с собой пятилетнюю дочку, чтоб совсем уж никто ничего не заподозрил, явились к старшей Ветровой в гости.

Усачева и раньше бывала у С.Н., помогала на ее пятидесятилетие зака-зать в ресторане ужин, поэтому была принята, как желанный гость — за на-крытым столом.

Впрочем, накрывала стол Ляля, она пришла сюда пораньше и тоже с дочкой. Разговор зашел, как и услови-лись, об устройстве Александрова на работу, и С.Н. тут же все решила, на-звав ему сумму заработка и процент с прибыли. Александров было соглаши-ся, но, выйдя на кухню покурить и при-няв там из рук Ляли дополнительный фужер водки, понял: не стоит. Права Ляля — лучше сразу заработать боль-шую сумму.

И он вернулся в гостиную — зара-батывать. Сел за стол, заявив: "Слиш-ком маленький процент". Закричал вдруг, что Ветрова грабит его. И закри-чав, тут же поверил в это. Затем, вы-хватив из сумки кусок металлической трубы, ударил хозяйку по голове. Та успела встать, побежала к двери, за-крыв руками голову, но Александров настиг ее... У дверей же стояла Ляля — она следила за тем, чтобы ее трехлет-няя дочь и дочь Усачевой не вздумали заглянуть сюда из соседней комнаты.

Потом она будет упорствовать, ут-верждая, будто бы уходила с детьми гулять, а вернувшись, увидела лежа-щую на полу Ветрову. Будто Александ-ров, заляпанный кровью, угрожая ей, велел дать ему и Усачевой одежду пе-реодеться. Будто она была в шоке, ко-гда паковала шубы в мешки и шарила по ящикам в поисках золота, и шок этот продолжался еще два дня, преж-де чем она заявила в милицию "О ПРОПАЖЕ СВЕКРОВИ".

Поразительнее же всего было то, чем она занималась в воскресенье и понедельник, пока ее "вторая мама" лежала с проломленным черепом на ворсистом ковре своей гостиной. Буду-чи "в состоянии шока", она, оказывает-ся, позвонила секретарю Ветровой Ирине Михайловне, заявив, будто све-кровь поручила взять у нее пакет с ва-лютой. Приехала, звонила в дверь, но та не открывала, зная: Светлана Нико-лаевна не доверяла своей невестке. Тогда Ляля, уехав, снова набрала ее номер, требуя валюту, и отстала лишь после просьбы Ирины Михайловны привезти записку от Ветровой.

А в понедельник, вызвав по теле-фону водителя Светланы Николаевны, Ляля поехала в лучший парфюмер-ный магазин Москвы "Золотая ро-за" — ей нужен был какой-то особы-ний крем. ("...Подарок тете на день рож-дения" — так она объяснила в суде.) Во вторник же, заявив в милицию и понаблюдав процедуру взлома двери, она поехала на Петровку, 38, — со-ставлять фоторобот незнакомых лю-дей, которых якобы мельком видела, когда зашла в субботу к Светлане Ни-колаевне...

Она пыталась заставить следствие пойти по другому пути, но переоцени-ла свои силы.

"Ты только не волнуйся!"

...Конечно, сильнейший из моти-вов ее преступления — корысть.

А еще она мстила за неудавшуюся жизнь. Мстила, торопясь, подгоняя убийцу (уложились в три дня).

Вряд ли был у нее точный расчет (какой там расчет, если вынесла Александрову гвоздодер, подвернувшийся под руку). Она была ослеплена жела-нием приблизить эту смерть. После то-го как дверь была взломана, позвони-ла дочери Светланы Николаевны.

— Ты только не волнуйся, — сказа-ла ей Ляля, — вашу мать убили...

И — добавила:

— Представляешь, мы открыли квартиру, вошли, а она лежит, такая толстая, и — мозги по комнате...

Она, видимо, находясь под сильным впечатлением, не смогла сдержать злорадства.

Откуда оно в ней, в этой хрупкой женщине?

Перед тем как написать очерк, я рассказывал эту историю своим знакомым.

Коллега журналист обронил на ходу: "Преступление вечно, как смерть и болезнь".

Криминалист был обстоятельнее. На его взгляд, одна из причин резкого роста преступности у нас — отсутствие страха. Раньше за малейший проступок по сообщению милиции на работе душу могли вымотать. Сейчас люди открыто ведут себя, как последние погонки, и — не стесняются. Это, конечно, значит лишь одно: для многих (ОЧЕНЬ МНОГИХ! — заметил он) нравственность была принудительной. Человек подчинялся правилам поведения, оставаясь по сути недочеловеком.

Смутное наше время, освободив от страха, обнажило суть... Вернуть страх? Но не лучше ли развить в человеке истинную нравственность, регулирующую его поведение изнутри?

А вот психолог вспомнил о другом страхе: он преследует всех без исключения, затаившись в глубинах подсознания — страх смерти. Человеку религиозному легче — он купирует этот страх верой в бессмертие души. Отсюда, кстати, импульс самосовершенствования. Отсюда совесть. Атеист тоже может отчасти ослабить страх смерти, заметил психолог, если его жизнь имеет вещественное воплощение: написал поэму, построил дом, оставил детям в наследство фабрику.

У бывших советских людей была своя религия — коммунизм. Она умирала медленно, но в конце концов

умерла, оставив человека ОДИН НА ОДИН СО СТРАХОМ СМЕРТИ, с осознанием бессмыслицы существования. Ведь если моя жизнь ни в чем не имеет продолжения, то вместе со мной провалится во тьму небытия все то, чем я сейчас живу... А значит, все позволено и ничего не стыдно... Ну а это лишь десятикратно усиливает страх смерти, который обычно таится в подсознании.

Но есть еще один способ купировать смертный страх — увидеть чужую смерть.

Это заблуждение, будто чаще всего воюют храбрые. Страсть убивать наркотически ослабляет собственный страх смерти, правда, ненадолго. Поэтому преступников-убийц так тянет на место преступления — оно одними только воспоминаниями подпитывает их способность подавлять в себе страх смерти. Поэтому и остросюжетные детективы с множеством внезапных смертей пользуются сейчас у нас масовым спросом.

Спасение наше, сказал мне психолог, в одном — всем нужно стать собственниками. Владеть землей, домами, предприятиями... И передавать их в наследство, завещая потомкам, ощущая хотя бы в этом свое, пусть частичное, но — бессмертие. Хотя, конечно, лучшим все-таки вариантом, заметил он, была бы вера в бессмертие души.

В перерыве судья Владимир Александрович Копотов разрешил мне пойти к подсудимым.

На вопросы они отвечали нехотя. Ляля Донцова-Ветрова, бесстрастно глядя на меня, твердила бойко скороговоркой:

— ...В первую очередь, мне угрожал Александр, поэтому я паковала шубы. Во-вторых, я одна вообще не могла против них, их же двое...

Нет, такая не раскается. Ее приговорили к семи годам. Она вернется из колонии в тридцать лет и будет жить среди нас, с нами — дальше.

Главная роль

После спектакля разъяренная Алиса влетела в гримерную, которую она делила с другой актрисой, Марией, сорвала с головы парик и швырнула его в угол. Марина, не претендовавшая на большие роли, сегодня игравшая в маленьком эпизоде, освободилась раньше ее и уже снимала грим перед зеркалом.

— Что с тобой? — участливо спросила она Алису.

— Ты читала новую пьесу, которую мы будем ставить? — поинтересовалась та у подруги и, посмотрев на часы, начала лихорадочно переодеваться.

— Нет, мне в этом спектакле ничего не светит, — равнодушно ответила Марина. — Знаю только, что Нежинского пригласили к нам в театр на этот сезон, и что Вася раздобыл для него пьесу какого-то талантливого драматурга, которого еще никто в глаза не видел.

— А я прочитала, — убитым голосом произнесла Алиса, продолжая раздеваться. — Это пьеса обо мне.

— В каком смысле? — переспросила Марина. — Ты будешь играть главную роль?

— Эта пьеса написана обо мне! — выкрикнула Алиса и, испугавшись собственного крика, оглянулась на закрытую дверь. — Автор, которого, как ты говоришь, никто в глаза не видел, изобразил меня.

— То есть это пьеса об актрисе?

Алиса стала смывать грим.

— Ты никак не поймешь. Он описывает меня. Все мои романы, понимаешь? Все! Он все знает обо мне! Где, когда, с кем... Ему известны детали, которые посторонний человек знать не может.

Марина весело отмахнулась.

— Алиска, у тебя мания величия. Во всех театрах случаются романы между актрисами и режиссерами. Так что сюжет самый что ни на есть тривиальный.

Алиса повернулась к Марине.

— Дура ты, прости Господи! Помнишь, как у нас однажды спектакль начался на полчаса позже?

— Ну. Говорили, что ты съела в буфете какую-то гадость, отравилась и еле пришла в себя к началу спектакля.

— Ага, — кивнула головой Алиса. — Это Белобородов придумал. А на самом деле мы с ним занимались любовью прямо на его столе. Он сгреб бумаги на пол и...

— Да ты что! — рассмеялась Марина.

— И эта сцена тоже описана в пьесе! — повторила Алиса.

— Тогда все понятно, — решительно проговорила Марина. — Это Белобородов автору и рассказал.

— Я тоже так подумала, — начала Алиса и бросила взгляд на часы. — Ой, бежим, а то опоздаем!

Держа пальто в руках, они спустились вниз по лестнице.

Теперь Алиса говорила буквально шепотом:

— Но то, что Васька обливал меня шампанским, а потом слизывал, Белобородов не знал. А в пьесе и это есть.

— Может, они сговорились? — предположила Марина.

— Белобородов и Васька? Да они три года не разговаривают.

Женщины выскочили на улицу. Из черного "мерседеса" вылез высокий хорошо одетый мужчина, муж Алисы, и распахнул перед ними дверцу.

— Здравствуйте, Алексей Михайлович, — вежливо поздоровалась Марина.

— Привет! — бросила мужу Алиса и подставила щеку для поцелуя. — Какой-то у тебя сегодня одеколон неудачный, слишком терпкий.

На концерт они опоздали. Когда появились, музыканты уже сидели на своих местах.

— Смотри-ка, все наши явились: и главный режиссер, и директор, и завлит, — заметила Марина.

Алиса, наклонившись к самому уху подруги, прошептала:

— А я смотрю на них и думаю, кто же сочинил эту пьесу?

Слева от нее развалился директор театра, Белобородов. Когда Алиса пришла в театр, ей показалось, что здесь он — единоличный хозяин. Она стала заглядывать к нему в кабинет с поводом и без повода, смотрела на него ласковыми глазами, смеялась его шуткам. Закончилось все тем, что в один из дней он закрыл дверь изнутри и, глядя Алисе прямо в глаза, расстегнул и стащил с нее платье, одним движением поднял лифчик и впился губами ей в грудь. Она была захвачена его напором и молча покорилась.

Белобородов стал вызывать ее к себе в кабинет днем, когда она приходила на репетиции. Он был человеком резким и грубым, срывал с нее платье или за-дирил юбку и заваливал прямо на стол, предусмотрительно очищенный от важных бумаг. Однажды, когда Алиса одевалась перед зеркалом, Белобородов откровенно сказал:

— Зарплату я тебе увеличу, на гастроли за границу поедешь и, когда настанет время на заслуженную артистку представлять, помогу. Но распределение ролей, милочка, не от меня зависит. Репертуаром, скажу тебе как на духу, я не занимаюсь. У меня свои заботы.

“Нет, это не Белобородов,” — подумала Алиса, едва прислушиваясь к божественным звукам музыки. — Так, может быть, пьесу Орест Семенович сочинил?”

Главный режиссер театра сидел в первом ряду с одухотворенным видом и, казалось, весь погрузился в мир музыки. Впрочем, он вполне мог при этом размышлять о покупке нового автомобиля. Орест Семенович неизменно играл роль художника, которого ничего, кроме сцены, не интересует. В реальности же превосходно устраивал свои житейские делишки и — даже при наличии бдительной жены — не пропускал ни одной юбки.

Орест Семенович вызвал Алису в театр в день, когда не было репетиций, и завел мудреный разговор о новой роли. Потом пригласил пообедать, а после кофе и коньяка предложил проводить его старого друга, завзятого театрала. Друга дома не оказалось, о чем, собственно, никто и не сожалел, а занятная беда главного режиссера и молодой актрисы продолжилась в постели.

Когда Алиса, вся мокрая от пота, рухнула на простыню рядом с ним, Орест Семенович спросил:

— Тебе было хорошо со мной? Я тебе понравился?

Алиса едва нашла в себе силы, чтобы кивнуть.

Одеваясь и внимательно разглядывая себя в зеркало, Орест Семенович заметил, что в новом сезоне Алиса будет играть много. Но пьесы, в которой она могла рассчитывать на главную роль, пока нет.

Потом Алиса поняла, что через эту уютную квартиру, где обитал старый друг главного режиссера, прошли почти все молодые актрисы, поэтому особенно ей надеяться не на что...

“Нет, это не Орест Семенович,” — заключила Алиса. — Он написал бы о ком-то другом, если бы на него напала охота писать. Но он слишком ленив, чтобы еще и пьесы писать. Да и зачем ему псевдоним? Нет, это не Орест”.

Она продолжала рассматривать зал, наслаждавшийся классической музыкой, и обратила внимание на Василия Прокофьевича, заведующего литературной частью. Пьесы в театр приносил именно завлит. И он же работал с авторами.

Василий Прокофьевич в театре вел себя скромно и тихо, часами листал какие-то рукописи и говорил по телефону. В его крохотном кабинетике и пристрой было негде, поэтому он вызвался проводить Алису до дома, а по дороге предложил показать свою квартиру. И она согласилась.

Завлит, выпив белого грузинского вина, оказался заводным парнем и не возражал, когда она стала звать его просто "Васькой". Алиса не знала, откуда он поглощал свои познания, наверное, из иностранных фильмов, но в любви он оказался необыкновенно изобретательным. Коронным был номер с шампанским — он обливал ее из пенящейся бутылки, а потом старательно слизывал каждую каплю. Так что Алиса даже получала удовольствие от свиданий с Василием.

— Рад был бы тебе помочь, — сказал он однажды, лежа в постели и мечтательно глядя в потолок, — но, увы, ни одна из трех новых пьес тебе не поможет. Там главные героини совсем другие.

— Ну, так закажи кому-нибудь пьесу под меня, — настойчиво говорила Алиса, лежа с ним рядом.

— Два хлопца пишут, но там вообще не будет приличных женских ролей. Да и что от них ждать — они и в жизни только мужчинами интересуются.

— Ты бы хоть сам написал, — вздохнула Алиса.

— Все, что угодно, только не это! — выпалил Васька. — Терпеть не могу сочинительство. Если бы любил писать — и умел, разве бы я пошел в завлиты?

— Но если это не Белобородов, не Орест Семенович и не Васька, то кто же? — недоумевала Алиса. — Кто? Неужели есть еще какой-то человек, с которым все трое зачем-то поделились своим мнением относительно моих женских достоинств?

Но в пьесе определенно были еще некоторые детали ее биографии, которые никто в театре не знал, о которых она никому не рассказывала. Кто же мог раскопать ее прошлое? Загадка...

Когда все расходились после концерта, Марина из вежливости спросила Алисиного мужа:

— Вам понравилось, Алексей Михайлович?

— Что ты его спрашиваешь? — пренебрежительно бросила Алиса. — Он разбирается только в своих ценных бумагах. Искусство ему чуждо.

Алексей Михайлович виновато развел руками:

— Милые дамы желают поужинать? Или по домам?

На следующий день утром Алиса заглянула к завлиту в его тесный кабинетик.

— Васька, а кто этот новый драматург? — спросила она, ласково взъерошив ему волосы.

— Я его сам не знаю, — ответил завлит и попытался обнять Алису.

Она ловко уклонилась от его объятий и спросила, глядя ему прямо в глаза:

— А ты не сам ее написал?

Вася на секунду замер.

— Милая моя, — с расстановкой проговорил он, — я что хочешь бы отдал за такой талант. — И обвел глазами свой жалкий кабинетик.

— Ну, признайся, Васенька, — не отставала Алиса. — Это ведь кто-то из своих написал, верно? Откуда он все знает?

— А что он такого особенного знает? — искренне удивился Вася. — Наши театральные нравы всем известны. Актриса, которая спит со всеми, чтобы стать примадонной, — в этом нет ничего нового.

— Ты на кого-то намекаешь? — злобно спросила Алиса.

Завлит недоуменно посмотрел на нее.

— При чем тут "кто-то"? Это же собирательный образ.

— Так, может, автор все-таки кто-то из наших?

— У нас никто писать не умеет, — завлит пренебрежительно оттопырил губу. — А написано очень талантливо.

— А как к тебе попала эта пьеса? — Алиса продолжала кружить вокруг Васи.

— Мы же в прошлом году объявили конкурс. Это лучшее, что мы получили. Пьесы приходили по почте и под псевдонимами.

— И ты не видел автора? Не верю.

— Клянусь тебе, ни разу.

— А как же ты с ним связываешься?

— По электронной почте. У меня есть адрес. Я ему сообщил, что он победил и что его пьесу будут ставить. Он поблагодарил, а гонорар ему в банк перевели. Вот и все.

— Как странно, — задумчиво произнесла Алиса.

— Театральный мир полон странных людей, — заметил Вася. Он попытался еще раз обнять Алису, и его рука скользнула ей под юбку.

— Может, пойдем пообедаем, а? Потом ко мне...

Алиса холодно ответила:

— Запиши-ка мне адрес нашего таинственного гения.

Вечером, включив компьютер мужа, она набрала адрес таинственного драматурга и честно написала:

“Мне предстоит играть главную роль в спектакле по Вашей пьесе. Мне совершенно необходимо поговорить с Вами”.

Когда на следующий день Алиса пришла в театр, на столике в ее гримерной лежал запечатанный конверт. В нем листок с адресом и приписка: “В десять вечера”. Она как раз успевала на встречу после вечернего спектакля.

— Это кто-то из наших, — уверенно произнесла Алиса.

В этот момент позвонил муж:

— Когда заехать за тобой?

— Сегодня я хочу пройтись пешком.

— Ты уверена? — обеспокоенно переспросил Алексей Михайлович. — Вечером бродить по улицам опасно.

— Нет, нет, не жди меня, езжай домой.

Алиса легко нашла старый дом без лифта. На лестничной клетке было мрачно и темно, и ей стало не по себе. Она поднималась по лестнице на четвертый этаж, поминутно оглядываясь. Сердце у нее отчаянно стучало. Дойдя до нужной квартиры, она позвонила, и дверь сразу распахнулась. Алиса шагнула вперед, в прихожей вспыхнул яркий свет, и она оказалась лицом к лицу... со своим мужем.

— Что ты тут делаешь? — раздраженно спросила она и тут же поняла неуместность своего вопроса. — Так ты следишь за мной! Узнал, куда я иду, и...

— Ни слова больше, — улыбнулся Алексей Михайлович. — Я вижу, ты еще ничего не поняла. Эту пьесу написал я. — Он сделал приглашающий жест. — Может, снимешь пальто? Посидим, поговорим.

Алиса небрежным жестом сбросила пальто.

— Что за чушь ты несешь? И от кого узнал о пьесе?

Алексей Михайлович прошел в комнату. Алиса двинулась за ним, как зачарованная. Ее взору предстала уютная комната, заполненная книгами. На письменном столе стоял компьютер. На журнальном столике был накрыт ужин для двоих.

— Милая Алиса, — продолжил Алексей Михайлович, — ты ровным счетом ничего не знаешь о своем муже. Ты никогда меня ни о чем не расспрашивала. Тебе это было неинтересно. Ты вышла за меня замуж, считая, что у актрисы должен быть богатый муж, исполняющий ее капризы.

Она попыталась что-то сказать, но он остановил ее повелительным жестом.

— В определенном смысле ты права. Красивая женщина, служительница муз, достойна любых знаков мужского внимания. Но и муж тоже на что-то имеет право, согласись? А ты даже не знаешь, что я когда-то окончил литературный институт и писал неплохие стихи. Я зарабатываю деньги, у меня это получается. Но у меня есть и другая жизнь. — Он показал на свой письменный стол. — Я кое-что пишу и публикую под псевдонимом. Ты думаешь, что я присоединяюсь к тебе, когда мы ходим на концерты, выставки, спектакли? А это я тебя вожу, потому что ни в классической музыке, ни в живописи ты ничего не понимаешь. А я, представь себе, разбираюсь.

Алиса слушала его с возрастающим изумлением.

— И, наконец, я понимаю, что красивая женщина пользуется успехом. Но мне не нравится, как широко ты этим пользуешься. А мне уже вроде ничего не достается.

Алексей Михайлович взял со стола большой желтый конверт исыпал ей на колени пачку фотографий, на которых она была изображена в интимных позах вместе с директором, главным режиссером и завлитом.

Возмущенная Алиса сбросила фотографии на пол.

— Ты все-таки следил за мной? Подлец!

Алексей Михайлович от души расхохотался.

— Да неужели? И что же ты сейчас сделаешь? Подашь на развод? Попробуешь жить самостоятельно, на свою зарплату?

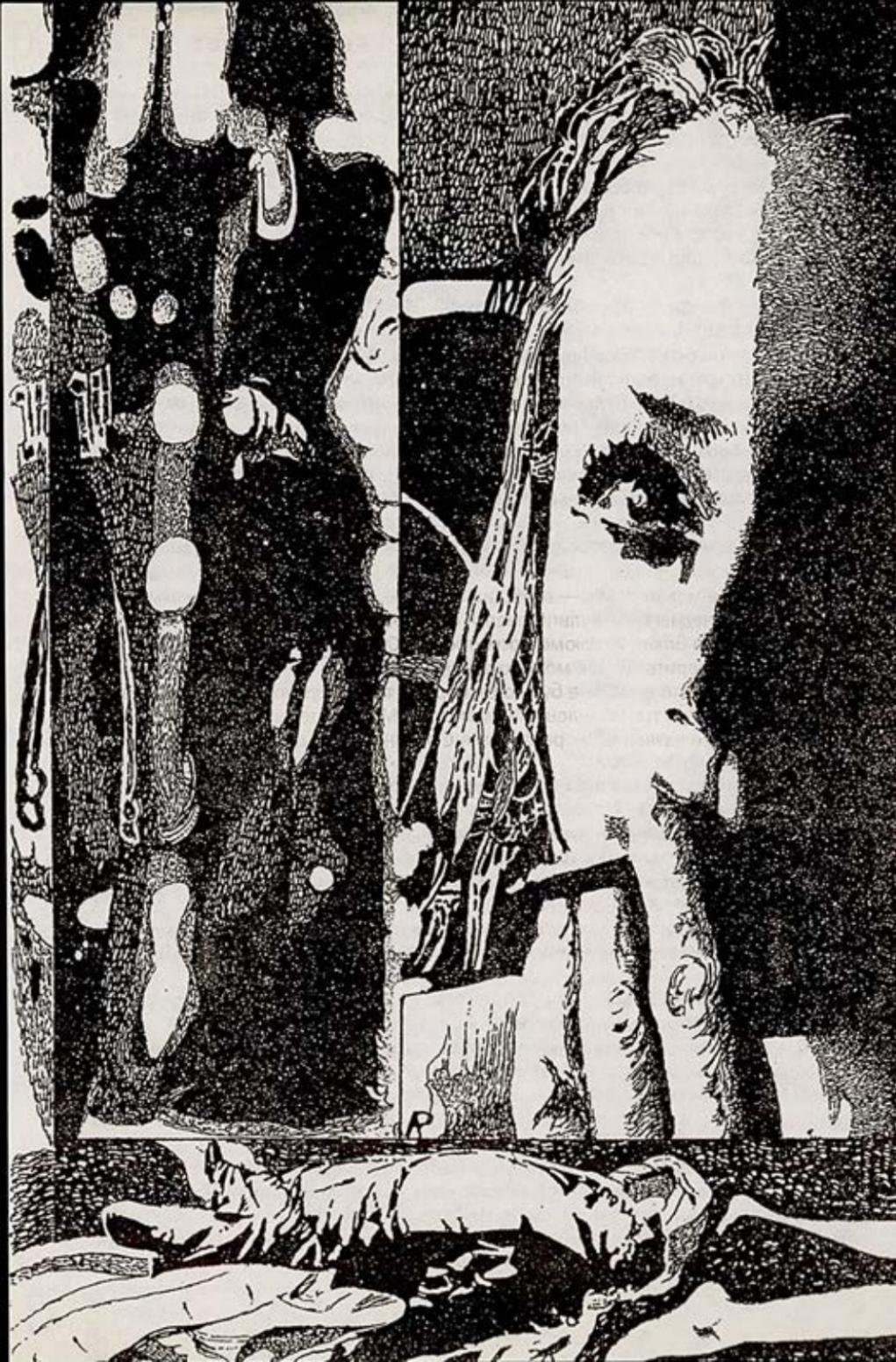
И Алиса вдруг поняла, что деваться ей некуда. Она не может уйти от мужа, потому что привыкла к хорошей жизни, на свою зарплату даже колготок себе не купит.

— Ну, и что же ты намерен предпринять? — Алиса была в отчаянии.

Алексей Михайлович налил себе вина.

— Я, в общем-то, не ревнивый и не буду устраивать сцены. Но мне надоело, что, когда мы ложимся спать, у тебя либо болит голова, либо нет настроения. В лучшем случае ты соглашаешься потерпеть, пока я получу то, что причитается мне по праву. — Он подошел к ней с бокалом и, глядя на нее откровенно оценивающим взглядом, как бы нехотя произнес:

— Я все-таки дал тебе главную роль в новой пьесе. Цена этого мне теперь известна. Так что сейчас мы с тобой поужинаем, а потом я получу то, что ты так щедро предлагашь другим. Сегодня ты будешь ублажать меня так, как ты ублажала их всех, и постараешься на славу. Ты же не откажешься от главной роли в спектакле, который обещает стать событием сезона?

как стать знатоком

■ Питер Саттон был плохим писателем, но статьи сделали его необыкновенно популярным. Отсутствие литературного таланта он возмещал необычайным чутьем на то, что надо публиковать и что интересно читателям. Жена Питера, Аделаида, тоже была плохой писательницей, с той только разницей, что не имела ни одного из достоинств своего мужа. Она писала монотонные романы и время от времени продавала статьи в женские журналы. И хотя люди говорили о Саттонах как о "пишущей паре", ни у кого не возникало сомнения, что главная роль в этом дуэте принадлежит Питеру.

Однажды в субботу после полудня на коктейле Питер долго разговаривал с Холбруком Стэнтоном, одним из известнейших актеров Голливуда.

— Скажу тебе между нами, — сообщил он после нескольких льстивых замечаний Питера, — что я недавно консультировался с врачом. Плохи мои дела...

Питер отставил бокал и угрюмо посмотрел на Стэнтона.

— Не могу поверить. Ты так молодо выглядишь...

— Врач сказал, что если я не буду себя беречь, то могу умереть в любую минуту.

— Но послезавтра ты начинаешь сниматься в "Моем истерзанном сердце".

— Подходящее название, — рассмеялся Стэнтон. — Не удивлюсь, если во время съемки упаду замертво.

— Не надо над этим смеяться, — ответил Питер. — А ты не можешь отказаться от работы?

— Зачем? Я не хочу. Нет ничего более печального, чем актер на пенсии. Не могу отказаться ни от работы, ни от радостей жизни. — Затем после доброго глотка коктейля Холбрук продолжил: — Собственно, об этом я и хотел с тобой поговорить...

— Если могу тебе чем-нибудь помочь... Да, но... Слушаю...

— Разумеется, я не хочу умирать, но надо смотреть правде в глаза. Самое трудное — осознать, что после смерти все кончится. Особенно такому человеку, как я, который за свою жизнь привык к успеху. Хочу, чтобы меня помнили.

— Но как я могу помочь?

Стэнтон положил руку на плечо Питера.

— Ты должен написать мою биографию.

— Хорошо, — кивнул головой Питер. — Очень хорошо. Спасибо за предложение.

— Я знал, что тебе понравится моя идея. Видишь ли, если бы ты написал эту вещь с размахом... Ну, сам знаешь: кумир миллионов, актер, не испорченный Голливудом, легендарная личность, и так далее, и так далее. А потом, сразу же после моей смерти, отдашь книгу в печать — ты обессмертишь меня, а заодно и себя.

Питер задумался. Он допил коктейль, потом с нарочитым интересом стал озираться вокруг.

— Решай, Питер! Публика любит читать твои статьи, книги. А моя биография будет лучшей из твоих книг. В конце концов, чем ты рискуешь?

— Гм... Да, но все звучит немного чудовищно. Писать о тебе так, как будто тебя уже нет...

— Ерунда! Ты все хорошо понимаешь. Зайди ко мне завтра во второй половине дня. Я отдаю мои письма, рецензии на фильмы, некоторые сенсационные детали — в общем, все необходимое.

— Гм...

— Ну, если у тебя нет времени, настроения, желания, — Стэнтон пожал плечами, — я вынужден буду поискать кого-нибудь другого. Может...

— Это грустно, Холбрук, — быстро отреагировал Питер, — но я согласен.

— Значит, до завтра, — попрощался Стэнтон, направляясь к другим гостям.

Вскоре Питер переговорил с самой большой нью-йоркской издательской фирмой "Х.А. Косгров и сыновья", а через три дня подписал договор на биографическую книгу "Мое истерзанное сердце — трагическая история Холбрука Стэнтона". Договор сулил высокий гонорар, не имеющий пока precedента.

Холбрук Стэнтон — кумир миллионов, актер, не испорченный Голливудом, легендарная личность — неожиданно умер от разрыва сердца на пятой неделе съемок фильма "Мое истерзанное сердце". Трагическая весть потрясла весь Голливуд.

Как и предвидел Стэнтон, книга имела молниеносный и баснословный успех. Для ее автора жизнь превратилась в ураган коктейлей и раутов, званых обедов и встреч с читателями, выступлений по телевидению и конференций с издателями.

Спустя несколько месяцев после издания книги Питер сидел у себя в кабинете, размышляя о видах на будущее. Раздался робкий стук в дверь, и вошла Аделаида.

— Я не часто вижу тебя в последнее время, — холодно произнесла она.

— Я был очень занят.

— Знаешь, мне тебя не хватало.

— Спасибо, дорогая, — вежливо ответил он.

— Может, сходим куда-нибудь вместе?

— Конечно, конечно...

— Когда?

— Я скажу тебе, когда буду свободен.

Аделаида ушла. Питеру даже стало немножко жаль ее. Но что делать? Делиться успехом? Сначала он пробовал. Но имело ли это смысл? Ведь, кроме жалости, ничего не осталось. Нужно заботиться о себе, о своем положении. Успех не может быть вечен, если его не поддерживать.

Питер собирался написать две следующие биографии. Для одной из них он уже стал собирать материалы. Книга должна быть посвящена Стелле Карлсон, королеве экрана былых времен.

Он встретил ее в последний раз на приеме и внимательно наблюдал за ней, хотя никто не уделял бывшей звезде особенного внимания, так как слава ее давно отгремела.

После долгих расспросов ему стало известно, что актриса год назад перенесла инфаркт. И когда увидел ее на приеме, то решил, что она долго не проживет. Эта мысль окончательно склонила его к написанию биографии Стеллы Карлсон. Питеру было трудно убедить издателя заключить договор на книгу, но все же Косгров уступил.

Другой проект Питера касался Шелли Шерidan, великолепной, талантливой артистки двадцати восьми лет, каждый фильм которой собирали переполненные залы. Питер завоевал ее доверие и даже — как сплетничали не без основания в Голливуде — сердце.

Однажды она пожаловалась ему на сильные головные боли. Двадцать восемь лет и сильные головные боли... Питер решил во что бы то ни стало узнать, в чем дело.

Доверительная беседа с врачом, расположения которого Питер добился с большим трудом, подтвердила подозрение о воспалении мозга. Впрочем, это еще не был обстоятельный и точный диагноз, и доктор Рейфорд признал, что возможна и простая мигрень. Надеясь, что все пройдет хорошо, Питер подписал контракт на биографию Шелли.

Обе книги были написаны в течение трех месяцев. Разумеется, за исключением последних глав.

Первой умерла Стелла Карлсон. Она не пережила возвращения славы и скончалась с ангельской улыбкой на устах во время телевизионной передачи в ее честь.

Книга, которая вскоре появилась, принесла большой доход.

Через несколько недель после смерти Стеллы Карлсон Питер пришел в кабинет доктора Рейфорда. На вопрос о состоянии пациентки врач ответил:

— Боюсь, что ей плохо.

— Сколько она еще проживет?

— Возможно, шесть месяцев, а может быть... Бывали случаи, что больной в таком положении жил около двух лет.

— Шесть месяцев... Два года... От чего это зависит?

— Трудно сказать. Сопротивление организма, положительная реакция на лекарства, воля к жизни. Но при любых обстоятельствах все должно остаться между нами. О ее болезни знаешь только ты, она сама и ее адвокат.

Питер покинул кабинет доктора Рейфорда совершенно потрясенный. Два года! Через два года слава, которую он завоевал, совершенно забудется... Биография не будет иметь никакой ценности.

В тот же вечер Питер пришел в отель, в котором жила Шелли. Убедившись, что его никто не видит, он поднялся наверх на служебном лифте и застал Шелли одну. Она уже была в ночной рубашке.

— Мне ужасно неловко. Ты спала?

Шелли зевнула.

— Несколько минут назад я приняла снотворное. Но ты, пожалуй, войди.

Питер вошел в комнату, незаметно оглядывая актрису. Следы болезни явственно проступали на ее лице. Хотя Шелли, как обычно, заботилась о своей внешности, теперь она напоминала актрису, у которой все в прошлом. Она провела его в спальню и легла на кровать. Питер осторожно устроился рядом.

— Рейфорд сегодня сказал мне...

— Я надеялась, что он будет молчать, — сонно проговорила она и опять зевнула.

— Я знаю, ты добрая девушка. Но я хочу позаботиться о тебе, как-то помочь. Что ты думаешь о своей болезни?

— Да, я много думала, — ответила Шелли ничего не выражающим голосом, — и решила бороться за жизнь до последней минуты. Ведь и за день до моей предполагаемой смерти могут найти спасительное средство или новое лекарство.

Питер стиснул губы, припоминая слова доктора Рейфорда о спасительном действии воли к жизни.

— Конечно... конечно... Ты права, дорогая. Будем надеяться на лучшее.

— И еще одно. Диагноз может быть неверным. Сам Рейфорд сказал, что бывали такие случаи. Но даже если диагноз правильный и я должна умереть, оставшуюся мне жизнь хочу прожить так, как до сих пор.

— Прекрасно, дорогая! Но я вижу, ты устала. Постарайся заснуть.
— Хорошо. — Шелли закрыла глаза. — Мне действительно нужно заснуть. Извини.
— Не обращай на меня внимания. Я все понимаю. Только немного подожду, пока ты заснешь.

Он нежно поцеловал ее и стал ждать. Ждал долго, пока не убедился, что она крепко спит. Затем осторожно вышел на кухню и открыл газ.

С этого времени издание новых книг Питера перестало быть для него чем-то рискованным, зависящим от воли судьбы. Теперь, свободный от угрозений совести, он мог точно предвидеть время смерти и точно синхронизировать ее с моментом выхода книги. Конечно, при условии, что смерть произошла естественным путем.

Следующим объектом для написания биографии был Дак Дерри — певец и актер, едва ли не самая высокооплачиваемая звезда Голливуда. Его фильмы, пластинки и эстрадные выступления привлекали огромное число подростков. Парень держался независимо, пренебрежительно относился к договорам, приходил и уходил, когда хотел, заставляя всех бегать за собой. Чтобы пропасть, он садился в спортивный автомобиль и вел его с бешеною скоростью по крутым дорогам и окрестностям.

Питер написал книгу о Даке за пять недель. Без сомнения, она была лучшей из всех. Он научился точно угадывать вкусы своих читателей, и его повесть была полна эффектных приемов. На сей раз он постарался к тому же ввести в книгу немного мистицизма.

Никто не удивился, в особенности Питер, когда Даку в один прекрасный день не удалось сделать вираж. Говорили, что тормоза подвели.

Первое издание книги было распродано в течение недели, второе, большим тиражом, за такой же срок.

Стив Коллинз, пышущий здоровьем актер — атлет, слыл в Голливуде человеком угрюмым и замкнутым. Таким же он был и на экране. Великолепное скульптурное тело античного воина вкупе с его фантастическими трюками, исполнение которых он никогда не доверял дублерам-каскадерам, сделали его весьма популярным, особенно среди прекрасной половины человечества. Тем более что он был холост. Но свою личную жизнь актер старательно прятал от посторонних глаз. Бремя славы не изменило его характера, он по-прежнему не принимал журналистов, а премьеры фильмов со своим участием незаметно покидал первым, избегая встреч с восторженными толпами.

Питер понимал, что работа над этой книгой будет самой трудной. Так оно и оказалось. Перерыв все доступные, а потом и недоступные источники информации, он нашел не много: биографические данные, в которых не было ничего необычного, отзывы бывших сослуживцев и нынешних коллег, которые ничего нового, к сожалению, не говорили. К ключевым фигурам — родителям, адвокату, врачу, банкиру, — Саттону подхода найти не удалось. Едва разобрившись в сути вопроса, они вежливо, но твердо прекращали разговор. На книгу, конечно, материала набралось, но не было в ней уже присущей Саттону изюминки, сенсации.

Кое-что прикинув и совершив недолгий визит, который обошелся ему не так уж и дорого, Питер все-таки написал главу, в которой показал из жизни Коллинза нечто, что должно было произвести эффект разорвавшейся бомбы. После выхода книги в свет, конечно.

Съемки очередного боевика со Стивом Коллинзом в главной роли проходили на побережье, неподалеку от Лос-Анджелеса. И как-то вечером, специально переключив телевизор на последние известия, Питер без удивления услышал весть о траги-

ческой гибели великолепного актера и постановщика трюков Стива Коллинза. Бедняга утонул во время погружения — досадная неисправность в акваланге.

А книга Саттона, вышедшая вслед за трагедией, буквально потрясла поклонников Стива Коллинза: автор утверждал, что покойный был тайным любовником Стеллы Карлсон — звезды немого кино, недавно умершей на глазах публики во время телепередачи. Родные Коллинза, естественно, с возмущением опровергали эти, как они говорили, "вымыслы", но Питера это совсем не волновало. Главное — дело сделано, книга имела бешеный успех.

Известный голливудский комментатор Дороти Уишер давала большой прием в честь Питера в своем роскошном доме на берегу Тихого океана. Там были почти все знаменитости Голливуда. И вот когда Питер наливал себе виски, он услышал за собой знакомый голос.

— Привет, Питер!

— Аделаида! Что ты здесь делаешь?

Она чудесно выглядела. Почти так же прекрасно, как тогда, когда они поженились.

— Что я здесь делаю? — повторила она его вопрос. — Надеюсь, ты еще не забыл, что я твоя жена.

— Шутишь? Но я рад, что ты пришла разделить со мной успех.

— Не смехи меня, дорогой! Ты никогда ни с кем не делил свои успехи.

Питер сделал довольно большой глоток виски и рассмеялся, не зная, что сказать.

— С тех пор как я тебя узнала, единственной моей мечтой было, чтобы наши имели покрылись такой славой, какой ты сегодня пользуешься один. А помнишь наши совместные статьи, подписанные "Питер и Аделаида Саттон"?

— Конечно, — вздохнул он, — но они... Как бы тебе сказать... Если откровенно...

— В основном написаны тобой. Однако ты отдавал мне тогда половину своих заслуг.

— Аделаида, ты, наверное, слишком много выпила.

— Ты прав. Может, выйдем на минуту на террасу? Свежий воздух отрезвит меня.

Питер проводил жену через толпу гостей на обширную террасу, висящую над прибрежными скалами. Только плеск волн нарушал тишину ночи.

— Увы, я самонадеянна и высокомерна, — начала Аделаида, когда они остались одни. — Я завидую твоему успеху. И меня оставили на обочине. Все отвернулись от меня, перестали даже вспоминать.

— Не говори глупостей, — забеспокоился Питер. — Может, отвезти тебя домой?

— Спасибо, этого не потребуется. — Быстро подняв руки и схватив его за лицо и шею, Аделаида сильно толкнула Питера и добавила с мстительной радостью: — Это-го не потребуется!

Питер свалился через низкий парапет террасы и упал головой вниз. Аделаида истерически закричала. Сбежались гости. На их глазах жена Питера Саттона потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, выяснилось, что Питер через скур много выпил и попросил проводить его на террасу, чтобы подышать свежим воздухом. Там он вдруг потерял равновесие и, прежде чем она успела подбежать к нему, упал вниз.

Аделаида отвезли домой и окружили заботливой опекой. Опасались, что с отчаяния она что-нибудь сделает с собой. Но на следующее утро вдова Саттон поехала к своему издателью и сказала ему, что может уже сейчас отдать в печать написанную биографию своего знаменитого мужа.

Последнюю главу Аделаида написала в тот же день.

Перевод с английского **Льва ЛАЙНЕРА.**

малышка

Гвинет Пэлтроу родилась 28 сентября 1972 года в Лос-Анджелесе. Ее отец — известный продюсер Брюс Пэлтроу (настоящая фамилия Палтрович), мать — актриса Блайт Дэннер. Они — еврейские эмигранты из Европы.

Гвинет и ее брат Джейк ни в чем не нуждались: у них были самые лучшие игрушки, они лакомились самыми вкусными сладостями. Естественно, живя в артистической среде, Гвинет рано вышла на сцену. В пять лет она играла вместе с мамой в городке Беркшир (штат Массачусетс), где семья проводила лето, а Блайт Дэннер выступала на гастролях.

"Я увидела блеск в ее глазах, — вспоминает Дэннер, — и поняла, что она станет актрисой".

Когда Гвинет исполнилось 11, родители увезли ее от кинооблазнов в Нью-Йорк. Но, противоречи самим себе, они принимали голливудских актеров в своем доме — близкими друзьями семьи были Майкл Дуглас, Стивен Спилберг и многие другие. Родители запретили Гвинет до окончания высшего образования думать о кинокарьере. Майкл Дуглас, любясь малышкой, Гвинет даже не подозревал, что эта девочка, став красавицей, сыграет с ним в фильме "Идеальное убийство".

В 1991 году Гвинет пошла с папой и его другом Стивеном Спилбергом в кино и, пока они стояли в очереди за билетами, Стивен всматривался в лицо девушки и вдруг закричал: "Да это же вылитая Венди из "Питера Пэна"! Так Пэлтроу сыграла в его фильме "Крюк".

Родители устроили любимую дочь в престижную нью-йоркскую школу "Спенс", но в 19 лет она повязала голову банданой и отправилась в Санта-Барбару изучать историю искусств.

Дебют в Голливуде

В 1991 году Гвинет, к огорчению отца, бросила курс истории искусств в Калифорнийском университете и всерьез занялась актерской карьерой. Отец признал свою неправоту, увидев ее в театральном спектакле "Пикник",

h
d
e
n
m
p

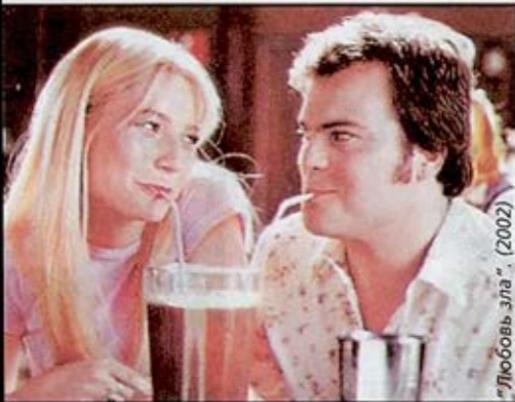

"Чужой билет" (2000)

"Сельская" (2000)

"Любовь эта" (2002)

где она сыграла вместе с матерью и Тони Голдвином.

Дебютировала в кино Пэлтру в картине "Крик" в 1991 году, где ее партнером был Джон Траволта. Затем последовала роль в фильме Стивена Спилберга "Крюк". Гвинет с большим успехом снялась в нескольких главных и второстепенных ролях, очаровывая зрителей печальной красотой и грацией подростка.

Первой, по-настоящему взрослой, для Пэлтру стала роль в драме "Платье от плети, кровь от крови" (1993 г.). Ее партнеры в этой картине — Мэт Райан и Деннис Кузэйд.

Героини Гвинет обычно умницы и красавицы, часто становящиеся жертвами ("Семь", "Наследство"), но она может постоять за себя, как это сделала героиня фильма "Идеальное убийство".

А Брэд Питт так на диване и лежит

В 1995 году на съемках фильма "Семь" у Гвинет вспыхнул страстный роман с партнером по картине Брэдом Питтом. Они обручи-

лись и, благодаря популярности, считались мифической парой Голливуда, потому что виделись крайне редко, так как Гвинет обычно уезжала на свои съемки, а Брэд — на свою.

Питт — сын водителя грузовика, на 10 лет старше Пэлтру. Два с половиной года они "ходили" в женихах и невестах, но церемония бракосочетания все время откладывалась. Чтобы сблизиться с Питтом, Гвинет принялась учить вечного жениха хорошим манерам, что ему не очень нравилось. "Как только Питт терпит меня, — самокритично воскликнула красавица, — я — болтлива и непоседлива, меня мучают депрессии, я всем недовольна. Из-за этого меня бросали все ухажеры".

Гвинет "коллекционировала" обувь и приспособила для этого две комнаты в доме. У Брэда тоже оказалась одна вредная привычка: в свободное от съемок время он любит лежать на диване, но, в отличие от Обломова, он, когда нужно, вставал, ехал на студию и блестяще исполнял очередную роль. После чего опять заваливался на диван. Журналисты предполагали, что лежит он не один. "С телевизором", — отвечал Питт. Этую привычку Брэда с успехом использовала знаменитая фотограф Энн Лейбовиц. Она во время фотосъемки добавляла количество софитов и, в итоге, от жары Брэд вначале снял жилет, а потом и рубашку. Когда снимок появился в журнале "Взлетни Фэйр", то из-под дивана выглядывали чьи-то ноги. Как выяснилось — ноги самой Энн Лейбовиц.

Гвинет не оставалась в долгу. Поклонники присыпали ей букеты цветов, письма со своими фотографиями. Пока Брэд лежал на диване, она посещала светские рауты, а после подробно рассказывала о своих возлюбленных. Брэд с тревогой говорил своим друзьям, с которыми он любил попить пива в баре, что бо-

"Влюбленный Шекспир". (1998)

ится за душевное здоровье своей невесты, так как она — нимфоманка.

Вершиной деятельности папарацци Шона Теннера стали снимки Гвинет и Брэда в чём мама родила. Теннер по кличке "Перец" случайно встретил сладкую парочку в аэропорту острова Святой Маврикий. Шон на такси последовал за их "кадиллаком" до самого отеля "Парадайз".

Ему удалось узнать номер, в котором они остановились, а потом, сняв номер в отеле напротив, стал выжидать. Через некоторое время обнаженные Гвинет и Брэд выбежали из бассейна на террасу номера. Шон телескопическим объективом сделал снимки, обогатившие его.

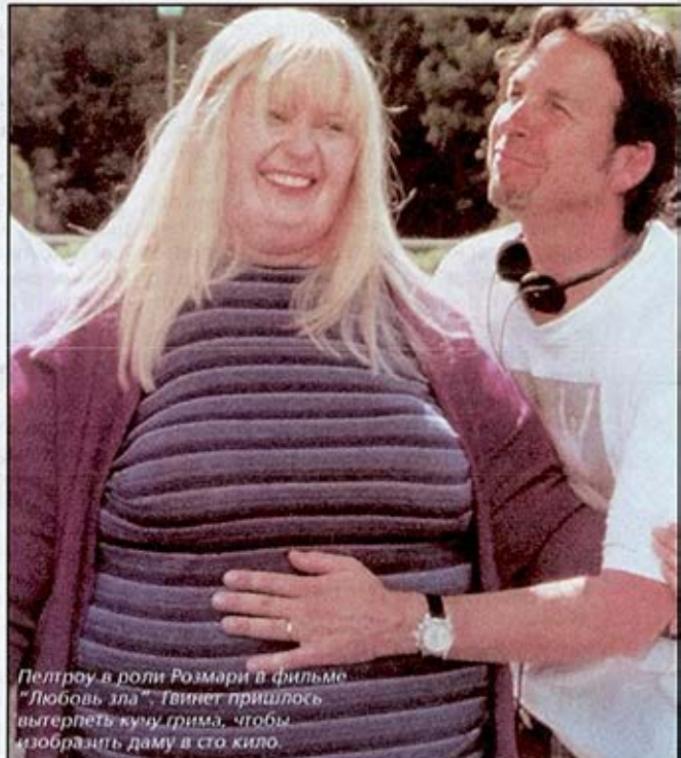
Постепенно сказывалась разница в характерах, воспитании и привычках Пэлтру и Питта. Гвинет очень привязана к своим родителям, любит шумное общество, а Брэд ограничивается редкими встречаами с друзьями в баре. Он не любит, когда его учат, как надо жить. Питт сразу же не понравился родителям Гвинет. Они заявили, что ему нужно научиться хорошим манерам: как вести себя в обществе, одеваться, поддерживать беседу за столом. Все это ему не понравилось.

Летом 1997 года все с увлечением обсуждали подробности разрыва Брэда и Гвинет. Они расстались без взаимных упреков и обид, но из-за бешеной популярности им пришлось

выслушать и прочитать в прессе много подробностей о совместной жизни и массу чепухи. Брэд быстро нашел покорную утешительницу в лице Джениффер Энистон, влюбленную в него по уши. Она даже рада, что Питт все время валяется на диване. Гвинет тоже недолго оставалась в одиночестве.

"Влюбленный Шекспир"

Гвинет с детства присутствовала на репетициях своей мамы, когда та играла в шекспировских пьесах. В "Двенадцатой ночи" Блейт Дэннер играла беременной Гвинет.

Пэлтру в роли Розмари в фильме "Любовь зла", Гвинет пришлось вытерпеть кучу грима, чтобы изобразить даму в сто кило.

Англичане скептически относятся к американским актерам в шекспировских пьесах, но к Пэлтру у них нет претензий. Она смогла даже передать британский акцент при исполнении роли сводни в фильме "Эмма" по роману Джейн Остин и в картине "Осторожно! Двери закрываются". Да и вообще, Гвинет Нью-Йорку предпочтет Лондон, где она приобрела квартиру.

Пэлтру отказалась от двух заманчивых предложений — сниматься в "Титанике" и "Мстителях" и не прогадала, снявшись в малобюджетной романтической комедии "Влюбленный Шекспир". В этой картине у нее сразу четыре роли. "Было трудно, — вспоминает Гвинет, — играть возлюбленную молодого Шекспира — Виолу, легче исполнять роль мальчика. Интересна женщина в образе Джульетты, и юноша, игравший Ромео".

Зрители пришли в восторг от потрясающих костюмов. "Корсет, — вспоминает Пэлтру, — меняет осанку, и вы начинаете дышать по-другому. Потом на меня надевали платье весом в 120 фунтов (около 55 кг) и вы как будто переноситесь в прошлое, что заметно облегчает работу".

Об откровенных сценах в фильме Гвинет рассказывает охотно. "Я понимала, что это действительно нужно для роли. Джозеф Файнс, сыгравший Шекспира — очень почтительный человек. Он сделал все, чтобы я не чувствовала себя как-то неудобно. Мы с ним быстро подружились". За этот подвиг Пэлтру получила премии "Золотой Глобус" и "Оскар". Теперь она по праву стала звездой первой величины.

Модельный и рекламный бизнес

В 1996 году Гвинет Пэлтру стала моделью и музой старого друга семьи Кельвина Кляйна. Фотосессии актрисы для журнала "Harper's Bazaar" проводил знаменитый фотограф Патрик Демаршель. Гвинет одевается в классическом изысканном стиле 50-х годов, образами для подражания ей служат Грейс Келли и Одри Хепберн. Ее девиз — элегантность и минимализм. "Я никогда не любила крайности", — заявила актриса.

По вечерам Пэлтру носит длинные декольтированные платья от Армани и Донны Коран. Ей нравится коллекция Тома Форда, сделанная им для "Гуччи" в эклектическом стиле хиппи-шика 70-х годов. Попав на обложку английского издания "Vogue", она получила премию "Fashion

Awards" как самая стильная женщина 1996 года.

Гвинет не нравится диктат законодателей моды — мужчин. "Для модельеров, — считает она, — женские выпуклости — помеха в работе. К сожалению, индустрия моды ломает тысячи женских судеб. Редакторы глянцевых журналов заставляют манекенщиц голодать". Сама Пэлтру ни в чем себе не отказывает и, несмотря на это, сохраняет изящную фигуру.

Как и все раскрученные кинозвезды, она получает неплохие деньги за рекламные клипы. Так, за рекламу вермута, снятую по заказу известной итальянской фирмы Mantini Гвинет получила семизначный гонорар. Этот ролик демонстрировался, по условиям контракта, только в Европе и в Японии. В связи с тем, что актриса сейчас вообще не употребляет спиртное (ее любимый напиток — чай), владелец одного из рекламных агентств заявил: "Это поразительно, как Пэлтру может рекламировать то, что считает вредным для себя". Раньше, будучи невестой Брэда Питта, она пила пиво и коктейль "Кровавая Мэри" (водка с томатным соком и специями). Увлекалась Гвинет и ликерами, после которых перешла на смесь водки с джином.

Родственники

Пэлтру очень близка со своими родственниками. Она почти каждый день говорила со своим дедушкой по телефону и он оставлял ей безумно смешные послания на ее автоответчике. У нее прекрасные отношения с мамой, главной советчицей в ее актерском мастерстве, и с младшим братом Джейком.

Но самые теплые отношения связывали Гвинет с отцом. Когда ей было десять лет, он впервые повез ее в Париж. Отец сопровождал Гвинет в день вручения ей премии "Оскар". После фильма "Влюбленный Шекспир" родители актрисы плакали от счастья и гордости за блестящее исполнение дочерью роли Виолы.

Брюс Пэлтру всегда предупреждал дочь, чтобы она не выходила замуж за актера. "С ними совершенно невозможно иметь дело! — заверял он. — Они тщеславны и неверны". А Гвинет, как назло, заводила романы только с ними.

28 сентября 2002 года Пэлтру отмечала день своего 30-летия. Празднество происходило в Италии. Дизайнер Валентино предоставил для Гвинет свою виллу. Съехалось 50 человек гостей. Кавалером актрисы был отец. "Папа, — сказала она, — мой лучший друг".

После празднества отец и дочь гуляли по Флоренции. Через несколько часов после прогулки Брюс Пэлтру стало плохо. Гвинет вызвала "Скорую помощь". Все, что происходило потом, она помнит плохо, так как сильно переживала происходящее. Отца отвезли в больницу, а потом на вертолете в специальную клинику в Рим. Гвинет все время находилась рядом. На рассвете следующего дня Брюс Пэлтру умер от сердечного приступа. Гвинет так сильно переживала утрату самого любимого человека, что отвергла ухаживания наследного испанского принца Фелипе, страстно влюбившегося в нее. Она мысленно сравнивала своих потенциальных женихов с отцом и пока не видела равных ему.

В поисках любимого мужчины

"Если я начинаю с кем-то встречаться, — со смехом поведала Гвинет в одном из интервью, — то начинаю сомневаться в выборе партнера. Из-за этого я довожу его до белого каления и на том наш роман заканчивается". Она может просто так встречаться с мужчинами, правда, пресса сразу же делает из этого определенные выводы: "Иногда мне хочется восхлипнуть", — заявила звезда, — перестаньте женить меня на парнях, с которыми я вчера познакомилась".

Подруга Гвинет — Уайна Райдер переживала бурный роман с Мэттом Дэймоном и познакомила ее с не-

разлучным другом Мэтта — Беном Аффлеком. Они недавно получили "Оскара" за "Умницу Уилла Хантинга" и ходили очень гордые. Вскоре после знакомства Гвинет летела с Беном в самолете и, так как в салоне было холодно, они попросили у стюардессы пледы и, укрывшись ими, устроили такую возню, что на следующий день в газетах написали, что "лучше всего им приземлиться в ближайшем мотеле".

Гвинет познакомила Бена со своей мамой. "Все происходило довольно забавно, — вспоминал Аффлек, — мы сидели в ресторане втроем и я потихоньку пожимал руку Гвинет под столом". Брайт Дрннер одобрила выбор дочери. Особенно ей импонировало, что Бен заслуженно получил "Оскара". Зато Брюс Пэлтру, узнав о том, что Аф-

"Вид сверху лучше". (2003)

флек любит спиртное и шумные вечеринки, не приветствовал нового жениха дочери.

Журналисты никак не могли найти какие-либо интересные подробности о сладкой пачочке. Бен подарил Гвинет бриллиантовые серьги, о которых она мечтала, а она ему — платиновые часы за 21 тысячу долларов. Аффлек пришел в восторг от такого подарка.

Разгульная жизнь неразлучных друзей Мэтта и Бена была не по душе Гвинет. Мэтт считал, что им еще рано жениться, и всячески отговаривал друга от свадьбы. То же самое он сделал, когда Аффлек собирался после размолвки с Пэлтроу жениться на Дженифер Лопес.

Аффлек оказался жутким ревнивцем. Он вместе с Гвинет снимался в фильме "Влюбленный Шекспир". Увидев фотографии с кадрами из фильма, в которых Пэлтроу и Джозеф

Файнс слились в страстных объятиях, он устроил страшный скандал. В фильме действительно немало постельных сцен, да
еще

Гвинет в начале съемок заявила, что отказывается от услуг дублерши. "Я чувствовала, — заявила актриса, — что для роли необходимы полные страсти любовные сцены". К тому же папарацци раздобыли весьма пикантные снимки отдельных дублей, не вошедших в картину. Они-то и попались на глаза Бену. Гвинет же не терпит скандалов и сама не позволяет себе устраивать сцены ревности. Поэтому девушка быстро собрала вещи и переехала к Вигго Мартенсену. Вигго — датчанин по происхождению — актер, поэт, фотограф и художник. Так, поменяв за короткий срок нескольких именитых партнеров, Пэлтроу заняла достойное место на голливудской ярмарке щедрости.

Справедливости ради надо сказать, что у Гвинет были и исключения из правил. Однажды, когда ей надоели актеры, она обратила взор на наследника майонезно-кетчуповой империи Криса Хайнца. 24-летний Крис изучал бизнес в Гарварде. Молодые люди подружились. Но вскоре Крис потребовал объяснений от Гвинет, когда увидел в таблоиде фотографию, на которой были запечатлены

Брюс

Пэлтру с дочерью, обедавшие в ресторане. "Моего дорогого папочку журналисты принимают за очередного претендента на сердце", — пожаловалась красавица, хотя ей льстило, что у нее такой отец-молодец.

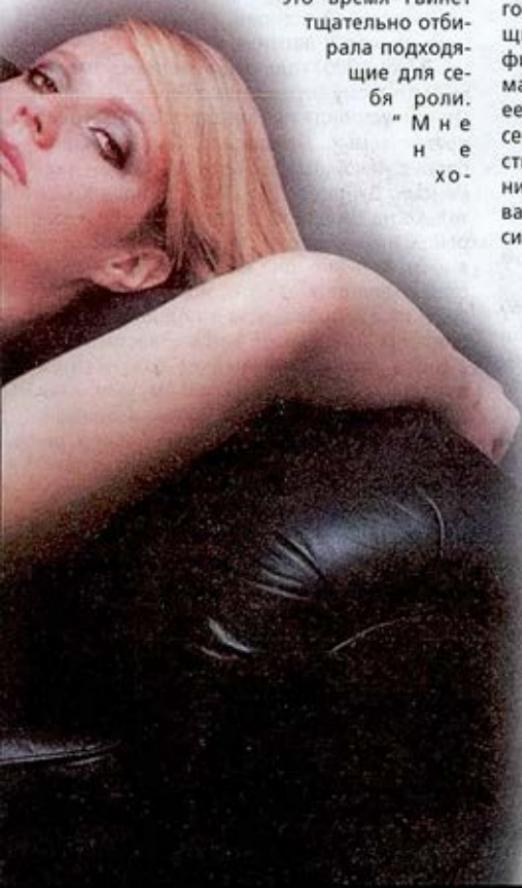
Как и всякая кинозвезда Гвинет частенько отвергала воздыхателей. Долго ждал своей очереди актер Этан Хоук, но, видимо, не приглянулся он Гвинет и направил свои взоры на Уму Турман. Летом 2002 года Пэлтру так очаровала испанского принца Фелипе, что тот чуть ли не предложил ей сердце и руку, но в это время Гвинет стало не до романов — она потеряла своего любимого отца и долго переживала свое горе...

...после "Влюбленного Шекспира"

Пэлтру исполнилось 26 лет, когда она получила "Оскара". "После этого, — заявила она, — я целый год не снималась. Я пере-

смотрела свое отношение к работе". За это время Гвинет тщательно отбирала подходящие для себя роли.

"Мне не хо-

телось бы играть в боевиках, да и с оружием я не могу ловко управляться".

В фильме "Талантливый мистер Рипли" Пэлтру сыграла сразу две роли. Режиссер Энтони Мингелла утверждает, что писал образ Мардж специально для Гвинет. "Характер Мардж — абсолютная женственность, доверчивость, преданность. Все это есть и у самой Гвинет". Вместе с Вупи Голдберг и Кэтлин Тернер Пэлтру снялась в картине "Лунный свет и Валентино".

На Московском кинофестивале "Золотой Овен" Пэлтру признали лучшей актрисой 1998 года за исполнение главной роли в фильме "Осторожно! Двери закрываются!" В картине рассказывается о двух возможных путях жизни главной героини, о том, что никогда не поздно менять жизнь и меняться самому.

В 2002 году Пэлтру сыграла в фильме "Любовь зла" самую толстую женщину Америки. Она специально не прибавляла в весе, как обычно делают в таких случаях голливудские актеры, превратно трактующие систему Станиславского. Героиня фильма — работница Корпуса Мира Розмари, в которую влюбляется, несмотря на ее избыточный вес, покоритель женских сердец. Душный, неудобный "толстый" костюм приkleивали на тело Гвинет в течение трех часов, а потом целый час отклеивали, а на лицо терпеливой актрисы лили сироп, похожий на жидккий вазелин.

В 2003 году Пэлтру снялась в комедийной мелодраме "Вид сверху лучше" (режиссер Бруне Баррето). Ее героиня просыпается, благодаря силе воли, в школу стюардесс, причем Баррето вовсю показывает любимую актрису со всех сторон. Гвинет потребовала, чтобы ее героиня Дона была единственной блондинкой на экране, требование беспрекословно выполнили.

В последние годы поставлены фильмы о жизни знаменитых писательниц. Достойное место в их ряду занял фильм "Тэд и Сильвия" (в российском прокате — "Сильвия"). Пэлтру прекрасно исполнила в нем трагическую роль знаменитой поэтессы Сильвии Платт, покончившей с собой в 1963 году из-за того, что ее покинул муж-писатель Тэд Хьюз.

"Характер Сильвии стал мне понятен после того, как я познакомилась с ее поэзией. Я поняла, что лучше прощать, чем превращать свою жизнь в ад".

"Вечная невеста" выходит замуж

Пэлтроу столько раз находила себе женихов, а ее родители, и особенно пресса, считали — свадьба вот-вот состоится, что в Голливуде ее окрестили "вечной невестой". В середине 2002 года Гвинет снималась в Лондоне, играла на английской сцене и купила себе квартиру в английской столице. Она занималась йогой (у нее один и тот же учитель йоги, что и у Мадонны), ходила по лондонским музеям.

В это время Стив Мартин снял мультиликационный фильм "Гвинет и Стив", который можно посмотреть в Интернете. В этом мультике он мечтает о Гвинете и о том, чтобы она родила ему ребенка. "Я с симпатией отношусь к Стиву, — сказала Пэлтроу, посмотрев анимационный фильм Мартина, — но я понимаю, все это — игра его воображения".

Гвинет любит петь. Она подпевала Шерил Кроу при записи нового диска. "Меня вполне устраивает, — заявила актриса, — амплуа бэк-вокалистки. Мне предложили контракты нескольких студий звукозаписи, но актерам не обязательно становиться рок-певцами". В 2001 году Пэлтроу спела в дуэте с Хью Льюисом и их диск стал хитом номер один в Австралии.

В середине 2002 года, когда Пэлтроу находилась в Лондоне, друзья пригласили ее на концерт популярной группы "Coldplay". Гвинет сидела в первом ряду. Неожиданно солист Крис Мартин объявил, что споет песню, посвященную прекрасной мисс Пэлтроу. После концерта они встретились и никак не могли наговориться. Гвинет наконец-то нашла родственную душу.

По его приглашению она приехала на концерт Мартина в Дублине и он снова спел песню, посвященную ей. Потом Крис познакомил Гвинет со своими родителями. Ей понравилось, что родители Криса отнеслись к ней не как к знаменитой актрисе, а как к девушке, понравившейся их сыну.

Целый уикенд Гвинет и Крис провели в поместье певца Стинга. Находившаяся там Мадонна, ее муж, режиссер Гай Ричи, и

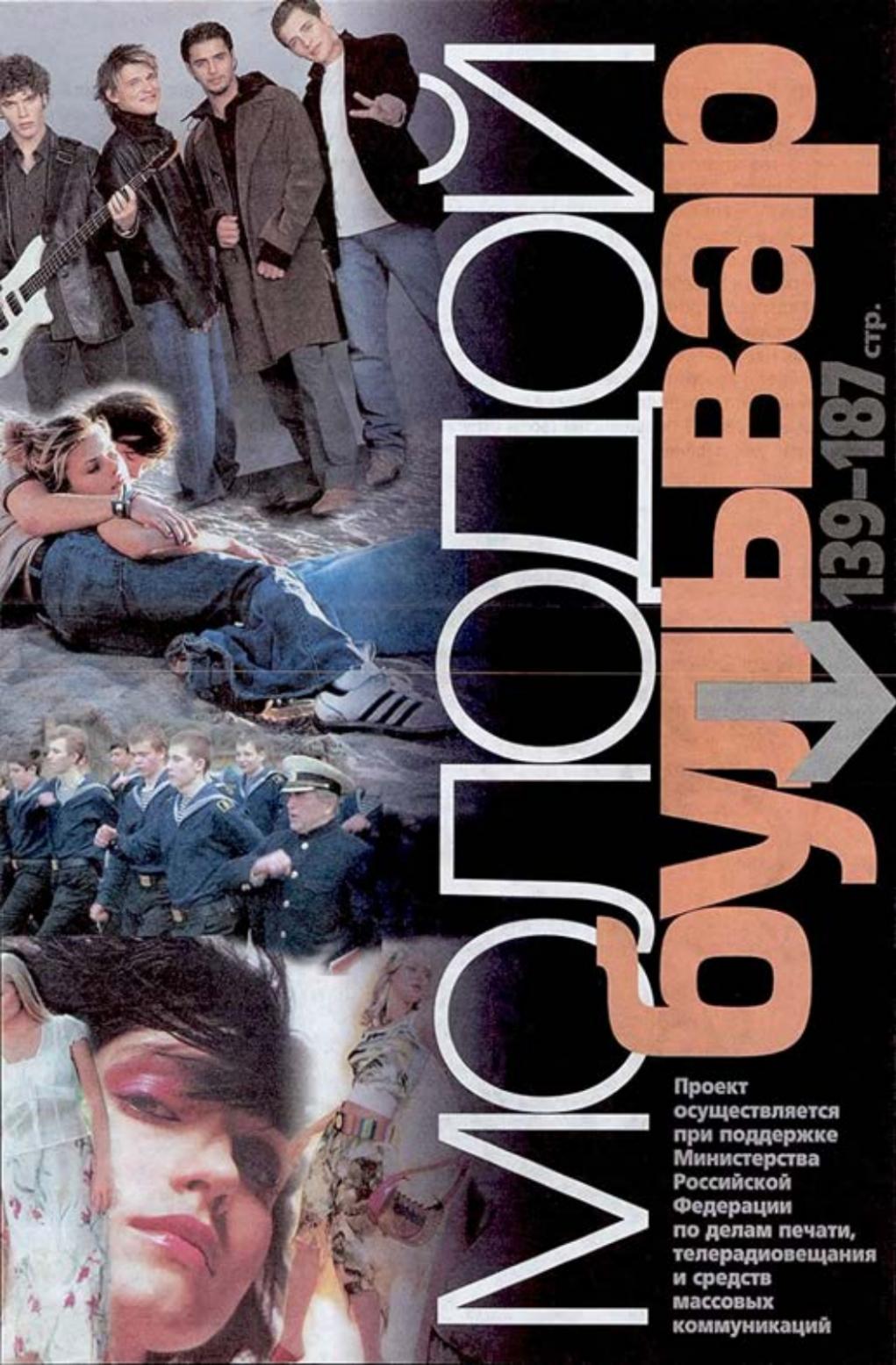
сам Стинг восторженно отзывались о Крисе.

После этого их пути на какое-то время разошлись. Гвинет уехала на Венецианский кинофестиваль, а оттуда — в Мадрид на ужин с испанским принцем Фелипе.

В середине 2003 года Пэлтроу снималась в фильме "Тэд и Сильвия". Она в одиночестве прогуливалась по улочкам Кембриджа, где проходили съемки. В один из дней ей позвонил Крис Мартин. Как истинный английский джентльмен, он напросился скрасить ее одиночество. Теперь пришло время для их более близкого знакомства. Гвинет, учтывая свой большой опыт пребывания в состоянии невесты, пристально изучала своего избранника. Прежде всего ее поразило, что Крис совсем не похож на богемного музыканта, несмотря на свою большую популярность. Он не пьет, не курит, не употребляет наркотики. Кроме того, она обнаружила, что у них много общих интересов. Крис так же, как и она — вегетарианец, у него степень магистра по древней истории, он владеет греческим языком и латынью.

В июне 2003 года они отметили помолвку, и по этому случаю мама Гвинет — Блайт Дэннер устроила прием для самых близких друзей семьи. Пригласила Стивена Спилберга с женой, Шерил Кроу, Мэг Райан и семейство Дугласов. Отец Гвинет видел Криса только на семейном обеде в День благодарения, но она поняла, что он бы одобрил ее выбор. Конечно, она мечтала о том, чтобы отец повел ее к алтарю, но, к сожалению, этого не случилось. К ней подошел Стивен Спилберг и сказал: "Я готов отвести тебя к венцу и думаю, что Брюс не возражал бы против того, чтобы твоим мужем стал Крис". Одобрили выбор Гвинет и ближайшие друзья — актриса Уайона Райдер, режиссер Пол Томас Андерсон, редактор журнала "Marie Clair" Кэролин Дойл.

В декабре 2003 года Крис и Гвинет тайно поженились в Калифорнии. 16 мая этого года Пэлтроу родила дочь Эпл, что означает яблоко. Как и всегда, она стройна, у нее любимая прическа — распущеные длинные светлые волосы, одевается, как и все обычные женщины, — черные брюки, серо-коричневый пиджак. Два раза Гвинет приезжала в Россию — в Москву и в Петербург и, как уверяет, с удовольствием снялась бы в нашей стране... ■

Молодёжь

сегодня

и завтра

139-187 стр.

Проект
осуществляется
при поддержке
Министерства
Российской
Федерации
по делам печати,
телерадиовещания
и средств
массовых
коммуникаций

Лето, отпуск, море, пляж, шашлык, солнце, секс (или, как сказали бы раньше, курортный роман). Вполне стандартная логическая цепочка, не правда ли? Курорт, абсолютно любой, независимо от его "крутизны", — вполне предсказуемая зона эротического духа. И дело не в вашем возрасте или настрое, а в том неповторимом чувстве легкости и беззаботности, которое охватывает вдалеке от дома, родного офиса, института, привычных друзей и надоевших отношений. Наверное, вы уже догадались, что речь пойдет о курортном романе. Хочу сразу отметить, что курортные романы не возникают сами по себе. В большинстве своем отпускники уже заранее готовы позволить "ма-

ленькие безумства", они все — в ожидании праздника, сказки, абсолютно непохожей на реальность. Именно такое любовное приключение должно произойти хотя бы раз в жизни: незнакомые окрестности, обратный билет в кармане, шум моря, "дэз капучино, пор фавор", а наутро — "адье, мон амур".

Вопреки распространенному мнению, курортные романы не изобретение нашего времени. Немало случаев внезапно вспыхнувшей на отдыхе страсти описано в классической литературе. Например, после чеховской "Дамы с собачкой", становится ясно, что даже в позапрошлом веке было опасно отпускать жён и мужей на Южный берег Крыма. А после бунинского "Солнечного удара" понимаешь,

что не стоит без присмотра оставлять молодых особ и во время плавания на пароходе по Волге. Большим мастером по части кратковременных любовных интриг в курортных зонах был и лермонтовский Печорин. Вспомните, все его выезды в горы ("Бэла"), к морю ("Ундиниа"), на воды ("Княжна Мери") неизбежно заканчивались одним и тем же.

Да что там Печорин! Еще римский император Антоний во время путешествия в Египет полюбил высокопоставленную местную даму — Клеопатру. Их отношения, впрочем, зашли слишком далеко и закончились весьма плачевно. Это подтверждает правильность мысли о том, что южные романы должны быть скоротечны, интенсивны и ми-

молетны. А, главное, не обременяться никакими тягостными последствиями.

Обстановка курортной неги как будто специально создана для романов различной степени легкости, для отношений, которые ровным счетом ни к чему не обязывают. И если не совершают ошибок, речь о которых пойдет ниже, приятные воспоминания о лете будут еще долго сохранять вам хорошее настроение в рутинной повседневности зимних месяцев.

Итак, ошибка первая, самая распространенная — попытка настойчиво строить далеко идущие планы. Как только накал чувств достигает своей самой высокой отметки (а это происходит на курорте очень быстро), роман-

Полина ТЕСПЕР

тически настроенное женское сердце тут же начинает сигнализировать: "Вот она — моя единственная любовь на всю жизнь! Именно с этим человеком мы будем жить долго и счастливо и умрем в один день!" Чудеса, конечно, иногда случаются, но, увы, крайне редко. Курортный роман — растение южное, теплолюбивое, но однолетнее. Пусть вас не обманывает легкость и пыль возникших чувств, они закончатся одновременно с окончанием отпуска, оставив лишь приятные воспоминания. Но разве этого мало?

Вторая ошибка заключается в том, что мы забываем, что роман этот... — игра! Игра, прежде всего, в общении. Подумайте только, как здорово: вы для своего кавалера — чистый лист. И на этом листе, как вдохновенный художник, можете с легкостью нарисовать что угодно! Возьмите взаймы, например, кусочки чужой биографии, подкрасьте свой характер, припишите парочку достоинств, вычеркните недостатки. И посмотрите, как такой, в меру идеальной девушке живется на свете. Тут, правда, главное не забыть, что игра эта не в "одни ворота", и что портрет вашего возлюбленного тоже будет далек от оригинала. На руке у него нет обручального кольца? Абсолютно ни о чем не говорящий факт. Или он с упоением рассказывает о жене и детях? Очень может быть, что их нет и в помине, просто ваш герой решил "подстраховаться" таким образом, боясь, что вы начнете строить далеко идущие планы. Вариантов множество. Самое главное, чтобы играющие были довольны друг другом и не нарушили правил. Но, увы, игра не может длиться бесконечно, в свой реальный образ все равно придется возвращаться. И это печальный момент. Однако не стоит во время отдыха думать о неприятном. Давайте лучше поговорим о плюсах и о том, что просто необходимо сделать в этот замечательный отрезок жизни под названием "курортный роман".

Итак, у вас одна и та же задача. Твоя — романтически и увлекательно провести отпуск, его — аналогичная. Ты жаждешь поцелуев под луной, и он жаждет. Ты стремишься быть красивой, и он. Чем не идеальная ситуация для влюбленности и, конечно, для того, чтобы осенью было что рассказать подругам, чем по-

хвастаться! Потом можно приукрасить своего героя и ситуации, в которые вы с ним попадали! Так что не бойтесь собственных чувств, окунитесь в водоворот любви! Однако не забывайте и об интеллектуальной пище, юморе и прочем, иначе ваши общения останутся чистой фотопленкой длиной в двенадцать дней.

Тратите смело все ваши деньги: на воздушные шары, катание на лошадях, на общий надувной матрас, мороженое и презервативы. (Кстати, не забывайте про безопасный секс, особенно во время курортного романа.) Если ваш молодой человек окажется жмотом, смело отправляйтесь с ним ночевать в центральный парк. А вместо ресторана — по садам и огородам местных жителей. Все это будет в кайф. Ведь сейчас деньги для вас ничто, вообще о них не думайте.

Обязательно признайтесь друг другу в любви, где-нибудь под кипарисом или пальмой. Это непременное условие короткого романа. Безответственно и безнаказанно скажите здесь и сейчас: "Ты меня любишь?" И получите в ответ:

— Конечно, люблю. — И никаких обязательств, никаких обещаний, как бы абсолютная искренность.

Посетите местные достопримечательности — даже если приехали к морю с целью найти друг друга, не стоит отказываться от культурных походов. Рядом с вашим курортным городком наверняка есть таинственная крепость, замок, пещеры со сталактитами или затонувший корабль, можете считать, что когда-то на нем были алые паруса. Посещать такие места стоит еще и потому, что, помимо свидания, всегда запоминается пейзаж, в котором оно происходило. И чем романтичнее пейзаж, тем красивее воспоминания. Кстати, опять-таки, будет что рассказать подругам: "На отвесной скале, на высоте 2000 метров над уровнем океана, мы увидели небольшой выступ. Туда не ступала нога человека. И вот, мы, взявшись за руки (или, лучше, обвязавшиеся одним канатом), решили..." И не забывайте: сиюминутных фотографий — доказательства вашего счастья.

Безусловно, в период летнего отпуска все шедевры и новинки мирового кинематографа будут обязательно крутиться в курортной зо-

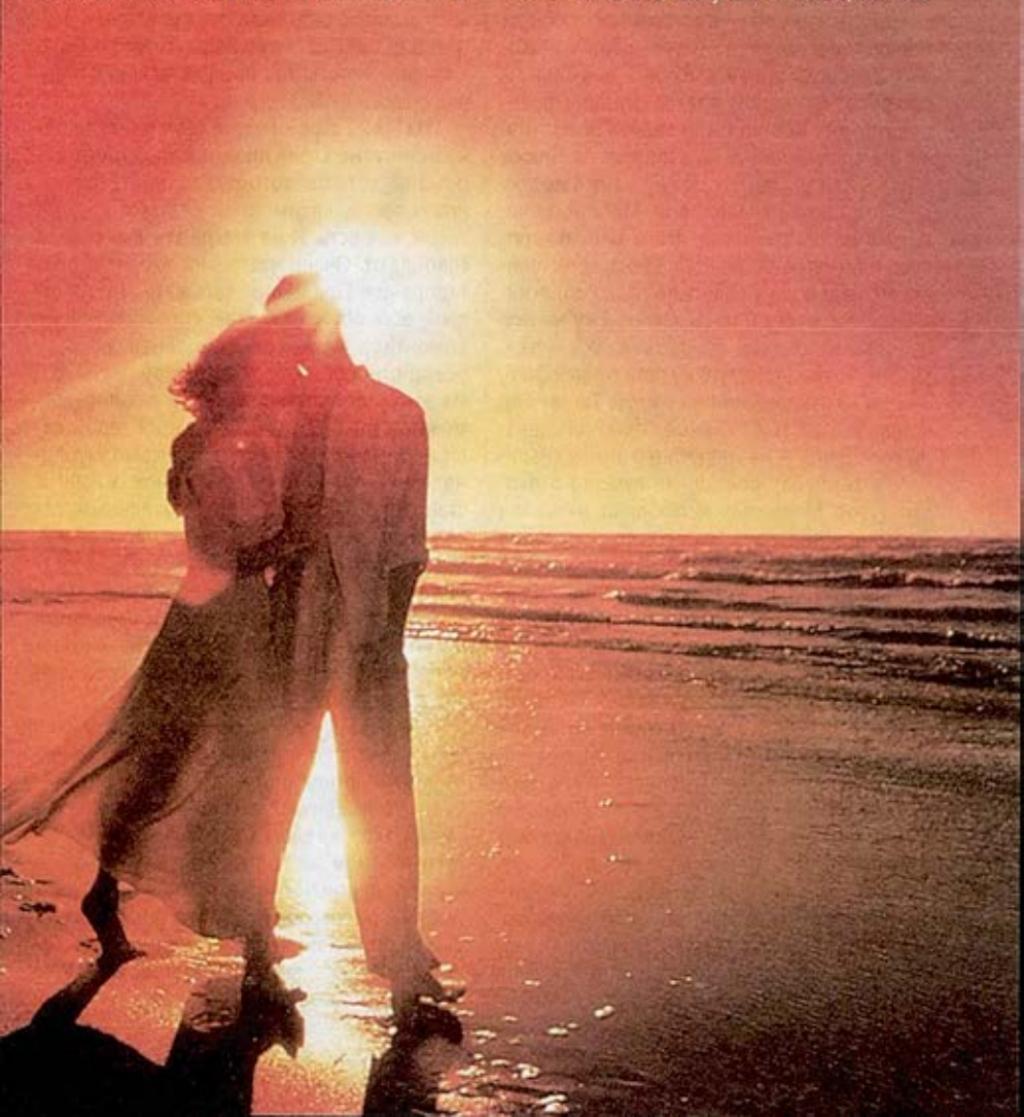
не. На утреннем сеансе в абсолютно пустом кинотеатре уютно, а главное, темно. А темнота — друг молодежи. И неважно, что вы не запомните имена героев, сюжет и название картины... Важно совсем другое...

Далее, например, вы умеете выращивать фикусы, готовить пиццу по-мексикански, отличать сырорежку от мухомора. Вот и передайте опыт своему товарищу по отдыху. Просто так. Чтобы вас не забыл. Ведь людей запоминают по мелочам.

Ну вот, отдых подошел к концу: у вас в кулачке скомканный билет на самолет, хотя вы

уже тысячу раз представляли, как разрываете его. Но "прости", "прощай"... Смойте слезами остатки песка с ночного пляжа и поднимитесь в небеса. Вы сделали все правильно, вовремя расстались. Потому что у красивых романов должны быть красивые финалы и не менее красивые фотоальбомы.

Но вот ты дома, курортный роман упорхнул, как птичка из клетки или остался лишь в легких сновидениях. Но, что это? Телефонный звонок, письмо. И вот он уже не может жить без выступов на скале, без тво-

их мухоморов, фикусов и пицц по-мексикански. Что делать? Мы обратились за советом к знатоку курортных романов, двадцатилетней Кейт К., категорично заявившей, что у этих историй не должно быть продолжений. "Летом, после поступления в университет, я поехала с друзьями отдыхать в Болгарию. Там-то и закрутила настоящий курортный роман, но, правда, с довольно необычным продолжением. Мой прекрасный принц появился на второй неделе отдыха. Он мне сразу очень понравился. Молодой человек был из Москвы, как и я. Мы разговорились и выяснили, что у нас не только масса общих тем для разговора, но и куча общих знакомых. Вечером уже вместе поехали в Варну и всю обратную дорогу в такси слушали французский рэп. Все это было весьма романтично. На следующий день валялись на пляже и целовались. Однако между нами уже тогда произошла первая ссора. Молодому человеку не понравилось, что я загораю топлес, и он устроил скандал. Меня, естественно, это задело, и я довольно резко объяснила, где его место в моей жизни. Ему ничего не оставалось, как уступить и заткнуться. Кстати, позже его уступки стали тенденцией. В один из вечеров пошли в клуб. Танцы под кондиционером и ледяные коктейли сделали свое дело — на следующее утро я свалилась с температурой 39. Не лучший отдых. Вот тут-то Мики, как я любовно называла молодого человека, окончательно разбил мое сердце: он скупил всю аптеку, каждый час заваривал мне чай и разводил "Фервекс", мерил температуру, бегал за врачами. Благодаря его заботе, я очень быстро поправилась, и остаток времени мы провели просто потрясающе. Мне даже стало казаться, что Мики — это ТО самое. Все было, как в кино: ночные прогулки по пляжу, поцелуи под луной, слезы, ревность и клятвы в вечной любви. Но, к сожалению, настало время моего отъезда, а Мики оставил еще на неделю. Я чуть не проспала автобус, потому что всю последнюю ночь мы провели на пляже, обещая друг другу, что наш роман продолжится в Москве. Он говорил, что любит, и что лучше меня еще не встречал никого.

Но вот я дома, и моя страсть поутихла, хотя мы перезваниваемся каждый день. Он рассказывал как ему там, среди моря и солнца, грустно и плохо без меня, а я говорила, как мне здесь, в Москве, хорошо и весело (без него). Ведь у меня была новая жизнь, новый университет и новые мальчики. Но вот Мики вернулся, и чувства вроде бы вспыхнули вновь, но не надолго. Мы протянули еще полтора месяца, да и то только потому, что мне было жалко его бросать. Я встретила свою старую любовь и закрутилась в новом старом романе. А Мики остался лишь для того, чтобы было на кого выплескивать свои отрицательные эмоции. В общем, после нашего разрыва он еще в течение нескольких месяцев звонил и говорил о своей любви ко мне.

Из этой истории я для себя вынесла однажды истину: не стоит продолжать курортные романы, хотя бы потому, что на отдыхе человек такой, каким хочет казаться, а дома такой, как есть. И не всегда эти два образа совпадают. Очень часто они входят в противоречия. Еще нельзя забывать, что на отдыхе есть обстоятельства, способствующие романтике: море, солнце, полная свобода, беззаботность и отсутствие проблем. А дома этих обстоятельств нет, и вполне возможно, что в обычной ситуации герой вашего романа тоже выглядит весьма заурядно. Он тускнеет в повседневной жизни и становится не таким привлекательным, каким был среди пальм, моря и песка. Почему-то в Москве его романтичность, заботливость и покладистость превращаются в занудство и скучу. Поэтому я за курортные романы, но категорически против их продолжения. Как говорится: всему свое время, а я добавлю: и место".

Ну а что лучше — сохранить упоительные воспоминания о лете или попытаться реанимировать летний роман под аккомпанемент осеннего дождичка, решать вам, дорогие читатели. Если же ваш отпуск еще впереди, "отпустите" себя на полную катушку, заводите курортные романы, купайтесь в лучах южной любви и не совершайте глупых ошибок, которые могут все это великолепие испортить на-прочь. Надеюсь, вы догадываетесь, о чем это я... Желаю удачи!

■ Андрей Головин — инженер. Потомственный. Вся родня — папа-мама-дяди-тети — с техническим образованием. Андрею — 26 лет. Уже три года работает на заводе железобетонных конструкций в небольшом подмосковном поселке Тучково. На данный момент он — начальник производственно-технического отдела. А еще ут-

верждают, что на родные заводы-фабрики молодых и калачом не заманишь. Каждый выпускник вуза метит попасть в какую-нибудь частную структуру или в солидную иностранную компанию. Еще бы! Престижно, денежно, перспектива роста — аж до президента этой самой компании или, на худой конец, какого-нибудь вице можно дослу-

житься (ну, это как у кого воображение развито). Ведь известно: хочется всего и побольше. Желательно — сразу! Кстати, в этом нет ничего зазорного. Еще, кажется, Наполеон говорил: у каждого солдата в ранце — жезл маршала.

Так вот. Оказывается, в нашем "славном королевстве" не все так грустно. Времена, когда "иных уж нет, а те далече...", судя по всему, хотя и медленно, но уходят в прошлое. Предприятия возрождаются. И работать на заводе молодому специалисту уже считается престижным.

— Андрей, твое первое впечатление от "железобетонного" завода. И, вообще, как сюда занесло?

— Да все просто получилось. Приехал в гости к родне в Тучково. До этого, после института, работал в Оренбурге на современном газоперерабатывающем заводе. А тут, в Тучкове, все говорят о "БИКОРе", то есть о заводе железобетонных конструкций. Пришел. После "Оренбургнефти", огромного, полностью автоматизированного предприятия, где работают почти десять тысяч человек, "БИКОР" с его несколькими сотнями рабочих, показался игрушечным.

— Захотелось развернуться и уйти?

— Нет! Таких мыслей не было. Я просто покрутился внутри — вроде современный заводик, все механизировано, чисто кругом, аккуратно, ухожено. И природа в округе Тучкова обалденная: Москва-река живописным разворотом с крутыми берегами... А озера близ Рузы! — словом, подействовало...

— Ты сентиментальный?

— Как сказать? Но красивую природу люблю. Однако основной причиной, что тут остался — мой первый разговор с генеральным директором. Я с ним и поговорил — всего десять минут... Но знаешь, он показался мне таким деловым, хватким. Ну, думаю, такой мужик не даст заводу пропасть. Он же его из "руин перестроекных" вытащил. Смог удержать коллектив, собрать костяк и направить все в правильное русло. И ведь удержал завод на плаву, выстоял. Тут в Тучкове о них — о "БИКОРЕ" и о Бурмаке Владимире Михайловиче, генеральном директоре, легенды складывают...

— А ты говорил заводик, да еще и малярный...

— Ну, все познается в сравнении. Для Рузского района это большой крупный завод, один из ведущих в Подмосковье: и по объему производства, и по цифровым показателям, и по качеству продукции. Это приятно.

— А как платят?

— Как сам себя проявишь, как развернешься — так и жить будешь. Это раньше уравниловка была, а сейчас — сумеешь показать себя, значит, и получать будешь. В принципе, работая рядовым инженером, можно получать хорошую зарплату.

— Значит, работа инженера сегодня престижна?

— Конечно! Но человек, имея профессию, должен все время совершенствоватьсь, отшлифовывать себя. Как заводскую деталь — чем она совершеннее, тем дороже, конкурентоспособнее, качественнее, и спрос на нее, соответственно, выше.

— Это в тебе юношеский максимализм так говорит?

— А разве я не прав? Несмотря на наше волчье время, человек должен уважать и ценить себя и окружающих, не терять человеческое достоинство. Знаешь, вот многие мои знакомые ушли в торговый бизнес, в коммерческие структуры, имеют на рынках свои точки. Ну и что? Я потихонечку, по ступенечке приду к своей цели, займусь определенное социальное и материальное положение. Кстати, бизнесом в перспективе хочу заняться. Но я его иначе понимаю. Хочу продавать только тот товар, что смог производить сам, выпускать, создавать своей головой, передовыми технологиями. А то, знаешь, побежал — купил подешевле, продал подороже... И что? Разве это бизнес?

— Андрей, а откуда ты родом?

— Родился в Чечне, в Грозном.

— И ты видел войну в "лицо"?

— К счастью, нет. Родители за год до первой войны переехали в Ставропольский край.

— Намерен еще странствовать в поисках лучшей жизни?

— Зачем? Я никуда уезжать не собираюсь. Здесь, в тихом, провинциальном живописном

местечке мне так спокойно. К тому же нравится моя работа.

— Тебя сразу назначили начальником?

— Не сразу, конечно. Но мне не трудно было стать начальником. Я знал работу. Мой предшественник — Соломкина Ирина Николаевна, ввела меня в курс дела, научила как правильно вести себя в рыночных отношениях. Поэтому, работая тут еще инженером-технологом, я, в принципе, уже все знал, что касалось технологии и производства. Основной мой наставник — Клавдиев Анатолий Николаевич — инженер от Бога, главный технолог завода. Еще Тимонова Наталья Прокофьевна — ведущий инженер по производству. Это люди с большим опытом работы, они мне помогали, советовали, вводили в курс дела. Ну, скажи, где так будут еще "нянчить" молодого специалиста? Да ни за что! Там, где большие деньги — очень мало человеческих отношений.

— А у вас на заводе отношения нормальные?

— Считаю, да. К нам сейчас идут мои родственники. Может, их еще не так много, но те, кто приходят на завод, остаются.

— Делается что-нибудь конкретное, чтобы привлечь, заинтересовать молодежь?

— Прежде всего, предлагается достойная мужская работа, стабильная зарплата и полный комплекс социальных гарантий, закрепленный коллективным договором. При главном инженере завода создан совет по работе с молодежью.

— Это еще что такое?

— Совет создан прежде всего для поддержки прогрессивных идей, выдвинутых молодыми сотрудниками. Эти идеи поддерживаются не только морально, но и оплачиваются генеральным директором, в зависимости от значимости самой идеи. Вот в последний год мы ввели в производство изготовление новых видов продукции — придорожные лотки и утяжеленные блоки для магистральных трубопроводов. Все это требовало дополнительных изменений в технологии. После завершения работ всех поощрили материально.

И главное. Молодым предоставляется общежитие. Сейчас "БИКОР" занят строительством 80-квартирного дома для своих сотрудни-

ков. Квартиры будут распределяться на льготных условиях, особенно тем молодым специалистам, в которых заинтересовано руководство завода.

— А материальную помощь молодым сотрудникам оказываете?

— Безусловно. И почему только молодым? Ветеранам завода выделяется денежная поддержка для платного обследования и лечения. А молодым — вот, например, мастеру второго цеха Ладыгиной Светлане завод оплачивает учебу в вузе. Она учится на третьем курсе заочно. Да и мне директор не раз предлагал платное обучение для повышения квалификации. Я хочу поступить еще в один вуз — Московский строительный институт, имея за плечами Северо-Кавказский технический университет, который окончил в 1999 году.

Независимо от стажа работы на предприятии, согласно нормам коллективного договора, выплачивается материальная помощь к отпуску на оздоровление, производится выплата социального характера — компенсация 50 процентов оплаты за детский сад, компенсируется проезд к месту работы, выдается материальная помощь на рождение детей, бракосочетание, призыв в армию. Да мало ли... Еще работников обеспечивают спецодеждой. Выделяются деньги на разные, как раньше говорили, культурно-массовые мероприятия. Есть своя команда по мини-футболу. В спортзале ребята занимаются любимыми видами спорта. Зимой заливают каток. Устраиваются соревнования в лыжных гонках. Вот и идет к нам молодежь. Хочешь, свежий пример приведу?

— Конечно.

— Сергей Кукушкин проходил на "БИКОРе" срочную службу. В армию его призвали в железнодорожные войска. Воинская часть заключила с заводом договор на поставку железобетонных изделий. Так как у армии нет денег на их приобретение, солдат на паритетной основе откомандировали работать на завод. После окончания службы Сергей решил остаться на "БИКОРе". Съездил лишь на несколько дней домой в Арзамас повидаться с матерью.

Его примеру последовали еще трое военнослужащих. Сейчас на заводе работают

сорок солдатиков. Это не альтернативная служба, у них нет послаблений от воинской службы: все четко по расписанию, в которое органично вписался труд на заводе. Работают они не на "БИКОР", а на армии. Живут в казарме, под нее завод обогородил одно из помещений, пытаются в заводской столовой. Завод старается вовлекать ребят в свою жизнь, чтобы они не чувствовали себя оторванными от коллектива.

— Андрей, а сколько человек у тебя в отделе, и каковы его функции?

— Наш отдел своего рода "диспетчерская" завода. Мы ведем контроль за всеми: за лабораторией, ОТК, за цехами... Но в функции отдела входит не только контроль. Мы разрабатываем новые технологии, внедряем их в производство, совершенствуем общий технологический процесс... Все это лежит на плечах производственно-технического отдела.

— Какими качествами, по-твоему, должен обладать начальник отдела?

— Коммуникабельностью. Ведь ежедневно приходится общаться с большим количеством людей, надо найти подход к каждому. Любой человек индивидуален.

— А бывает, когда "подхода" не получается?

— Бывает, конечно. И скориться приходится, недовольство выражать. Но я все же стараюсь завоевывать доверие людей, помочь в трудных, чисто человеческих ситуациях.

— И что в этом помогает?

— Наверное, молодость... общительность, умение найти с людьми общий язык, доверие к ним.

— А что мешает?

— То, что мешает, стараюсь на завод "не приносить"...

— Кто в твоей семье лидер?

— Лидер? Смотря в чем. В работе, в карьере должен быть лидером мужчина, а дома я все права отдаю жене. Женщина — нежное, очаровательное создание, хранительница домашнего очага. От нее должны исходить уют, тепло, забота... А, простите, какая-нибудь эмансипированная роскошная дамочка, от которой веет холодом, кому она нужна? Кто

будет жить со "снежной королевой"? Хотя не знаю...

— А кто воспитывает dochь?

— В основном, конечно, жена Лена. Но иногда, чтобы наша мама не знала, мы с Анькой катаемся с крутых ледяных горок... Вообще у нас есть свои тайны и секреты. Но больше всего я люблю с семьей проводить время на детских аттракционах. Мы часто ездим в Москву, посещаем парк имени Горького, просаживаем кучу денег. Но довольны!

— В детстве что любил больше всего?

— Футбол. Еще в Грозном отец отвел меня в спортивный клуб "Терек", и я постоянно тренировался. На летних каникулах у спортивного лагеря обязательно были выезды. Я обехал практически всю Россию.

Еще ярким воспоминанием детства остались походы в горы. Как же там красиво, на Северном Кавказе!

— Но ты выбрал тихую подмосковную природу?

— Получается так. Ее любили Есенин, Пушкин, Рубцов. При всей своей великолепной красоте, горы внушают какую-то легкую тревогу, а тихая речка, березка — душевный покой...

— А море?

— Когда с семьей удается выехать на море, например, в Геленджик или Туапсе, всегда заезжаем к родным в Ставропольский край. Но море любит больше всего Аня. Она так отчаянно плавает на круге, не догонишь... Однако в отпуск не всегда удается выезжать летом, потому что на заводе в это время самая запарка.

— Ты счастлив?

— Ну, абсолютно счастливым может быть только дурак... Естественно, есть какие-то проблемы. У нас, например, нет своего жилья, мы живем в служебной квартире. Многое еще хочется достичь, быстрее получить. Хочется еще иметь сына... В голове — куча новых задумок, инженерных мыслей... И все-таки я счастлив. У меня есть семья, и она рядом со мной, есть надежная работа...

Беседовала **ЛАРИСА АБКАРОВА.**

Фото автора

Кирилл ПОДОЛЯК

Неяркое освещение, низкие потолки в коридорах, и каждый, кого не встретишь, одет по форме — внешне все напоминает корабль изнутри. Сразу погружаешься совсем в другую обстановку, теряешь ощущение той действительности, которую наблюдаешь каждый день. Хочется встать за штурвал и повести свой фрегат вперед, навстречу волнам.

С места в карьер

В этом году Академии водного транспорта исполняется 25 лет. Это одно из уникальных учебных заведений России, потому как здесь студенты проходят трехэтапное образование. На первом ребята и девушки поступают сюда после девятого класса. И после двух лет учебы они получают аттестат зрелости, который принимается в любом вузе страны, и первую рабочую профессию: механик-моторист, рулевой-моторист, электрик, судовой кок — всего таких

навстречу
волам

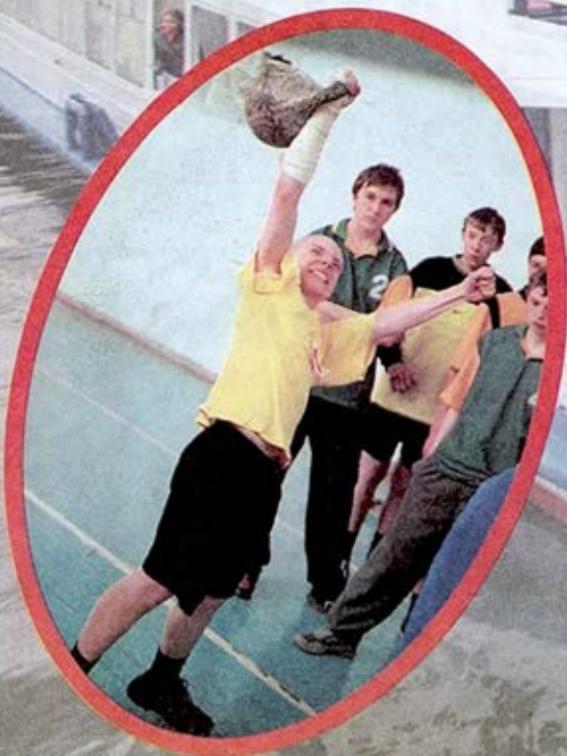

фото Владимира
Чайшвили

профессий двенадцать. Если парень или девушка желают продолжить обучение, то они переходят на вторую ступень. Где получают среднепрофессиональное и среднетехническое образование: штурман речного флота, штурман реки-моря плавания, механик, специалист порта и т.д. Следующая ступень — высшее образование: судоводители, механики, инженеры портов, экономисты, специалисты по экономике водного транспорта и юристы... В академии работают более трехсот преподавателей, и обучается более пяти тысяч студентов. У академии 10 филиалов и представительств во многих регионах нашей страны (Дальний Восток, Западная Сибирь, Омск, Котлас, Печера, Череповец, Рыбинск, Ростов-на-Дону и т.д.)

Ежегодный набор — почти 600 студентов. Конкурс в целом высокий, но сильно разнится от факультета к факультету: на судомехаников — 3 человека на место, на экономистов — 12, на юристов — 14, а на портовые специальности — 4.

У академии есть четыре современных учебных судна. Два ходят по Черному и Средиземному морям и два по Москве-реке и каналам. Так что все возможности для обучения есть. К тому же в классах академии много тренажерных залов, где все наглядно показано. Тренажеры по радио связи, по прокладке курса судна, тренажер, который дает представление о ведении судна в ночное время...

Здесь платят стипендию порой даже тем, у кого есть тройки; очень недорогая столовая — средний обед 32 рубля. У академии два общежития, поэтому, на время учебы, нуждающиеся всегда обеспечены жильем. Иногородние имеют бесплатное общежитие и льготные обеды, в том числе и малоимущие. Также студентам из небогатых семей оказывается материальная помощь.

И зачем сюда идут?

Многих привели сюда романтика и желание связать свою жизнь с судами, стремление увидеть мир и заработать прилич-

ные деньги, да и высшее образование — не последний аргумент. Преемственность поколений — тоже не последний фактор, определяющий наполняемость аудиторий академии. У многих из тех, кто здесь учится, или папа капитан, или вся семья так или иначе связана с кораблями.

Есть и такие, кто поступил просто так — захотелось попробовать себя в чем-то необычном и менее популярном, чем возня с бумагами или просто сидение в какой-нибудь скучной конторе. Через некоторое время они понимали правильность своего выбора — просыпался интерес: кому-то понравилась сама профессия, а кого-то просто убедили, что это их призвание.

Кто же может так сильно влиять на современную молодежь? Кто же в силах убеждать её? Как ни трудно поверить — преподаватели.

Были случаи, когда студенты не знали, зачем они сюда пришли, хотели уйти из академии, но преподаватели убеждали их в обратном, все больше заинтересовывая. Иногда они во время занятий, рассказывая о своем опыте, даже забывают, что нужно проходить тему и только под конец урока "просыпаются" и понимают, что тема-то не пройдена.

Молодые

На выходе из столовой я встретил забавного коренастого парнишку с рыжими волосами и внешностью, располагающей к диалогу. Виталий предложил прогуляться по академии и поговорить еще с кем-нибудь. Через некоторое время мы встретили несколько его знакомых.

— Учиться сложно?

— Здесь нет ничего невозможного. Важно все сдавать вовремя, посещать занятия и тогда не будет никаких проблем.

— Сохранились ли в академии традиции воспитания?

— Конечно, как же без этого! Нас закаляют умственно и физически. Приучают к чистоте и опрятному внешнему виду. Важное место занимает дисциплина. Поначалу тяжело, но потом привыкаешь.

— Есть ли у вас наказания за несоблюдение порядка?

— За несоблюдение дисциплины у нас введены рапорта, которые подаются заместителю декана — начальнику первого уровня обучения. Провинившийся наказывается уборкой территории или чем-нибудь подобным.

Наверное, знаток, раз так хорошо знает процедуру, подумалось мне в этот момент.

— Какие перспективы у вашей профессии?

— Сначала можно пойти на море, потом на реку, — говорит Виталий. — Сейчас все это дело поставлено на широкую ногу. И с этим вполне можно связать свою жизнь, так как деньги там водятся неплохие.

Что ж, не очень многословно, но вполне доходчиво, видно, что ребята пришли сюда с осознанием того, что их ждет в будущем. Многие еще до поступления были связаны с флотом: клуб моряков в школе, клуб "Алые паруса", родители... Может, кто-то еще не уверен в своем выборе, но это не мешает им двигаться к своей цели. Они пришли сюда получать в первую очередь высшее образование. Им некогда вить в облаках, они просто медленно и верно добиваются поставленной перед собой задачи.

Молодые и красивые

В академии учатся и девушки, но их мало. На каждом курсе есть только по одной группе, в которой обучаются девушки. В основном они идут на коков или операторов ЭВМ, юристов или экономистов, то есть на профессии, не требующие тяжелого физического труда. Мне удалось поговорить только с двумя из них.

— Что вас сюда привело? Почему именно МГАВТ?

— В первую очередь я пришла сюда получить высшее образование. Потом, меня привлекли компьютеры и занятия информационными технологиями, — говорит Лена.

— А меня привлекла профессия гостинично-туристического бизнеса и возможность продолжить обучение на экономи-

сту. Люблю контактировать с людьми, и очень хочется попробовать себя в роли менеджера, — продолжила Виктория.

— Что вы ощущаете, когда носите форму?

— По-моему, мне идет...

— Мне тоже очень нравится, например, когда идешь по улице, то привлекаешь к себе внимание, да и потом это еще честь академии.

— Что вам дала академия, что вы можете уже сейчас?

— Познакомилась с новыми людьми, освоила компьютер. Во время каникул мне не составляет труда найти работу. Очень помогают на практике те знания, которые я здесь получила. А еще я делаю неофициальный сайт МГАВТ.

— Уверенность в себе. Здесь я ощущаю себя более взрослой.

Немного непривычно встретить девушку, которой интересен флот или род деятельности, имеющий к нему прямое отношение. Видя это, душа радуется, ведь не все же в мире должны делать мужчины. Хочется, чтобы таких девушек было как можно больше. Остается только поболеть за девчачат и когда-нибудь отправиться в круиз на судне, в составе экипажа которого будут те ребята, с которыми я пообщалась.

Немного о грустном

К сожалению, не все студенты выдерживают испытание. В основном те, кто понял, — не их призвание. Все это проявляется уже на первых порах — после года обучения становится ясно, кто есть кто.

У моряков бывает выражение, что "судно — это семья или маленькая деревня, где все друг друга знают". Оно как стекло, поэтому все тайное мгновенно становится явным. И от тех, кто не устраивает команду, тянет ее назад — избавляются...

— К студентам мы относимся очень бережно, — заметил декан академии С.А. Чибириев, — отчисление — это уже крайняя мера, если человек совсем не тянет. Я периодически собираю родителей, в том числе и родителей тех учеников, которые не

успевают или не принимают должного участия в учебном процессе, и в индивидуальном порядке решаем все вопросы.

В кабинете у декана академии С. А. Чибирияева

— Ни для кого не секрет, что наш флот за первые несколько лет перестройки сильно сократился, как вы считаете, не останутся ли ваши выпускники в скором времени без работы?

— Несмотря на то, что наш флот периодически сокращается, профессии МГАВТ не теряют своей актуальности. Выпускаются новые суда, на которые требуются экипажи, а действительно опытных специалистов не хватает, поэтому порой берут кого попало. Есть множество частных фирм, которые занимаются перевозками по реке и морю, туристические организации, причем их количество стремительно увеличивается. С каждым годом растет популярность круизов. Наш морской флот не сокращен, разве что многие корабли ушли под другие флаги, но специалисты-то наши на них плавают. Иностранные фирмы с большой охотой берут судоводителей и механиков именно из МГАВТ, потому что они более подготовлены, как-никак восемь лет обучения.

И напоследок...

О внешнем и внутреннем убранстве я лучше промолчу, ибо с моей стороны было бы не честно описывать то, что происходит во время капитального ремонта. Однако надеюсь, что ремонт пойдет на пользу, так как современный вид академии удручит. Всё-таки хочется, чтобы заведение такого порядка и внутри, и снаружи выглядело презентабельней...

На этом я завершил знакомство с МГАВТ. Радует, что еще не перевелись действительно хорошие люди, которые болеют за Родину и знают, чего хотят от жизни. Может, в далеком будущем кто-то из них прославит нашу страну. А в том, что из них вырастут хорошие люди, которые станут опорой нашего государства, я не сомневаюсь. ■

Звезда

Слышали поговорку: "Чем больше в армии дубов, тем крепче наша оборона"? Так вот, это — неправда. Хотите, верьте, хотите — нет, но именно в армии у вас есть шанс увидеть несколько десятков умных людей одновременно, достаточно прийти на обычное служебное совещание. Я говорю так не потому, что сама служу по контракту. Просто глупого гражданского человека мне видеть доводилось, а вот глупого офицера — никогда. Впрочем, прапорщика — тоже.

Солдаты приходят и уходят, а кадровые военные остаются в армии на долгие годы, многие служат даже после достижения предельного возраста — 45 лет (для полковников — 50). Об этих людях можно написать целую книгу, и даже ее будет мало. Но, к сожалению, здесь придется ограничиться лишь основными моментами.

Для начала — о прапорщиках. Как я уже писала в одном из предыдущих номеров, прапорщик — не офицер, но и не солдат, а нечто среднее между ними. Звездочки на их погонах расположены вдоль, и быть их может лишь две у обычного прапорщика или три у старшего. Получить данное воинское звание можно: а) закончив так называемую ШП (школу прапорщиков); б) отучившись в техникуме (колледже) или институте и занимая соответствующую должность; в) в редких случаях — без специального образования, только по должности. Самый распространенный — путь номер два, он же и самый простой, потому что ШП — это все-таки полгода в казарме, а получить звание без диплома удается единицам.

Бывает мнение, что все прапорщики по-головно жулики. Даже стишок на эту тему есть: "Вот они расселись по складам и воруют до самозабвенья. Я их узнаю по "Жигу-

ДЫ ИЛЮДИ

лям", купленным за счет подразделения". На самом деле, украдь что-то на армейском складе не так-то просто, и начальники складов (большинство прaporщиков как раз занимают подобные должности) панически боятся малейшей "недостачи" и строго следят за своим имуществом. А что касается воровства, так это от звания не зависит.

Впрочем, случаи бывают разные...

... В большую воинскую часть прибыло пополнение, сразу двадцать два выпускника местной ШП, и половина из них — девочки. Среди них выделялась маленькая хрупкая блондинка Юля с голубыми глазами и дипломом какого-то библиотечного техникума. Ее поставили в Врио начальника клуба, на офицерскую должность, поскольку ни в чем другом, кроме культурной работы, она не смыслила. Клуб располагался в старом здании с колоннами, и стоял там, на третьем этаже, рояль. Причем не просто рояль, а подарок бывшего командующего округом, антикварная вещь фирмы "Павел Буре". Для того, чтобы затащить инструмент в актовый зал, пришлось задействовать ДВЕНАДЦАТЬ здоровенных солдат и сломать часть стены, так как дверь была узковата, а рояль НЕ разбирался.

Теперь сама история. Не прошло и двух месяцев с момента прихода Юли на службу, как рояль исчез. Просто исчез, словно испарился, лишь две борозды на паркете сцены говорили о том, что он все-таки не улетел по воздуху, а ушел каким-то другим, более реальным способом. Но как? Под тяжелым взглядом замполита девушка разверла руками, похлопала длинными ресницами и мило сказала: "Да вы что, товарищ подполковник, разве это в человеческих силах?" Провели расследование. Никто ничего не видел. Солдаты, которых несколько часов в адскую жару

промариновали на плацу, продолжали упрямо все отрицать. Юля тоже держалась. А замполит все бродил вокруг клуба и силялся ответить на один вопрос: КАК? Не "кто" стащил рояль, а именно "как". В голову ничего не приходило.

Через два года Юля нашла себе место получше и собралась переводиться. В последний день, когда все документы были уже подписаны, замполит поймал ее по пути на КПП: "Ну, хоть сейчас признайся — твоя работа?" Юля усмехнулась: "Моя, но ведь не пойман — не вор". "Я так и знал! — обрадовался ее бывший начальник. — Но как ты его оттуда вытащила? Скажи, я уже мозги сломал!" На что девушка ответила: "Вот когда сообразите, считайте, что не зря прожили жизнь". Остается добавить, что эту тайну так и не раскрыли...

Слава Богу, таких уникумов в армии ничтожно мало, а то что бы от нас осталось? В основном, прaporщики — народ честный, добросовестный и толковый, и во многих областях они могут успешно заменять офицеров. Замены встречаются часто, офицеров не хватает. Престиж армии в обществе упал: платят мало, с жильем проблемы, льготы постоянно отменяют, вот молодежь "под знамена" и не рвется, а "старая гвардия" неумолимо уходит. Большую и не слишком благовидную роль тут сыграли средства массовой информации, взявшись моду так и сяк ругать военных. Но это всего лишь мода. Будем надеяться, она скоро пройдет.

Офицеры — особая категория людей в погонах, на них и держится вся армия. Способы получить звездочки (которые располагаются не вдоль, а поперек) существует четыре.

Способ первый. Военное училище (институт). Туда принимают по результатам экзаменов и конкурса молодых людей, окончивших

среднюю школу и годных по здоровью к военной службе. Военное училище дает полноценное высшее образование и хорошую специальность. Делятся учебные заведения по родам войск, но есть и "общевоинские". Девушкам путь в них, конечно, не заказан, но поступить они могут далеко не в каждый подобный вуз, да и прочих ограничений для них полно. Поэтому женщин-офицеров у нас очень мало.

Учеба в военном училище засчитывается в общий стаж службы, и в день выпуска, когда курсанту присваивается воинское звание "лейтенант", он уже имеет пять лет выслуги (в некоторых училищах — четыре года). Пять лет — срок большой, ритм учебы довольно напряженный, поэтому в последнюю ночь перед выпуском многие будущие офицеры устраивают себе "отрыв по полной". Например, один лейтенант рассказывал мне, что в их училище в ту знаменательную ночь на раму окна, выходящего на казарму первых курсов, завтрашие лейтенанты натянули резиновый жгут наподобие рогатки и долго и азартно расстреливали здание открытыми банками шпрот. Все страшно напились, один парень вывалился со второго этажа на клумбу с розами и сладко спал там до девяти утра. Около полуночи кто-то зажег бенгальские огни и спалил в роте занавеску. В общем, полный бардак. Но в половине десятого все уже стояли на плацу, чистенькие, в парадной форме с белыми рубашками, и даже тот парень, что спал на клумбе, сумел как-то притащить на построение свое несчастное тело...

Так бывает не всегда. Все зависит от руководства училища. Иногда "отрыв" сводится к тому, что люди просто не спят всю ночь, но ничего недозволенного при этом не делают, поскольку за ними наблюдает недремлюющее око дежурного офицера.

Способ второй. Гражданский вуз с военной кафедрой. Офицеры, попавшие в войска после такого вуза, называются "пиджаками", но это все равно лучше, чем быть обычным солдатом с в/о (кафедра-то есть далеко не везде). Что такое военная кафедра? Да ничего страшного, обычный предмет, вроде физкультуры. Лекции, практические занятия, зачеты, экзамены. Обязательные выезды "в по-

ле" для закрепления навыков. И все, после окончания института человек получает удостоверение офицера запаса (естественно, по профилю своего вуза). Приказным порядком в армию забирают далеко не всех выпускников, некоторые так и остаются "в запасе" на всю жизнь. А те, кому призыва избежать не удалось, становятся лейтенантами срочной службы, обычно на два года.

Офицер-срочник — категория особая.

Он:

не может уволиться по собственному желанию;

не может быть уволен даже по самой строгой статье;

может быть лишен офицерского звания за серьезные проступки;

в отличие от солдата-срочника, живет обычно дома, а служит с девяти до шести, как кадровый военный;

в отличие от кадрового военного, не имеет об армии ни малейшего понятия (разве что в виде анекдотов);

не умеет ходить строем, носить военную форму, не знает устава и правил обращения к начальству, вообще — производит впечатление гражданского человека;

старается сбиваться в стаи с себе подобными, а если таких нет, бродит в гордом одиночестве, так как не чувствует своей принадлежности к офицерскому сословию.

Был один случай, когда лейтенантами-срочниками укомплектовали целый вычислительный центр в крупном военном учреждении. Все они имели специальность "системный программист", а потому быстро сдружились и образовали собственный мирок, абсолютно закрытый для других военнослужащих. Даже речь их было невозможно понять, поскольку компьютерный жargon — самый сложный из всех жаргонов. И что же? Умным лейтенантам вскоре надоело писать отчеты и играть по сети в "стрелялки-догонялки", и они дружно занялись разведением вирусов и взломом лицензионных программ. Коридор, где располагался ИВЦ, так и прозвали: Хакер-стрит. Кончилось все плачевно. В отместку за взыскание, ошибочно наложенное на одного из лейтенантов, хакеры внедрили вирус в общую сеть учреждения и убили половину фай-

лов с грифом "Секретно", а заодно и все программы модемной связи с войсками. Скандал, говорят, не затихал больше месяца, ИВЦ расформировали, а лейтенантов распихали по разным частям, где они, наконец, впервые надели форму.

Есть интересный парадокс: офицеры срочной службы почему-то остаются гражданскими гораздо дольше солдат, иногда на все два года, и любое обучение тут бессмысленно. Не хочет человек — и все.

Но бывает наоборот. У меня всю жизнь перед глазами был такой пример — мой отец. По диплому он физик-ядерщик, но "корочка" эта ему так и не пригодилась: в армии папе настолько понравилось, что он остался там на 24 года и ушел на пенсию полковником. Кроме того, есть ребята, которые идут со своими удостоверениями лейтенантов запаса в военкомат и добровольно призываются в войска, но не срочниками, а обычными офицерами.

Способ третий. Заочное обучение в вузе во время военной службы в другом звании (кроме срочников). Способ неплохой, но утомительный, ведь не так-то просто сочетать учебу с должностными обязанностями. Некоторым это удается, и они делают в армии успешную карьеру. Кстати, самые талантливые и целеустремленные офицеры почему-то получаются из прaporщиков, и примеров тому множество.

Способ четвертый. Экстернат. Иногда его еще называют "курсами младших офицеров". Учиться на таких курсах нужно всего несколько месяцев, но вот попасть на них трудно, не везде они есть. Еще один существенный недостаток: после экстерната (впрочем, это отчасти относится и к способам № 2 и № 3) офицер может дослужиться максимум до майора, дальше нужна академия, а туда принимают лишь выпускников военных училищ. Но опять же все зависит от человека, и из любого правила есть исключения.

В редких случаях офицером может стать солдат с высшим образованием, отслуживший срочную и заключивший с частью контракт, но лично я таких примеров не знаю.

Что же дальше? А дальше — служба и карьерный рост. Звания офицеру присваива-

ются автоматически через определенные промежутки времени, если он стоит на соответствующей должности. За хорошие показатели очередное звание может быть присвоено досрочно.

По уставу офицеры обязаны обращаться друг к другу на "вы" с добавлением воинского звания, но на деле преобладают отношения по принципу "старший — младший" и "равные". Возраст играет роль, но не решающую, тут важно самому чувствовать, кто ты по отношению к сослуживцу или начальнику и насколько близко вы можете общаться. Некоторых офицеров никогда не называют по имени-отчеству, только по званию — так уж они себя поставили. А есть такие, которым все "тыкают", и это тоже лишь их заслуга.

Кадровым военным не приходится, как солдатам, постоянно жить вместе, их служба — не столько устав, сколько должностные обязанности, поэтому дедовщины среди них почти нет, лишь слабенькие ее ростки. Молодого лейтенанта могут заставить сделать чужую работу, сбегать в магазин, выполнить мелкие поручения, но не более.

Кадровые военные обладают большей сплоченностью в главном — в отношении к службе, но гораздо более разобщены в мелочах, чем те же солдаты. У каждого за воротами части своя жизнь, никто не заперт в неволе, да и потом — люди это взрослые, сознательно выбравшие свой путь. При этом почти каждый чувствует свою принадлежность к некоей общей социальной группе, некоторые даже иронизируют: "Есть такая профессия — Родину защищать". Но военный — не просто профессия, а образ жизни. Настоящий военный — подчеркиваю, настоящий — не думает о своей деятельности как о работе, это совсем другое. И еще: у военных очень сильна взаимовыручка, хотя каждый род войск считает себя самым элитным и престижным.

Помню такой случай. Километровая очередь на маршрутку, вечер, метель, мороз. Пятый или шестым стоит капитан-танкист, отчаявшийся дождаться автобуса. К очереди подходит майор внутренних войск и ищет взглядом "хвост". Он выглядит усталым и замерзшим, конец очереди Бог знает где, маршрутки ходят редко. В общем, безнадега. И вдруг

танкист, заметив его, радостно восклицает: "Товарищ майор, ну, где вы ходите, я уж думал, без вас придется уехать!" Майор смотрит на него с недоумением (они явно не знакомы), но капитан не дает ему ответить и просто втягивает его за рукав в очередь, пока окружающие ни о чем не догадались. Подруливает маршрутка, и оба уезжают. А еще говорят, что в форме сейчас не стоит ездить!

По отношению к солдату офицер (прапорщик) — всегда начальник и, как любой начальник, он бывает добрым или злым. Неизвестно, что лучше, знаю только, что солдаты своих начальников уважают, боятся, иногда смеются над ними, иногда нет, но очень редко любят. Тут работает принцип "гусь свинье не товарищ", и сломать его очень не просто.

По отношению к собственному начальству офицер (прапорщик) ведет себя точно так же, как и солдат. Кстати, у всех военнослужащих независимо от категории есть одна особенность: рассказывая друг другу о предстоящей (или уже состоявшейся) беседе с начальником, они редко говорят "он меня отругал" или "он сделал мне замечание". Нет! Военные в таких случаях употребляют термин, обозначающий понятие "заниматься любовью", цензурный или нет — зависит от воспитания и ситуации. Честное слово, на гражданке я такого ни разу не слышала!

Знаете, почему говорят "кто служит в армии, тот в цирке не смеется"? Да потому, что, при всех своих недостатках, армия — в целом веселое место, и естественная реакция любого военного на трудности — смех. Смеются военные часто и с удовольствием, неважно, над собой или над другими. Учения, марш-бросок, погода мерзкая, все устали, хотят есть, на минутку остановились покурить — и, пожалуйста, уже взрывы ходят над толпой.

Вы можете сказать: ну хорошо, а если у меня нет высшего образования и специальности, что же, не светит мне армия? Отвечу: светит, просто приходите служить по контракту. А если вы женщина, то это вообще почти единственный путь для вас, потому что женщины в армии.... Нет, стоп.

О женщинах — в следующем номере. ■

"Корни" — это Павел Артемьев, выпускник Миланской консерватории имени Джузеппе Верди, учился в Институте стран Азии и Африки на кафедре японского языка, работал моделью, участвовал в показе Вивьен Вествуд, свою первую песню сочинил в 13 лет; Александр Асташенок, бухгалтер-экономист по образованию, в родном городе Оренбурге у него была своя рок-группа "Ореол", где он играл четыре гита; Александр Бердников, участник международного конкурса танца в Чехии и выпускник факультета эстрады ГИТИСа, с детства мечтал о карьере певца; Алексей Кабанов, закончивший музыкальную школу по классам флейты и фортепиано и ставший в 19 лет звездой.

Когда 26 декабря 2002 года их объявили победителями первой российской "Фабрики звезд", СК "Олимпийский" вздрогнул от восторженного визга нескольких тысяч девчонок.

Весь 2003 год от девичьего визга дрожали Дворцы спорта, цирки и концертные залы в городах России и ближнего зарубежья, где "Корни" вместе с остальными "фабрикантами" гастролировали в рамках тура "Финал в твоем городе".

Сейчас участники группы самые настоящие звезды: первые места в хит-парадах, огромное количество поклонниц, множество сайтов в Интернете — реальное тому подтверждение! Их дебютного альбома ждали многие и, наконец, дождались!

В декабре 2003-го вышел первый диск "Корней", названный "На века". На три песни из альбома — "Я теряю корни", "Плакала береза", "Ты узнаешь ее" — сняты видеоклипы, которые можно регулярно видеть на экранах телевизоров.

2 февраля 2004 года начался большой гастрольный тур "Корней" по городам России.

"Мы за короткий срок добились того, к чему многие идут годами, но если бы мы сами из себя ничего не представляли, вокруг нас ничего бы не происходило. Нас четыре человека, у каждого своя любимая музыка, каждый по-своему смотрит на мир. Мы все такие разные, должно же нас хоть что-то объединять?! Так вот, то, что мы все делаем одно де-

ло, нас и объединило!" — уверены участники "Корней".

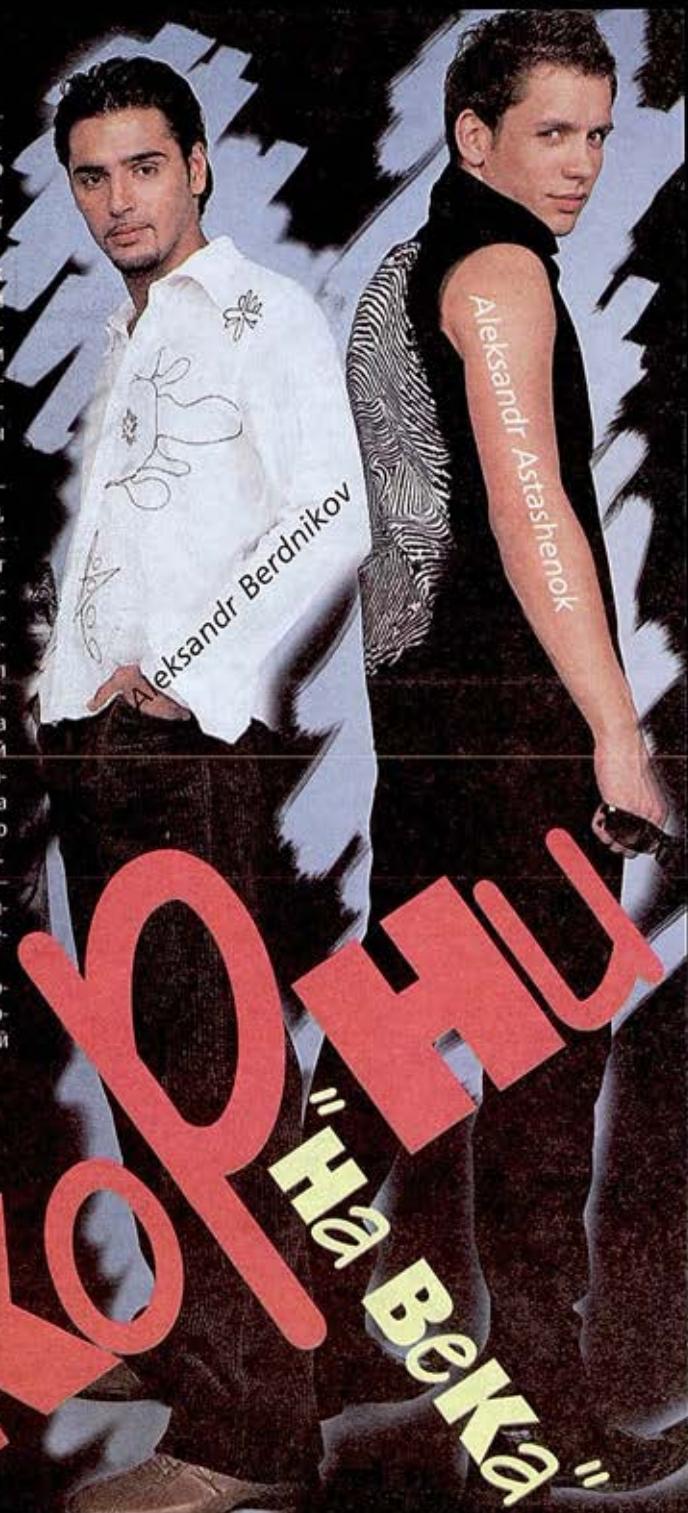
"Корням" уже есть что вспомнить и о чём рассказать. Чаще всего их спрашивают друг про друга.

Павел Артемьев: — Так получилось, что с Сашей Бердниковым и Лешей Кабановым мы на все кастинги "Фабрики звезд" ходили вместе. За это время и познакомились. А с Асташенком мы подружились позже.

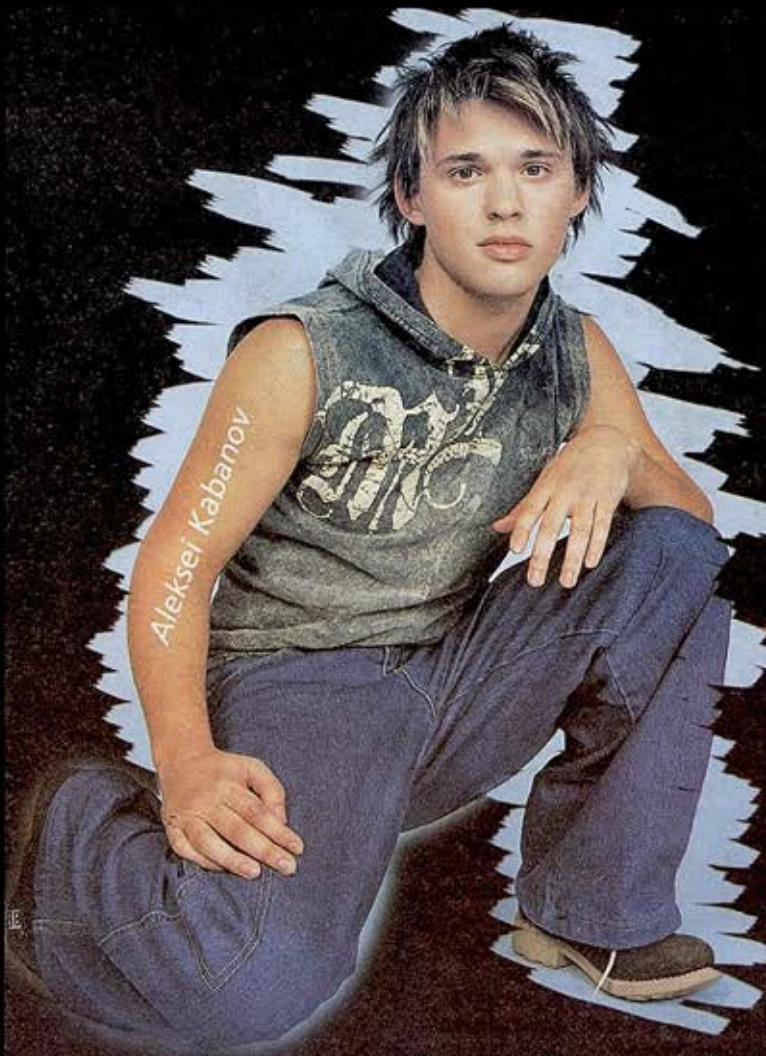
Александр Асташенок: — Я, когда впервые их увидел, подумал, что ребята в принципе неплохие: они уже друг с другом успели познакомиться, а мне пришлось "влиться" в коллектив". Причём намного больше я о них узнал уже после того, как мы вышли из "супердома", когда стали общаться в обычной жизни и вместе ездить на гастроли. Кстати, от Бердникова исходит такая энергетика, что девушки просто сходят с ума.

Александр Бердников: — О парнях у меня сразу сложилось позитивное впечатление.

Алексей Кабанов: — Я подумал, что это те ребята, с которыми я смогу найти общий

KORNEY "На Века"

Aleksei Kabanov

язык, хотя мы все очень разные. Бердников — импульсивный, яркий, этакий "вечный двигатель", Паша — кудрявый и романтичный, Асташенок в жизни задумчивый, серьезный, но на сцене превращается практически в "мэтра шоу-бизнеса".

— Как у вас складываются отношения с другими артистами?

А. Б.: — Думаю, что у каждого свое отношение к группе — так и должно быть. К примеру, Филипп Киркоров к нам очень хорошо относится, и мы ему отвечаем тем же. А что касается остальных, то мне бы хотелось ду-

мать, что все нормально. П. А.: — Люди трудаются долгое время, чтобы засветиться на эстраде и добиться популярности, а мы взялись ниоткуда, и за короткое время достигли таких высот, что собираем полные залы. Поэтому, на мой взгляд, отношение к нам не всегда позитивное.

— Расскажите о вашей гастрольной жизни.

А. К.: — В феврале этого года у нас начался первый сольный гастрольный тур "На века". Это здорово! Мы каждый день репетировали, готовили новую программу с живыми инструментами, а теперь каждый день у нас концерт в новом городе.

П. А.: — Самое интересное, что в каждом городе у зрителей свои предпочтения. Где-то больше любят Сашу Бердникова, где-то — Лешу Кабанова, где-то меня. Многие девушки пытаются подать себя, но пока безуспешно. Каждому из нас по сто раз за день звонят поклонницы и просто дышат в трубку. Или признаются в любви. Я обычно в таких случаях говорю спасибо и отключаю телефон.

А. А.: — Начиная с 2003 года мы с остальными "фабрикантами" искалечили всю Россию и СНГ. Люди нас принимали просто супер — мы ожидали, что все будет хорошо, но не думали, что настолько. За это время мы

увидели много красивых городов, в которых, может быть, никогда и не побывали бы в жизни. Но особенно мне запомнились финальное шоу "Фабрики звезд-1" в "Олимпийском" и концерты в Ледовом дворце в Питере.

— Изменилось ли ваше мироощущение после того, как вы стали популярны за такое короткое время?

П.А.: — Сначала было не столько страшно, сколько непонятно, что происходит. Мы же просидели за стеклом два с половиной месяца, потом вышли — бац! — люди стали нас узнавать на улицах.

А.А.: — Клево то, что я стал чувствовать себя более раскованно. Самое тяже-

лое в этой ситуации — не сломаться, остаться таким, какой ты есть. Не забыть о своих корнях. Девушки начали со мной сами знакомиться. Просто иду по улице, они подходят, просят автограф, предлагают пойти куда-нибудь. Но у меня, к сожалению, нет времени. В Оренбурге у меня есть любимая девушка, и разговоры о том, что у меня был роман с Сати Казановой, участницей "Фабрики звезд" и группы "Фабрика" — сплетни.

А.К.: — Я себя ощущаю не звездой, а рабочим человеком. Естественно, я уже выхожу на сцену не таким скромным мальчиком, как сначала. Знаю, что чего-то стою, может, и нескромно сказано. Но звездной болезнь это не назовешь. Я поначалу испытывал страшный дискомфорт. Когда меня на улице окружала толпа, чтобы взять автограф, даже ноги

подкашивались от волнения. Сейчас я уже привык, успокоился. Страшно, когда на тебя набрасывается толпа. Меня как-то прижали к стенке после концерта. Охранники с трудом выволили.

— Как считается, ваш успех обусловлен удачно подобранным составом группы или необычными текстами песен, альтернативы которым в данный момент просто нет?

А. А.: — Если нет хороших песен — внешние данные не помогут. Если есть хорошая музыка, но текст так себе — тоже плохо. Все должно быть в порядке. Наш продюсер Игорь Матвиенко корректирует наш образ, репертуар...

— У вас есть знакомые, болевшие звездной болезнью, и сложно ли с ними общаться? Есть примеры из жизни?

П. А.: — Вот нам сейчас стали все чаще говорить, что мы больны этой самой болезнью. Но мы этого совершенно не чувствуем. То, как ты сам себя воспринимаешь, очень отличается от того, что о тебе думают окружающие. До "Фабрики звезд" я думал, что наша сцена полна круглых дебилов. А потом стало ясно, что масс-медиа просто все сильно искажают. Серьезно! Встречал людей, которые казались мне сильно "звезданутыми", а после личного общения оказывалось, что это не так. И наоборот, есть артисты-ионопланетяне, вот их я вообще не понимаю. Не буду переходить на личности — это не совсем корректно.

А. А.: — Момент, когда "съезжает крыша", мы уже пережили. По мне, чем меньше пафоса, звездности, тем лучше. Причем вести себя, как звезды, могут не только люди из шоу-бизнеса. Вот недавно нас пригласили выступить в очень престижном клубе для богатой публики. Люди демонстрировали свои дорогие костюмы, ботинки — и было дико весело на это смотреть. Мне приятнее тусовка, где можно пообщаться с близкими людьми и познакомиться с новыми, когда не смотрят, кто во что одет.

А. Б.: — У меня есть знакомые из шоу-бизнеса. Но они для меня, прежде всего, друзья, мы познакомились еще до того, как они стали широко известны. Вот, к приме-

ру, с Жаном из "Премьеров" мы дружим с детства. И нет никакой "звездной болезни".

— Изменилось ли ваше представление о жизни артиста, когда сами стали выступать?

А. А.: — Я с удивлением обнаружил, что на сцене все более простые люди, чем я представлял. Принято говорить, что в шоубизнесе много грязи, мы же этого не видели, и, надеюсь, что не случится в будущем. К тому же мы счастливы, что работаем с Игорем Матвиенко, с которым у нас очень хорошие отношения.

А. К.: — Я раз и навсегда понял, что если люди в тебе по-настоящему заинтересованы, они не потребуют денег за раскрутку. Оказывается, можно добиться чего-то в шоубизнесе и без денег.

— Ваши творческие планы на будущее?

А. А.: — Написать побольше хороших песен. Гастроли. Новые клипы. Осенью планируем второй альбом и большой сольный концерт в Москве.

— Название группы действительно связано с детским писателем, или это просто "нечто фундаментальное"?

П. А.: — На самом деле наше название появилось перед финальным концертом "Фабрики звезд-1" и впервые прозвучало со сцены в "Олимпийском" прямо на концерте. "Корни" изначально возникли из нашей первой песни "Я теряю корни".

Ну, а разговоры про нечто "фундаментальное", Корнея Ивановича Чуковского, уравнения с корнями — начались позже.

— У вас нет желания снять клип с использованием современных компьютерных нововведений?

А. К.: — Ну, неплохо было бы замутить что-то такое. Я лично не против. Но пока у нас клипы вполне традиционные, без компьютерных наворотов.

— Как реагируете на уколы критиков в свой адрес про поэтические метафоры и оксюмороны, гладиолусы не пахнут, например?

А. А.: — В каждом городе нас спрашивают про запах гладиолусов и изумрудные брови, которые колются на фоне луны.

Если честно, уже порядком надоело отвечать на эти вопросы. Да, текст, который написал очень хороший поэт Павел Жагун, неоднозначный, образный, а образы нельзя понимать буквально. Изумруд, гладиолусы — что-то ассоциирующееся с красотой. Однозначного толкования нет и быть не может.

А. Б.: — Я слышал, что "кавээнщики" хотели сделать пародию: выходит на сцену такое чудо с луной на лбу, с огромными зелеными бровями, с гладиолусами в руках, с баночками "крови и варенья из ласк", — в общем, все строго по тексту "Ты узнаешь ее". А голос за кадром сообщает: "Вот мы, наконец-то, узнали, какие девушки нравятся группе "Корни".

— Какие истории с фанатами у вас происходят?

А. А.: — Бывает, шлют SMS с угрозами или предложениями сексуального характера. Часто приходят сообщения типа "Я тебя люблю не как артиста, а как человека". Но ведь они со мной даже не знакомы!

Вообще, ужасно, когда твой телефон знает чуть ли не полстраны. Меняешь номер — какое-то время живешь спокойно, а потом опять начинается: круглосуточные звонки, сообщения непонятно от кого. А месяца два назад произошел почти мистический случай. Я был один дома, сочинял песню. Сижу, пою. Отложил гитару, через минуту приходит сообщение: "Спой еще, нам понравилось". Мне стало как-то жутко, я сразу свет во всех комнатах включил, телек, даже в окно выглянул, хотя живу не на первом этаже! В итоге оказалось, что фанатки под дверью сидели и слушали, как я пою.

А. Б.: — А ко мне как-то домой приехала поклонница из другого города с чемоданом. Была зима, мороз жуткий. Ну, мы с ней пообщались полчаса, поговорили о том, о сем. И она ушла. Не мог же я у себя ее жить оставить! Она это поняла. Теперь просто звонит иногда, письма пишет.

А. К.: — А у меня высвечиваются номера фанаток, которые постоянно звонят. Вот одна звонила и говорила, что собирается покончить с собой. Я уговаривал: не делай этого. Потом понял, что кончать жизнь са-

моубийством она и не собирается, просто ей нужен был повод мне позвонить.

П. А.: — Однажды на гастролях в Оренбурге наш автобус застрял в снегу. А тут как раз девчонки-фанатки прибежали за автографами. Увидели, что у нас автобус застрял, и предложили помочь. Пока мы расписывались, они нам автобус толкали... И вытолкали!

— Какую музыку вы любите слушать?

А. К.: — В графе "благодарности" на нашем альбоме я сказал спасибо группе "Scooter": именно после прослушивания их композиций я впервые задумался о том, чтобы самому написать какую-нибудь тележку. Мне нравится вся электронная музыка (брейк-бит, хардкор, джингл), ломанные ритмы еще с тех пор, как родители подарили мне синтезатор и я начал сочинять музыку.

А. Б.: — Люблю самую разную музыку: от ритм-энд-блюза, Энио Мориконе до рэпа, но больше всего нравится соул.

А. А.: — А я предпочитаю тяжелый рок, гитарную музыку. По мне, чем больше гитар, тем лучше! Я их даже коллекционирую: у меня их пять штук — и акустические, и электро.

П. А.: — Одно время я фанат от "The Beatles". А вообще, всякую музыку слушаю. Нравится "U2", Тори Эймос, немецкая "электроника". В музыке главное, чтобы она шла от души.

— Использовать творчество Игоря Сорина вы решили сами, или вам посоветовали, к примеру, "Иванушки"?

П. А.: — Есть песня "Понимаешь" на стихи Игоря Сорина, которую я пел с Ирой Тоневой. Ее написал Игорь Матвиенко чуть ли не лет десять назад. И вот эта песня лежала, лежала, и дождалась того момента, когда мы с Ирой Тоневой ее записали и спели на одном из пятничных шоу "Фабрики звезд-1". Потом эта песня вошла и в "Золотой граммофон", и в "Песню года".

А сейчас на наших сольных концертах для исполнения "Понимаешь" я на сцену приглашаю девушек из зала. И мы поем все вместе!

Беседовала Ольга БЫСТРЫХ.

Алла ПУСТЫНОВА

Лето еще не кончилось, а дизайнеры моды давно подготовились к осени. Свои коллекции они показали еще на весенних разнообразных Неделях моды. Поэтому, опираясь на их авторитетные мнения, можно уже говорить, чем следует пополнить свой гардероб к сентябрю. Как говорится, готовьте сани...

Вот в чем модельеры едины, так это в диктатуре коротких юбок. Девиз года — смело показывайте ноги, но, если хотите выглядеть при этом приличной особой, все же не

МИНИ диктат

очень рискуйте в своем азарте. Мини-юбки пришли на смену застенчивой романтике макси. Женственность, конечно, сохраняется, но в союзе с раскованностью и решительностью. Соответственной должна быть и одежда: яркой, броской и сексуальной. В по-

MARCO PISTOLI

следнем мнения дизайнеров все-таки расходятся. Одни считают, что только открытые плечи, а лучше, если только одно плечо, и высокие каблуки могут свести мужчин с ума. А французы утверждают, что только в мини женщина выглядит весьма сексуально.

Хотя, что можно придумать нового? Только если повторить тенденции 60-х и 70-х годов, когда короткая длина свела с ума весь мир. Тем не менее, отдельными деталями можно разнообразить любую одежду. Например, пальто-шинели и тренчкоты (это такие плащи с большими карманами, погонами, мягкими завязывающимися поясами) шьют из очень ярких тканей. И они тоже должны быть короткими.

Между прочим, в этом сезоне советуем спрятать куда-нибудь подальше и на время забыть юбки, свитера, пальто мрачных расцветок. Теперь разрешается надевать не только весной и летом, но и в темный осенне-зимний период ярко-желтые, голубые, розовые, сиреневые и зеленые вещи. Представьте, как на фоне серого асфальта заиграет чья-нибудь розовая дубленка, красные колготки, голубые сапожки, ботинки и малиновые пальто. Просто импрессионизм какой-то!

Ненадолго возвратимся к юбкам. Хотите знать, что в новом сезоне будет главным хитом? Юбки-колокольчики на кокетке. Очень трогательные, яркие, нарядные и, конечно же, короткие. Прямые юбочки тоже можно надеть, но они не должны плотно обтягивать вас, должны быть по объемнее и чуть-чуть длиннее. Кроме того, носите юбки с запахом или на завязках. В холодные дни приветствуются теплые, но все равно короткие юбки из сукна, твида, отороченные мехом. Супер-супер, как сказал бы один популярный киногерой!

Кроме описанных выше моделей, плаща и пальто, хорошо будут смотреться пальтишки небольшого объема, с маленькими воротниками и нечто напоминающее кафтан, подбитый мехом. Возвращаясь к актуальной моде 60-х годов, модельеры советуют также и форму трапеции, и подхватывающие талию мягкие пояса, и широкие

рукава. Все должно быть комфортно, тепло и опять же выше колена.

Чтобы не замерзнуть в короткой одежде, ноги утепляем плотными колготками контрастных цветов, в сеточку или с крупными узорами — всяческими кольцами, квадратами, вензелями.

В этом сезоне, похоже, мы можем поиграть в "восток", то есть появляться в обществе в традиционном китайском платье, которое обычно существует в "удлиненном" варианте, с высоким воротником-стойкой, склоненной застежкой. Но укоротите его и будете на гребне моды. А если надеть вместе с узенькими брючками, то получите еще один вариант "китайского" костюма.

По такому принципу можно носить мягкие и приятные на ощупь платья-свитера из тонкой шерсти и вязаного трикотажа ярких оттенков. В этом случае колготки и чулки должны быть или телесного или черного цвета.

В 80-е годы невероятно популярными были комбинезоны. Дизайнеры возвращают их к жизни и обещают повторный всплеск. Они — облегающие, яркие или из блестящего сиренево-серого атласа, отправляющего нас прямиком в Космос. Можно также сшить его из кожи, украсив металлической атрибутикой.

Поскольку образ этой осени — раскованная, но очень женственная современница, то особо будут выглядеть и костюмы. Они обязательно должны подчеркивать женственность фигуры. Например, костюм из мини-юбки и облегающего жакета или джемпера. И хорошо, если они сделаны из контрастирующих между собой тканей: гладкого трикотажа и объемного бутика.

Обратите внимание на прямые или слегка расклешенные брюки длиной до середины икры или на десять сантиметров выше щиколотки. Совсем широкие штаны, подметающие тротуар, надевать не стоит. А то обзовут ретроградом. Вам это надо?

В моду возвращаются береты. Пока нормальных размеров, но, возможно, позже они станут пышнее. Продолжаем носить кепки, только не серые и черные.

Красные, розовые, желтые, да какие угодно, но только не скучные. Не мешает запастись "мужскими" фасонами шляп с надломленными полями. Которые окажутся на своем месте с современными фасонами пальто и плащей.

Кстати, не забудьте о накладных подплечниках к пальто, свитерам, платьям и блузкам с широкими рукавами. Только не делайте из себя атлета с могучей мускулатурой. Все должно быть мягко, женственно, элегантно.

Теперь поговорим об обуви. Башмаки на толстой подошве и со шнурковкой рекомендуются лишь в поездках за город. На природе они весьма кстати, особенно в дождь и грязь. А на городских улицах ноги будут красиво выглядеть в высоких, обтягивающих сапожках, или в коротких ботиночках. В теплую, солнечную осень ваши ноги станут красиво смотреться в закрытых демисезонных туфлях. Но, что бы вы ни надели, приветствуется наличие каблуков. Носы сейчас предпочтительны круглые.

Из аксессуаров особенно модны многочисленные кольца на пальцах, тонкие браслеты и разнообразные кожаные пояса с выразительными пряжками.

А что это мы все о женской одежде говорим? Мужчинам тоже ведь надо чем-то прикрыться. Да желательно не абы как, а модно и со вкусом. И главное — аккуратно.

В нынешнем сезоне актуальны темные рубашки, особенно если надеть такую со светлым пиджаком. Сентябрь-октябрь — еще не холодные месяцы, можно одеться по-летнему нарядно. Галстук, впрочем, не обязателен, даже если предстоит выход в свет.

На работе лучше всего будет выглядеть шерстяной костюм в узкую полоску. Пара не обязательна, возможна комбинация пиджака с брюками другого, даже контрастного цвета. Брюки сейчас в моде без стрелок, карманами не перегружены. Длина такая, чтобы низ образовывал складку на ботинках.

Прочно поселились в мужском гардеробе джинсы, даже в союзе с пиджаком и галстуком. Хотя лучше бы соблюдать спор-

тивный стиль, он как-то изысканнее. Галстук не надевать, к пиджаку в полоску больше подойдет рубашка-поло с застежкой "молния". Джинсы хорошо смотрятся с мягкой обувью.

Очень продвинутым можно предложить красные, бордовые, синие, зеленые куртки. К рубашкам-пиджакам хорошо подойдут брюки с карманами длиною выше щиколотки и с вязаной резинкой. Кожаная или матерчатая сумка-рюкзак с широким ремнем удачно дополнит костюм.

А модные сейчас мужские сумки-планшеты на длинных ремнях надо носить, перекинув через грудь или пристегнув к ремню брюк. И чтобы обезопасить ее от воров, лучше перед собой, чтобы была на виду.

Мужская обувь — особый разговор. Носить можно все, что нравится. Но есть такое присловье, что хорошо одет тот, у кого хорошие ботинки. Старая, неаккуратная обувь из прошлой жизни портит все впечатление. Носки необходимо подбирать в тон обуви. Белые подходят только для кроссовок. И носки должны быть высокими и закрывать лодыжку. Особенно важно, когда мужчины сидят, закинув ногу на ногу. Голая кожа не должна "сверкать".

Очень популярны, как и раньше, мокасины и высокие ботинки со шнурковкой типа "унисекс".

Если в ненастную осеннюю погоду придется выйти на улицу, можно на голову надеть кепку или берет, который так же, как и в женской моде, становится актуальным.

Надо сказать, сейчас мода очень демократична, дизайнерских течений много, не во всем они совпадают, поэтому есть широкий простор для составления гардероба по своему усмотрению. Самое главное, чтобы "костюмчик сидел" и всегда соответствовал обстоятельствам — все-таки смокинг и джинсы рядом "не ходят". И еще. Если пойдете в магазин покупать пиджак, позовите кого-нибудь из друзей для дружеского совета. Ему со стороны виднее будет, если пиджак сзади повиснет неаккуратным мешком. Одежда — важная составляющая успеха в личной жизни и в карьере, чувствуйте себя уверенно. ■

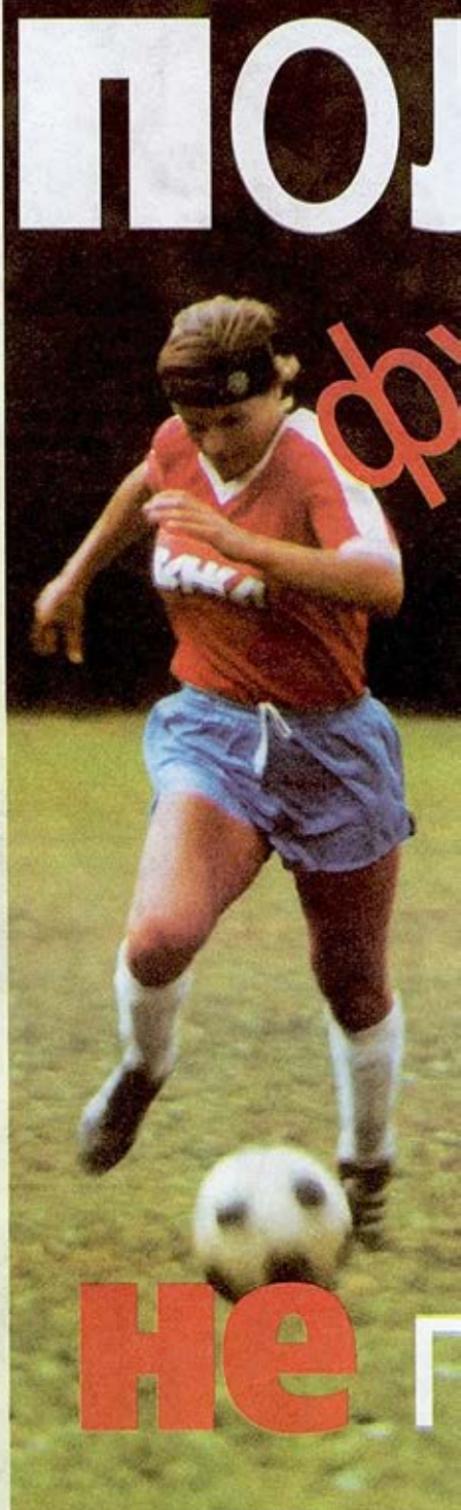
Анастасия ШАРАПОВА

Представительниц прекрасного пола издавна считали существами слабыми, беззащитными, а на многое и не способными. Иногда такой "имидж" действительно удобен и выгоден. Но сейчас все больше женщин доказывает себе и окружающим, что нет исключительно мужских профессий, увлечений и видов спорта. Правда, однако, что женщин боксеров, штангистов, гонщиц все еще встретишь нечасто, а вот увлекающихся и даже серьезно занимающихся футболом дам становится заметно больше.

Вообще-то, идея женского "ножного мяча" не нова. Самыми ранними свидетельствами его существования считаются фрески, созданные в Китае около 2000 лет назад. Так же документально подтверждено, что в конце XVII века в Шотландии состоялся матч, в котором участвовали замужние дамы и незамужние девицы. Но все же до 1970-х годов футбол считался мужским приоритетом. Женщинам запрещали "подобные вольности" по соображениям социальным (футбол-де не соответствует традиционным представлениям о женщине), медицинским (вреден для ее здоровья) и сугубо спортивным (дамский футбол по зрелищности и драматизму якобы ни в какое сравнение не идет с мужским). В какой-то момент национальные футбольные ассоциации Англии, Германии, Голландии тоже объявили женский футбол вне закона.

"Реабилитация" его началась только в конце XIX века. А уже в XIX в 1966 году в Англии прошло первое неофициальное состязание команд из разных стран, а в 1991 году состоялся первый официальный чемпионат мира. С 1996-го женский футбол включен в программу Олимпийских игр.

У нас в России женский футбол развивался весьма слабо, а у многих мужчин отношение к футbolисткам до сих пор снисходительно-ироничное. Показательна в этом вопросе статья в "Русском спорте" за 1910 год: "Лет десять назад часто приходилось слышать мнение, что футбол — только драка ногами", "...спорт этот только для мужчин. Ноги женщин обычно тяжелее, короче и слабее мужских, они не имеют необходимой при игре с футболом быст-

роты движения и ловкости". Конечно, тогда и стандарты идеальной фигуры были не те, да и иных дел у "бабонек" находилось предостаточно. И все-таки "тяжелые короткие ноги" и упреки в неуклюжести — это обидно! Однако, несмотря на такие заявления, уже в 1911 году в Москве создали три женские команды. Женская сборная России образовалась в 1990-м и впервые приняла участие в Олимпиаде 1999 года, заняв пятое место.

По утверждению экспертов, среди женщин в настоящее время футбол — самый популярный на планете командный вид спорта. В мире насчитывается более 20 миллионов футбольисток. 80 процентов от этого числа составляют спортсменки моложе 20 лет. В некоторых странах уже есть профессиональные женские футбольные лиги и яркие "звезды", как, например, американка Миа Хэмм, дважды признававшаяся ФИФА игроком года.

Но почему девушки выбирают именно футбол? Прежде всего, этот вид спорта невероятно популярен среди мировой общественности, в том числе и как зрелище. Россия — не исключение, и это доказал прошедший в позапрошлом году чемпионат мира. То, что наша сборная наконец-то приняла в нем участие, стало событием. Когда же начались матчи, вся страна от домохозяек и школьников до докторов наук и директоров крупных предприятий, слилась в едином порыве и фанатично болела за "наших".

Папы, дедушки и братья часто устраивают для своих родственниц добровольно-принудительные просмотры футбольных матчей. Друзья с азартом обсуждают, какая команда сильнее. Газеты, и не только спортивного направления, пестрят "новостями с полей". Даже с любимым человеком можно провести "романтический вечер" на стадионе, восторженно размахивая шарфиком в компании орущей толпы. Редкая девушка после такой обработки не воспылает желания хотя бы попробовать самой погонять мяч. Постепенно игра захватывает, подстегивает желание доказать противному братцу, что ты и мяч — не так уж и нелепы.

фото Владимира Чайшилли

по... И вот "платформы" и "шпильки" летят на антресоли, а на смену им приобретаются кроссовки, кеды, бутсы.

Женщина-футболист — насколько это приемлемо в современном обществе, красиво, результативно? Этим вопросом я обратилась к людям, имеющим определенные мнения и представления об эстетике и технике игры. Первыми высказались фанаты и просто любители.

Моя сокурсница Ольга в свободное время любит погонять мяч в компании ребят и девчонок. Она считает, что футбол помогает совершенствовать и тело, и характер. Игра заражает азартом, объединяет; на поле каждый чувствует свою значимость и ответственность перед командой.

— Начала я играть в секции при нашем университете, — рассказывает Оля. — Первый раз, помню, чувствовала себя безумно зараженной, практически не перемещалась по площадке, чтоб не мешать и не позориться. Но, видя все это "действие", не могла устоять. В следующий раз уже начала рваться в бой, ведь только так можно чему-то научиться!

Что касается "полового" вопроса, то, по своему опыту, Оля заметила, что девушек, действительно умеющих играть, парни уважают, общаются на равных, а вот неумех предпочитают избегать. Есть же парни, которых девичья пассивность раздражает. Такие могли даже накричать, особенно когда бездействующая еще и под ногами мешается.

— Поиграть в свое удовольствие, конечно, здорово, а вот к профессиональному женскому футболу я отношусь отрицательно, — неожиданно закончила Ольга. — Может, я старомодна, но, на мой взгляд, мощная тетка (а профессионалки, в основном, такие) — это абсолютно не красиво и не женственно.

А что же думают представители противоположного пола? Я не удивилась, услышав, в основном, отрицательные суждения. Большинство футбольных ценителей к недостаткам женской игры относили крайнюю эмоциональность и непрофессионализм.

Один из опрошенных молодых людей, Сергей (22 года; уже лет пять играет в команде, организованной совместными усилиями), рассказал о неудачном опыте просмотра "девачачего футбола":

— И по силе, и по технике девушки гораздо слабее. Даже для мужиков, шутка ли, отбегать два тайма по 45 минут, поэтому уже к середине игры футболистки просто "никакие"! А еще у женщины по природе сильно развит инстинкт самосохранения. Возможно, поэтому она редко проводит интересные удары, избегает рискованных маневров. И еще женщины чересчур эмоциональны и непредсказуемы. Иногда их действия во время игры кажутся абсурдными. Смотрел недавно игру женской сборной. Честно говоря, до конца не досмотрел — было не особо интересно.

Что ж, не очень-то восхищается молодежью женским футболом. И тем не менее, многие девушки сегодня активно ищут единомышленниц, приходят в спортивные клубы или же организовывают свои сборные. Как поступили, например, студентки педагогического университета. На филологическом факультете девушки загорелись желанием играть в футбол, нашли тренера (тоже студента) и в итоге собралась полноценная команда.

Некоторых игроков тренер Александр Иванов приглашал сам. Среди них Татьяна Кучерова:

— Саша предложил поиграть, и меня это действительно захватило. Я серьезно отношусь к тренировкам и к соревнованиям, однако футбол для меня скорее хобби. Он не мешает учебе, помогает держать себя в хорошей форме, сбросить негативный заряд. Многие до сих пор говорят, что это не женский вид спорта. Я не согласна. Женщины играют ничуть не хуже. Насколько знаю, россиянки, например, показывают в мировых первенствах намного более высокие результаты, чем наши футболисты-мужчины.

Несмотря на молодость тренера, девочки прислушиваются к его советам, играют по правилам. "Но бывает, мы даем себе волю немножко покапризничать, — призна-

ется другая футбалистка, Надежда Тихонова. — Кроме того, во время игры происходит огромный выброс энергии, девчонки становятся агрессивными. Ребята же достаточно сдержаны, поэтому им с нами сложнее".

Более критичную оценку типично женскому поведению во время игры дал секретарь английского общества судей Ф. Харвуд:

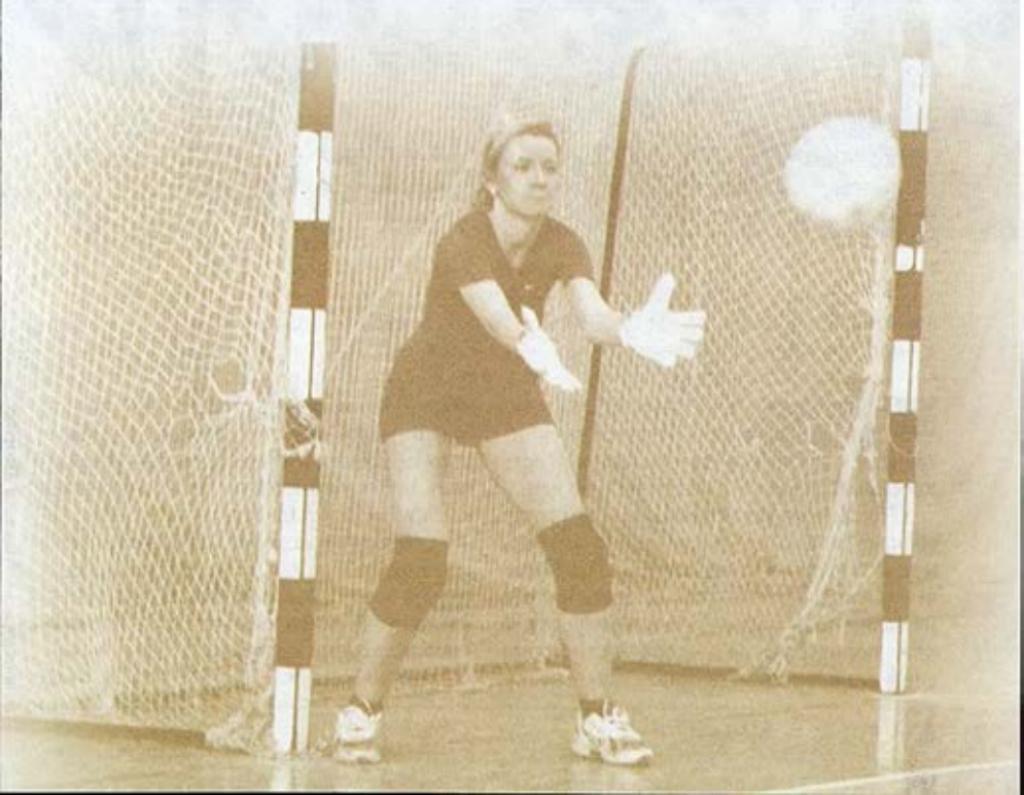
— Лексикон футбалисток во время игры мало отличается от "соленого языка" команд горняков. Матчи женских команд слишком горячи, чтобы их судили мужчины. "Переговорить" футбалисток невозможно. Они кокетничают с судьями, а при назначении пенальти пострадавшие, зачастую, начинают плакать. В связи с этим судьи — члены ассоциации футбола английского графства Дербишир — отказались от участия в женских матчах.

Уважаемые англичане могут, конечно, таким образом учить спортсменок правилам хорошего тона, могут бойкотировать

женские чемпионаты, но команды без них не пропадут, ведь вместе с женщинами-футбалистами появились и женщины-судьи. Еще в 1925 году состоялся матч, который судила женщина — Елена Павловна Сумарокова. "Дебютантка весьма сурово давляла попытки к грубой игре, что можно только приветствовать" — писала одна из ленинградских газет.

Напоследок приведу слова одного уже довольно зрелого поклонника футбола, в том числе и женского:

— Сегодня женщина уже не хочет и не может быть слабой, полагаться лишь на мужа, как это было раньше. Ты личность и должна реализовать себя, пусть и в "неженском" деле, будь то борьба, гонки или тот же футбол. Да, будут и упреки, сомнения, насмешки, но это должно только подстегнуть к более высоким результатам! Не обижайся и относись к упрекающим снисходительно. Может, не стоит доказывать, что ты лучше, но ты, без сомнения, не хуже других. Поверь в себя и дерзай!

Сергей ЧЕКМАЕВ

Лебедь на обложке

Алле Сергеевне я доверяю. Она женщина умная, отнюдь не склонная к истерикам и эпатажу, и если уж говорит "есть проблема", значит — действительно есть.

Только вот по времени мы никак не совпадаем. Она же училка, самый жаворонок из жаворонков, чего с нее взять? Привыкла еще практиканкой вставать ни свет ни заря, чтобы поспеть к первому уроку. И даже поднявшись до ректора не самого последнего в городе вуза, Алла Сергеевна ни-

как не хочет менять привычное расписание. В девять утра уже на месте, распекает кого-то, бывает, что и наоборот — успокаивает, или же ругается по телефону с шишками из муниципалитета...

...Несколько секунд я очумело крутил головой, соображая, где и что так пронзительно звенит. А-а, телефон. С проклятиями нащупав в изголовье аппарат, я приветливо прохрипел в трубку:

— К-то?

Понимаю, что невежливо, но прошло, дай Бог, часа три, как я лег, и на сантименты не тянуло совершенно.

— Я тебя разбудила? Извини, Рома, это я, Алла Сергеевна. Есть проблема. Нужна твоя помощь.

Тон у нее был такой, что сон слетел с меня в мгновение ока. Вместе мы работаем давно, и я не стал тратить время на распросы.

— Когда?

— Часов около трех. Сможешь? У меня, в директорской?

— Конечно.

— Вот и ладненько. Вызову проблему к себе, заодно и познакомишься лично.

В половине третьего я припарковался у института. Надо еще послушать, что Алла Сергеевна скажет.

Охраня явно предупредили — молчаливые мальчики в черной форме пропустили меня без слов. Минут пять яостоял в холле, вбирая в себя полузаубитую студенческую атмосферу. Правильный настрой — полдела для первого контакта.

Алла Сергеевна встретила меня в дверях.

— Ромка! Спасибо, что приехал! Ох, ты какой официальный, и не скажешь, что пару часов, как проснулся.

— Работа такая, приходится соответствовать. Кто б мне доверял, приди я расхристанным неряхой? Да и проблема ваша, как я понял, женского пола?

— Да, а как ты догадался?

— Парня вы бы показали издалека, нет смысла в кабинет приглашать. Тут бы он, скорее всего, замкнулся, колючим стал, враждебным. По себе помню: в кабинете директора всегда молчал, как партизан на допросе. Работать с таким сплошное мучение. Ничего не вытянешь.

— А ты, значит, понял, что к девочке едешь, и принарядился?

— Куда уж мне! В кавалеры я ей по годам не подхожу — если возьмусь разыгрывать подобную роль, только все дело испорчу. Запишет меня в категорию приставучих самцов-перестарков и относиться буд-

дет с презрением — никакого контакта не жди. Было б ей лет тридцать, тогда — да: не прояви я к ней мужского внимания, она моментально пришла бы к выводу, что либо она плохо выглядит, либо я импотент, и дальше только об этом бы и думала. А к вашей проблеме другой подход нужен...

Она оглядела меня с головы до ног и прищурилась оценивающе:

— Ну да, ну да, благородная седина в волосах, умные, чуть усталые глаза, на лице — печать доброты и понимания...

— Ага. Джордж Клуни на пенсии — мечта закомплексованной девицы восемнадцати лет.

Улыбался я один. Алла Сергеевна оставалась серьезной.

— Что-то с ней очень не так, Ромка. Не могу понять. На контакт не идет, ни с кем не идет, понимаешь! В компании я ее ни разу не видела, отсидит пары — и домой. И парни ее почему-то сторонятся, а у нас тут такие ловеласы — о-го-го! Почему, не понятно: девчонка она красивая, видная, когда мимо проходит, "казановы" наши доморощенные так и скрипят глазными яблочками ей вслед. Решила у парней выспросить, что да как... — Она сделала паузу и в ответ на мой вопросительный взгляд махнула рукой. — ...Ничего. Пыталась выяснить намеками — делают вид, что не понимают, а когда в лоб спросила — отмалчиваются, глаза в пол прячут.

— Может, она из какой-нибудь секты? Были такие случаи...

— Нет, Ромка, здесь не то. По одежде не подходит, в общем, сам увидишь.

— Так в чем же дело?

— Никак в толк не возьму.

В дверь постучали.

Алла Сергеевна сделала мне знак рукой: "садь", спросила шепотом:

— Тебя как представить?

Сработались мы с ней за эти годы четко — я понял ее с полуслова. Ответил коротко:

— Психолог. Имя настоящее.

В новой школе ребята за глаза звали Сашу "монашкой". В лицо — никогда,

впрочем, с ней вообще старались не общаться. Да и какой смысл, если новенькая всегда отмалчивается? Такую даже дразнить неинтересно. Пробовали поначалу, когда Саша только пришла в класс, но быстро надоело. "Монашка" не обижалась, не плакала, не лезла в драку, нет, она никак не реагировала, просто проходила мимо — и все.

Она никогда не участвовала ни в каких школьных проектах и концертах, никогда не ходила сама и не приглашала к себе на день рождения — в классе даже не знали, когда он у нее... Сашу звали выступать в самодеятельном театре — отказалась: просто "нет", не объясняя причин. Все, кто пытался сойтись с ней ближе, натыкались на стену молчания и — очень редко — холодной вежливости.

Не сразу, через полгода примерно, кто-то обратил внимание, что Саша носит только брюки. В любое время года, в любую погоду — свободные брюки с широкими штанами, совершенно не подходящие к ее ладной фигурке. Никто никогда не видел ее в юбке. Зимой это не бросалось в глаза — многие так ходят, холодно же! А вот с первым весенним теплом, когда девчонки на перебор начинают щеголять все более коротким подолом, кто-то из парней мечтательно сказал: "Эх, вот бы у нашей монашки ножки посмотреть!" Сначала все это было похоже на шутку, даже некоторый азарт появился: кто первый? Ребята спорили, заключали пари, хвастались, обещали... Пари так никто и не выиграл — до конца мая, несмотря на удивительно раннюю в том году жару, Саша изо дня в день появлялась в брюках.

И еще. Новенькая ни разу не была на физкультуре, не ходила со всем классом в бассейн. Вроде бы была у нее какая-то справка.

Летом, получив освобождение, Саша не поехала вместе со всеми на практику, и на нее окончательно махнули рукой. Там, в лагере, многие познали первую любовь и первую ревность, в классе образовалась не одна устойчивая пара, надолго снабдив всю школу материалом для сплетен. О Саше как-то сразу забыли.

Но ребята просто ничего не знали.

В одиннадцать лет Сашу сбил грузовик. Здоровенный МАЗ подавал задним ходом в арку, а девочка как раз проезжала мимо на первом своем велосипеде — отцовском подарке на день рождения. Водителю очень тяжело было увидеть ее в зеркале заднего вида, машина ударила Сашу краем борта и протащила. МАЗ остановился, только когда вскрикнула соседка, чуть не потерявшая сознание от ужаса. Саша кричать не могла. Водитель моментально затормозил, выскочил из кабины, но было уже поздно...

Сашу долго и трудно лечили, нога срослась довольно удачно — в детстве переломы не так опасны, пусть даже и самые сложные — и более-менее зажила. Но на этом все не закончилось. Привыкнув за три года бесконечного лечения ковылять и хромать, Саша вдруг решила, что нога у нее теперь — кривее некуда, и на такую уродину никто никогда не посмотрит. Мама так и не смогла ее переубедить, а со старыми друзьями Саша порвала раз и навсегда, упросив родителей (отец тогда еще жил с ними) перевести ее в другую школу.

Она боялась сходить с кем бы то ни было, боялась подпускать близко, и уж тем более пугалась, когда парни пытались оказывать ей хоть какие-то знаки внимания. К шестнадцати годам Саша окончательно замкнулась в себе. Слава Богу, в новой школе после недолгого периода жгучего интереса к необычной однокласснице, ее просто сочли "странный" и оставили в покое.

Одиннадцатый класс Саша окончила с золотой медалью. Выбор "куда поступать?" перед ней не стоял, она давно нацелилась в педагогический, несмотря на недовольство мамы.

Весь первый курс она чувствовала, что к ней присматриваются. Одногруппники — понятно, но директорша... Саша все время ощущала на себе ее пристальный взгляд. Конечно, несмотря на свой строгий вид, Алла Сергеевна отнюдь не казалась злобной мегерой, скорее наоборот, — в ней чувствовалась настоящая учительская доб-

рота, понимание, вечная готовность помочь. Не раз хотелось броситься к ней на грудь, расплакаться, все рассказать... Саша с трудом сдерживалась.

И вот Алла Сергеевна вызвала ее к себе в кабинет. В чем дело? Неужели догадалась?

Это сейчас я могу пересказать все так четко и подробно. После того, как поднял архивы того дела с наездом, переговорил с врачами, кого смог найти через столько-то лет, после того, как побывал в гостях у Сашиних учителей, после того, наконец, как созвонился с ее мамой, представившись штатным институтским психологом. Тогда же на меня просто обрушился вал эмоций, целая Ниагара скрытой, затаенной боли. Больше всего на свете Саша боялась, что кто-то узнает ее тайну, и люди в открытую начнут потешаться над ее "уродством".

Господи, каким еще уродством?

— Здравствуй, Саша! Проходи, знакомься: это наш психолог, Роман Валентинович.

Вошедшая девушка была не просто красива, — некрасивых лиц у восемнадцатилетних девчонок не бывает, если природа к ним хоть сколько-нибудь справедлива, — красота ее казалась загадочной, скрытой, она словно бы просвечивала изнутри. Может быть, потому, что Саша упорно пыталась ее спрятать: она не пользовалась косметикой, волосы, собранные вот так — в пучок на затылке, ей совершенно не шли... Да еще эта одежда! Вытянутый, мешковатый джемпер, бесформенные "рэперские" штаны, изрядно разношенные кроссовки на толстой подошве.

Права Алла Сергеевна, на сектантку она не тянет — слишком уж молодежный прикид. Нет этого извечного платка, скрывающего волосы, опущенных к земле глаз, кроткой покорности...

Нет, здесь не то.

Саша осторожно присела на краешек стула, посмотрела на меня чуть ли не враждебно.

— Добрый день.

— Саша, Алла Сергеевна пригласила меня провести предварительное тестиро-

вание на вашем курсе. Тестирование добровольное, ты в любой момент можешь отказаться.

Видимо, мой вид и тон несколько ее успокоили. Поняв, что принуждать ее ни к чему не собираются, Саша все еще настороженно, но уже без прежней враждебности, спросила:

— А для чего?

Я протянул ей одну из своих визиток. "Ассоциация "Новая Педагогика", Арсеньев Роман Валентинович, психолог".

— Ты знаешь, наверное, что после сдачи летней сессии первый курс проходит начальный педагогический практикум?

— Да, знаю.

— Так вот. Просто так никто не направит студента, как бы хорошо он ни сдал экзамены, на практику в детский сад... По просьбе Аллы Сергеевны, наша ассоциация проводит тестирование наиболее перспективных студентов: способность работать с детьми, гибкость поведения, психологическая устойчивость и так далее. Преподаватели порекомендовали тебя, и мы...

— Только меня одну? — недоверчиво спросила Саша.

— Нет, — моментально сориентировавшись, ответила Алла Сергеевна. — С твоего курса еще восьмерых. Двоих ребят и шестерых девушек.

— А можно узнать — кого именно?

Если она пыталась нас поймать, то ей не удалось, — ответ у меня был заготовлен:

— Извини, Саша, мы не можем тебе этого сказать. Тестирование анонимное и совершенно конфиденциальное. Если вдруг кто-то не подойдет, как ты думаешь, приятно ему будет сознавать, что все вокруг об этом знают? Тебе, например?

Саша смущалась.

— Извините, я не подумала.

— Так ты готова?

— Да. Что я должна делать?

— Ничего особенного. В пятницу, к пяти часам подъехать по адресу на визитке. Сможешь?

— Смогу.

— Прекрасно. Вот и договорились.

"Новая педагогика" — хорошее прикрытие для моих дел. Вроде как я трудными подростками занимаюсь или пресловутым "синдромом рассеянного внимания". На радость заскучавшим было мамашам, которые у своих вундеркинов неожиданно обнаружили полный дневник двоек. Как?! Что?! Мой ребенок — двоечник?! Не может быть! Идут к нам, а тут душка Роман Валентинович на пальцах объясняет, что у подросшего дитятки неожиданно проснулась ридингофобия или тот же самый "синдром".

"Не бойтесь, уважаемая, — обычно успокаиваю, — ваш сыночек так и остался вундеркиндом, надо только программу обучения изменить". Ну, а сам смотрю, конечно, в чем действительно состоит проблема. Почему у бывшего гения школа вдруг стала вызывать такое отвращение, что ни учиться, ни даже идти в нее не хочется.

Невинный вопрос, другой, третий, и как только слово "школа" проскользнуло — сразу удар эмоций. Дальше — обычный ассоциативный тест, главное, не спугнуть.

Обычно все просто до банальности, — учительница возненавидела, старшеклассники через два дня на третий мутузят в туалете, девчонка из параллельного класса взаимностью не отвечает... Ну, маме же не объяснишь! Советую перевести в другую школу или учить по индивидуальной программе.

Потом приходят — благодарят, суют какие-то конвертики. Подарочными бутылками уже весь бар дома забит, пить все равно некому.

Саша приехала чуть раньше (удача!), робко постучалась ко мне в кабинет.

— Можно?

Я как раз заканчивал с очередным злополучным вундеркиндом — парень надорвался от чрезмерных кружков и секций, перестал верить в себя. Вот и пошли двойки. Легкий случай.

— Саша! Здравствуй! Мы сейчас, подожди, пожалуйста... Буквально пару минут.

Девушка кивнула, тихо прикрыла дверь. Юный гений, по-моему, так и не за-

метил ее появления. Я оказался чуть ли не первым человеком на его коротком жизненном пути, который не требовал от него новых результатов, медалей олимпиад и выигранных конкурсов. Я просто радовался его достижениям, приглашал разделить радость вместе. Объяснил и показал, что его победы нужны, в первую очередь, ему самому, не только папе с мамой, тете Инне и многочисленной родне.

Уходил вундеркинд окрыленным.

— Спасибо, Роман Валентинович! Спасибо...

В приемной нам навстречу поднялась встревоженная мама:

— Ну, что скажете? Таблетки? Мне подруга посоветовала...

— Не стоит. Думаю, все поправится и так.

— Но...

Парень дернулся. Я успокаивающе положил руку ему на плечо.

— Поверьте мне. Все-таки я не первый год этим занимаюсь. Через неделю зайдите — сверим результаты. Тогда и поговорим о таблетках. Но, думаю, они не понадобятся.

Мама пожала плечами, молча развернулась и ушла, спиной демонстрируя мне свое неудовольствие. Конечно, она мне не поверила. Не тот тип. Но зато теперь она специально выждет неделю, ничего не предпринимая, чтобы потом явиться в мой кабинет и победно воскликнуть: "Ну, я же говорила — нужны таблетки!"

У самого выхода юный гений обернулся, помахал рукой.

Все будет в порядке, парень.

Саша сидела в низком кресле у стены, листала журнал. Я приглядился: "Подиум"! Вот так да!

У меня в приемной на столе навалена куча глянцевых изданий. Отнюдь не для того, чтобы развлекать клиентов в мое отсутствие — я предпочитаю не опаздывать. Это тоже своего рода тест. По тому, какие журналы листает заскучавший в приемной психолога человек, можно сказать многое. Ведь пациент волнуется, бывает, — чего скрывать! — даже боится визита к нам, поэтому, желая хоть как-то отвлечься, хватает

не первый попавшийся таблоид, а что-нибудь близкое, знакомое, понятное. Даже сокровенное...

— «Подиум», значит...

Первый тест не выявил почти ничего. Я понял только, что Саша считает себя некрасивой, не достойной внимания, даже отталкивающей.

Отвечала она, впрочем, охотно, и я не упустил шанса пройтись по эмоциональному ряду:

— Саш, сейчас небольшой ассоциативный тест. Я буду называть слова, а ты, не задумываясь, в ответ называешь цвета, первыми пришедшие тебе на ум. Можно два. Согласна?

— А зачем это?

А подозрительность в ней так и не прошла. Такое ощущение, что и не пройдет. Саша будто постоянно ждет подвоха. От каждого. От всех, в том числе и от меня.

— Видишь ли, по итогам теста я смогу точнее обрисовать область твоих интересов.

Саша с усилием кивнула. Ей все еще что-то не нравилось.

— Начали. Дом.

— Желтый.

— Город.

— Серый. Серый и черный.

...

— Поезд.

— Синий... и желтый.

— Машина.

— Черный.

Как быстро она ответила! Тepлее...

— Автобус.

— Желтый.

Конечно, стандартный городской автобус.

— Грузовик.

Секундная заминка.

— Черный!

Она почти выкрикнула. В точку! Так, теперь спокойнее...

— Тротуар.

— Серый.

— Модель.

— Оранжевый. — Саша подняла на меня глаза, и я снова, как и два дня назад, в

институте, чуть не оглох от эмоционального удара. — Оранжевый и... голубой.

Мы еще немного побеседовали. Я старательно делал вид, что ничего не произошло. По-моему, мне удалось ее обмануть. Саша отвечала охотно, поскольку вопросы были безобидными. Но это я делал, что называется, для отвода глаз.

— Хорошо, Саша, спасибо, — сказал я наконец. — Думаю, ты подходишь. Я еще поработаю с результатами, а завтра вышлю Алле Сергеевне рекомендацию.

Я проводил Сашу до выхода, попрощался. Вернувшись в кабинет, сразу же занялся изысканиями.

Через три дня я уже все знал. Абсолютно все. Вплоть до номера грузовика и фамилии терапевта по лечебной физкультуре, который четыре года назад приводил в порядок Сашину ногу. Я знал как точно, в медицинских терминах, называются первая и вторая операции, сколько дали водителя...

Я не знал только одного. Почему Саша считает себя уродиной? По отзывам врачей, нога срослась нормально. Бегать, как раньше, Саша, конечно, уже не могла, но физиотерапевт свою работу сделал — связки и сухожилия заработали как новенькие. В истории болезни написано четко: "остаточной хромоты не наблюдается". Внешних последствий никаких, разве что несколько небольших шрамиков, легко прикрываемых первым же загаром.

Так в чем дело?

Вечером того же дня я решился позвонить Сашиной маме. Представилсь вузовским психологом, разговорил, благо это оказалось несложно, и...

Саша ненавидела себя. Буквально. Те страшные три года, сначала в коляске, потом на костылях с ужасным фиксатором на голени, похожим на сосущее кровь инопланетное чудовище. Потом Саша заново училась ходить. Сначала с помощью ходунка... Было больно. Зверски больно. Я получил те три спрессованных года разом — одной эмоциональной вспышкой. В кабинете у Аллы Сергеевны.

По-моему, они для Саши так и не кончились.

Внутренним взором она продолжала видеть изувеченную ногу, худую, в перекрестье шрамов. На голени все еще пил кровь фиксатор.

Внешне нога зажила. Только Саша в это так и не поверила. Со стороны она на себя посмотреть не могла. А изнутри казалась себе уродиной.

Но это было не все.

Лет с десяти, как и все девочки ее возраста, Саша мечтала стать фотомоделью. Только, в отличие от многих — Саша имела все шансы. Если бы не тот грузовик...

— ...и вот теперь, сами понимаете. Она, конечно, об этом не говорит... она вообще неразговорчивая стала... но я-то вижу. Как по телевизору показывают что-нибудь про моделей, про подиум — смотрит, не отрываясь. Журналов понавыписывала. — Мама вздохнула. Я отчетливо представил, как она обреченно махнула рукой. — Единственная у нее в жизни отрада — летняя поездка. У меня сестра двоюродная живет в Феодосии, так Сашенька каждый год на каникулы к ним выбирается. Раньше вдвоем, а как постарше стала — я уже ее одну отпускаю. Мила... Людмила, сестра, обещала присматривать. Да и легче ей без меня. Я на пляже привыкла, чтоб шезлонг, люди кругом, было с кем поговорить... — Муж ушел через год после аварии, вспомнил я. — ...а Сашенька со мной. Только на пляже она раздеваться стеснялась, так и сидела в брюках. Ее больше на дикие места тянуло, в самую глушь, где нет никого. Аркадий Анатольевич, физиотерапевт, посоветовал прогревать ногу на солнце, загорать, чтобы кожа окрепла... Ну, Сашенька и пряталась по самым дальним углам. Пару раз поругались мы с ней, а на следующий год я-таки решила отпустить ее одну. Этим летом тоже поедет.

— Когда? — непроизвольно вырвалось у меня.

— Как сессию сдаст, в июле. Да еще этот практикум... Вы уж меня извините, но я была против вашего института. Сашенька настояла...

Дальше я почти не слушал.

Итак, у меня оставалось два с половиной месяца. Я ломал голову весь май и весь июнь. Как сделать, чтобы все вошло в норму? Как вернуть Сашу? Ехать самому? Пожалуй, не стоит. Она увидит "психолога", быстренько сложит два и два, все поймет и снова замкнется. Тогда никакого отпуска не хватит, чтобы пробиться через ее броню.

И я вспомнил о Николке.

Вот и с Николкой так же получилось.

Он записался на прием, зажатый и неуверенный приплелся на первый сеанс. Видно было, что парню явно не по себе. Помятый вид, припухшие веки, синяки под глазами, щетина...

— Добрый день, — несколько недуменно произнес я. Алкоголик дверью ошибся? Есть у нас этажом выше фирмочка по кодированию от запоев. Нет, не похож. Но в последнее время парень явно сдружился с бутылкой.

— Понимаете, я...

Телефон тихо тренькнул, я специально выкручивал громкость звонка на минимум, но посетитель услышал, вздрогнул.

Я взял трубку.

— Алло, Ромашка! Приветик, Мизери говорит! Узнал? Слушай, солнце, я тут к тебе чудо одно направила, вчера, что ли... или нет? Ну, не важно. Чудо зовут Николаем, Николкой. Он фотохудожник, я про него статью недавно писала. Очень талантливый парень! Видел бы ты его сейчас в "Артхаусе"!

Второй недостаток Мизери (по паспорту, кстати, Маши Лобановой) — чрезмерная разговорчивость. И прерывать нельзя — потеряет нить, по ассоциации вспомнит какое-нибудь пропущенное сверхважное дело и ускакет.

— И тут, понимаешь, Ромашка, такая неприятность: он персоналку затянул, причем сам, без раскрутки. Ну, не дурачок ли? Денег позанимал. А она возьми и провалясь! И думать нечего: Колесов не приехал, из "Dom'a" — тоже никого, не знали просто. Вот и пришло на выставку полтора человека. Представляешь, первая персональная выставка — и пустые залы! Один

Николка из угла в угол бродит. Короче, бедняга уверился в своей абсолютной бездарности и впал в депрессию. Вторую неделю сидит дома в обнимку с бутылкой. Ты уж посмотри, может, поможешь парню, а? Жалко ведь, сопьется. Думаю, где-нибудь в конце недели он заявится. Как проспится, так и заявится...

— Он уже пришел, — сообщил я. — Только что.

— Да? Ну, надо же! Быстро справился, не ожидала. Я же ему только вчера... Ой, блин! Извини, Ромашка, бежать надо! Чрез полчаса у "Космо" презентация! Новое приложение! Опаздываю. Поки-чмоки! — Мизери отключилась.

...Собственно, тогда с Николкой у нас мало что получилось. Незадачливый фотограф страдал от жестокого похмелья и несправедливости жизни. Да и случай тяжелый оказался — с насекома не возьмешь.

Мы провели еще пять сеансов, Николка постепенно ожидал, и теперь мне нужен был завершающий штришок. Поступок, который окончательно вернул бы парню веру в себя.

Николка подошел почти сразу — телефон и двух гудков не успел сделать, словно бы ждал моего звонка.

— Романлентины! Здравствуйте!

— Николка, — сказал я донельзя официальным тоном. На том конце что-то прошуршало и замерло. Я живо представил себе Николку, вытянувшегося во фрунт. — Слушай. Мне нужна твоя профессиональная помощь...

Конечно, я ничего не рассказал ему про Сашу. Незачем. Я повернул дело так, что некому журналу, мол, очень нужны приватные снимки известной фотомодели. А искомая фотомодель как раз сейчас удалилась от всего мира в заслуженный отпуск, прячется в самых диких местах, чтоб не глязели праздные зеваки. Намекнул, что за естественность позы любой журнал отвалит кучи бабок, да и фотограф, сделавший подобные снимки, сразу станет сверхвостребованным. Этим я его и купил.

Наутро Николка примчался ко мне за Сашиной фотографией.

Мешковатый джемпер и вытянутые джинсы не обманули и его. Наметанным глазом художника Николка сразу же разглядел настоящую Сашу за ее маскировкой.

— Вот это да! — Он прищелкнул пальцами. — Какая девочка! Что-то раньше я ее не видел, новенькая, что ли?

— Новенькая, — ответил я. — Только-только появилась. Поможешь?

Николка кивнул:

— Для вас — что угодно, Романлентины! — И еще раз украдкой глянул на Сашу.

Утренним рейсом он улетел в Феодосию.

Больше я его не видел.

Саша сидела на теплом черноморском песке, любовалась морем, игривым и ласковым, как любимый щенок.

Дикий пляж пуст, вокруг — никого. Если закрыть глаза и не видеть давным-давно выброшенных каким-то неряшливым туристом проржавевших консервных банок, можно представить, что ты одна на всем свете.

И тишина. Только кричат чайки, и неугомонное море раз за разом с шелестом накатывается на пляж, отступает, снова накатывается — так без конца.

Камни зашуршали под чьими-то ногами неожиданно. Саша вздрогнула, открыла глаза, привычным уже жестом накинула на ноги покрывало.

“Ну, кого там еще принесло!”

Саша обернулась.

По петляющей с мыса тропинке спускался парень. Нормальный, в принципе, парень, даже красивый, если бы не ежик трехдневной щетины. Шорты, цветастая гавайка, объемистая сумка через плечо... Нежужели кто-то еще присмотрел ее место?

Саша смерила незнакомца неприязненным взглядом. Он предпочел не понять намека.

— Привет! Загораешь?

Саша неопределенно кивнула. Не хватало еще с ним разговаривать!

— Можно мне с тобой?

Она совсем уже было собиралась ответить “нет”, но дружелюбный тон, распола-

гающая улыбка и неожиданно вспыхнувший на щеках парня румянец заставили ее передумать.

— Садись. Места много.

Незнакомец представился Николаем, "можно Николкой", и, покраснев еще гуще, добавил, что он фотохудожник, сюда пришел "на этюды": снимать природу.

— Если я тебе мешаю — скажи. Мне всего-то надо пару снимков сделать. И я сразу уйду...

К собственному удивлению, Саша ответила совсем не так, как хотела:

— Да нет, не мешаешь. Присаживайся — поболтаем. Скучно здесь сидеть одной целый день.

Николка оказался вполне сносным собеседником. В меру болтливым и не в меру веселым. Саша без труда включилась в разговор, с некоторым даже страхом ощущая в себе пробуждающуюся симпатию к Николке.

— Знаешь, — сказал он вдруг, — очень здорово смотришься вот так, у самой кромки. При хорошем освещении я бы взялся сделать такой снимок, что Сидни Кроуфорд умерла бы от зависти!

Саша вздрогнула.

— Да-да, — Николка, словно бы воодушевившись, привстал, обвел рукой горизонт. — Пустынный пляж, только море и небо, а в центре — ты! Красота природы гармонирует с красотой женщины! Невозможно оторваться!

— Так уж прямо...

Речь давалась Саше с трудом. Сам того не подозревая, Николка разбередил, казалось бы, давно уже залеченную и забытую рану.

— Сейчас, сама увидишь...

Николка порылся в сумке, достал пачку фотографий.

— Ты извини меня, пожалуйста, за дерзость, но я просто не смог удержаться.

— От чего?

— Саша, прости, но я уже третий день тебя снимаю. Вот, смотри.

У Саши задрожали руки. Часть фотографий упала на песок.

Вот она на фоне заката, расчесывает волосы... Это вчера, перед уходом. Вот бо-

соногая Саша бродит по песку, расстилает покрывало...

Качественные фотографии, сделанные подлинным мастером своего дела, просто заворожили ее. Это она? Она сама, никто другой? Вот эта девушка, по-настоящему похожая на фотомодель, одну из тех, что Саша так часто рассматривала на глянцевых страницах журналов, отчаянно завидуя, боясь признаться в этом даже себе самой?

Саша подняла глаза на Николку, еще не зная, ругать его или благодарить. И так и застыла, не в силах вымолвить ни слова: его взгляд, полный любви и нежности, разом унес в прошлое все ее страхи и комплексы. Унес навсегда.

Николка так и исчез с моего горизонта. Позвонил лишь раз, из Феодосии, прокричал нечто восторженно-благодарное: "Романлентинич, я ее люблю" и все... Через неделю пришла бандероль с фотографиями — Саша на фоне закатного моря, Саша в волнах прибоя, Саша сидит на песке...

Я купил в переходе альбом: долго выбирал, наконец, нашел подходящий — на глянцевой обложке расправляет шею грациозный белый лебедь. Теперь Сашины снимки живут в нем, места хватило, даже осталось чуть-чуть.

С тех пор о них я ничего не слышал. Только все чаще и чаще попадаются в модных журналах снимки Николая Ревича, и все громче звучит в модельном мире имя новой звезды — Александры Вороновой, подиумный псевдоним — Алекса.

А мне остается только гордиться тем, что именно я дал ей то, чего у нее не было, и вывел на свет из темного, давящего тупика собственных страхов. Дальше пусть идет сама, пусть ищет свое счастье. Да и Николка ее не оставит. Вдвоем они сильнее.

Но, все-таки иногда, стоит мне достать глянцевый альбомчик с царственным лебедем, почему-то сильно щемит сердце...

Может, возраст?

ШЕПОТ АНГЕЛОВ психологическая драма

США, 1 час 31 мин.

Режиссер ПИТЕР О'ФЭЛЛОН

В ролях: ВАНЕССА РЕДГРЭЙВ, РЭЙ ЛИ-ОТТА ("Сердцеедки"), КЭТРИН МАККОРМАК ("Шпионские игры")
"ГЕМИНИ ФИЛЬМ", ПУ № 221306203

Трудно оставаться равнодушным к судьбе 12-летнего Джеймса, на глазах которого погибла мать. Не успел парнишка хоть как-то смыкнуться с потерей, как отец приводит в дом другую, требуя называть ее мамой... И, наверное, бедный Джеймс совсем бы замкнулся в себе, если бы ни его соседка. Одиноко доживающая свой век мисс Бенетт, потерявшая и сына, и мужа — одного на войне, другого в экспедиции, как никто понимает мальчика. Горе сближает их, таких не похожих друг на друга, помогая вместе коротать одиночество. А "дневники" сына, написанные с горя самой себе матерью, помогают и Джеймсу многое понять о жизни и смерти...

УБИТЬ БИЛЛА боевик

США, 1 час 47 мин.

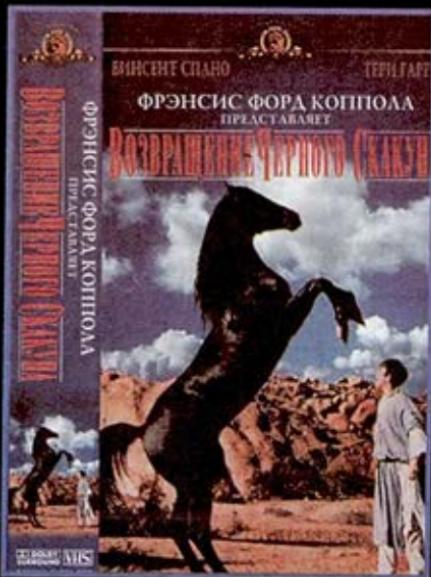
Автор сценария и режиссер КВЕНТИН ТАРАНТИНО

В ролях: УМА ТУРМАН ("Криминальное чтиво", ДЭВИД КЕРРАДАЙН ("Злые улицы"), ЛЮСИ ЛЬЮ, МАЙКЛ ПАРКС, ДЭРРИЛ ХАННА ("Танцы в Голубой Игуне") "ВЕСТ", ПУ № 12102003

"Убить Билла" — первый фильм дилогии, а значит, Билла убьют во втором, вышедшем на экраны летом, во время посещения режиссером Московского фестиваля. Ума Турман — любимая актриса Тарантино. После рождения сына она по-прежнему восхитительна и пластична. Ее героиня Черная Мамба — бывшая участница жестокой банды убийц "Смертоносные гадюки". Ее бывший любовник Билл во время бракосочетания с другим подсыпает к изменнице отморозков и те устраивают в церкви кровавую бойню... Красное — на белом, кровь на подвенечном платье... Невеста, получив пулю в голову, чудом выживает, проведя долгие четыре года в

коме. И теперь только безжалостная месть успокоит ее сердце...

с бедуинами лишь закаливает его стремление к победе...

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕРНОГО СКАКУНА приключения

США. 1 час 39 мин.

Режиссер РОБЕРТ ДАЛЬВА

В ролях: КЕЛЛИ РЕНО, ТЕРИ ГАРР, АЛЕН ГУРВИЦ

"ГЕМИНИ ФИЛЬМ", ПУ № 221014204

Этот фильм о приключениях тринадцатилетнего Алека Рэмси и его четвероногого друга — красавца-коня по имени Шайтан — со скачками, погонями, перестрелками и похищениями. Когда-то конь, специально выращенный для участия в конных состязаниях, принадлежал одному из племен Сахары, но он был похищен и попал к Алеку. Но прежние хозяева не смирились с потерей любимца и готовы теперь выкрасть его у мальчика — приближается время скачек. Но и Алек не собирается сдаваться. Пробравшись на самолет, он оказывается в безжизненных песках и принимает участие в скачках. А встреча

УБИЙЦА СРЕДИ НАС триллер

Великобритания-Индия, 2 часа 39 мин.

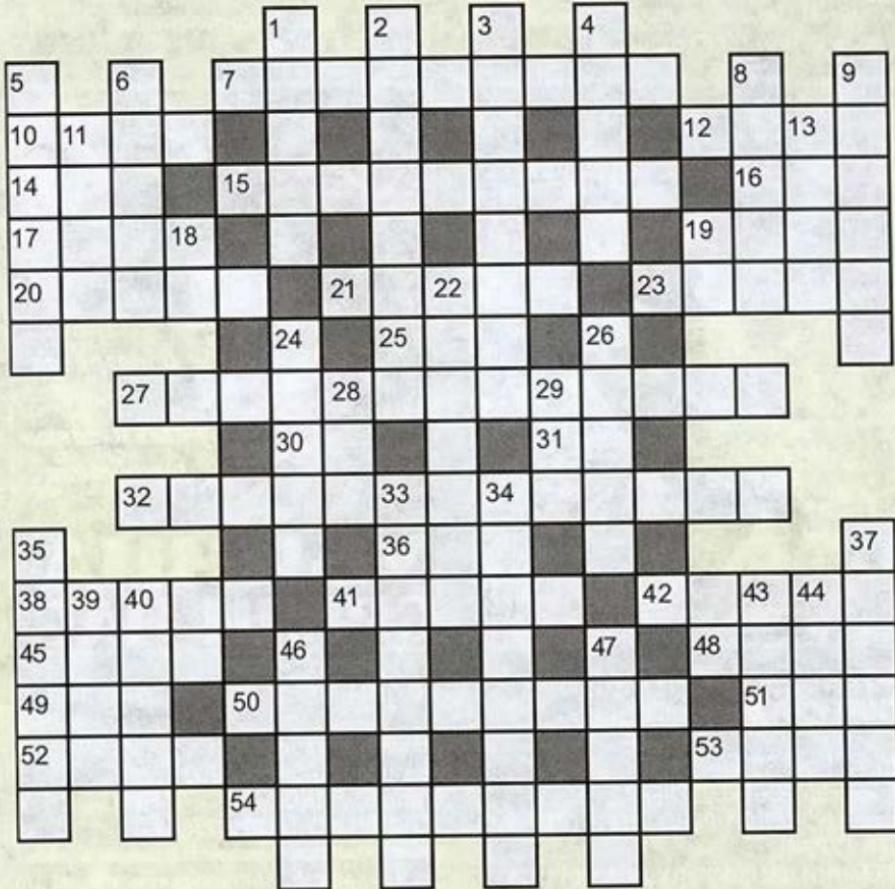
Режиссер ПАВАН С.КАУН

В ролях: ДИНО МОРЕА, ТАНИША
"СПАЙР", ПУ № 221027504

Как видно, голливудские лавры не дают покоя и индийским кинематографистам — уж больно их новый фильм "Убийца среди нас" смахивает на всемирноизвестные молодежные блокбастеры "Я знаю, что вы сделали прошлым летом" и "Крик". ...Красавицу Мекхек терроризирует кровожадный маньяк. Закутанный в черный балахон, с маской смеющегося клоуна на лице, он с огромным тесаком гоняется за бедняжкой, истребляя всех, кто ей дорог. Первыми жертвами психопата становятся старшая сестра и мать. Чтоб хоть как-то отвлечь девушку от страшных мыслей, друзья увозят ее на пустынный остров, выбрать с которого суждено не всем...

Видеогид Наталья Тендора

“Бульвар” — ВИДЕО

КРОССВОРД

По горизонтали. 7. Человек среднего достатка среди богачей. 10. Роман А. Франса. 12. Самый известный капитан-подводник. 14. Промышленный район Германии. 15. Описание чужой жизни. 16. Начинка шашки, способной снести голову и всаднику, и коню. 17. Абрикос, попавший вместе с изюмом и черносливом в компот. 19. Время хотя и точное, но часто растяжимое. 20. Разогревание страстей, гущающих атмосферу. 21. Зверь, анаграмма от слова "пират". 23. Снаружи — ставни, изнутри — ... 25. Победный крик, раскатистый, как гром. 27. Сельхозмашин, хорошо знакомая и с сеном, и с соломой. 30. Ъ. 31. Московский ресторан, ставший фольклорным. 32. Производительность труда. 36. Буква, играющая со школьниками в прятки на уроках алгебры. 38. Топливо, чаще других поливаемое кровью. 41. Муза любовной поэзии. 42. Острое орудие на паркетном полу. 45. Стимулятор лыжного скольжения. 48. Организация, впервые объединившая людей по интересам.

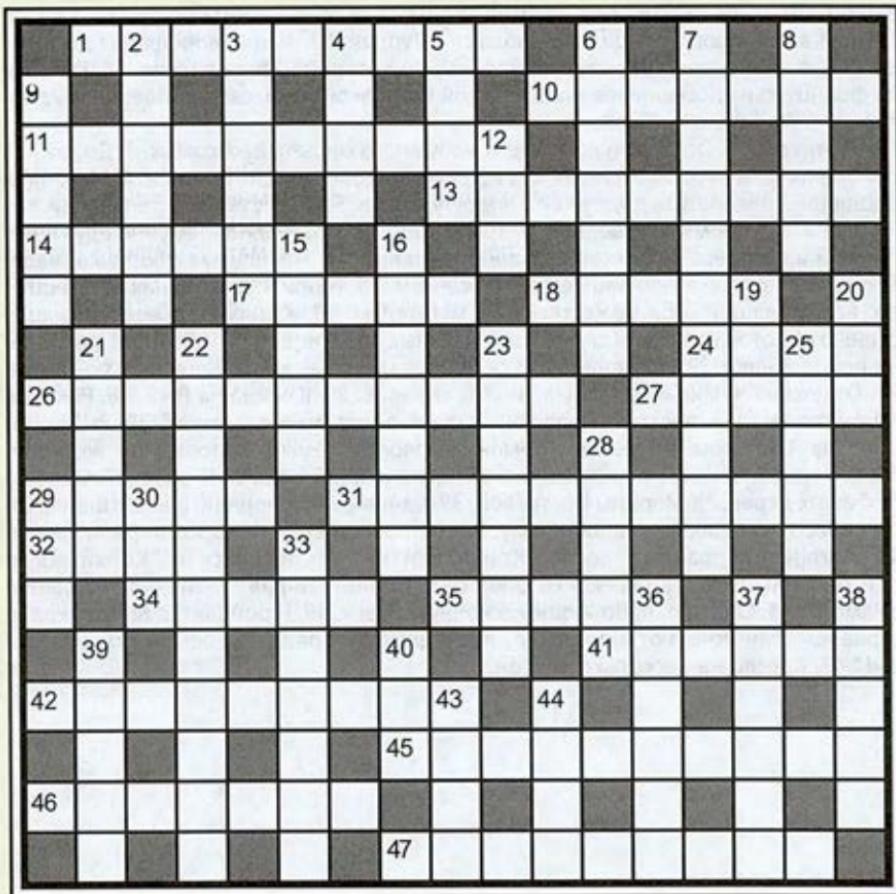
сам в Англии. 49. "Частичный" термин М. Фарадея. 50. Анафема по-русски. 51. Старинная армянская столица, оказавшаяся в Турции. 52. Жара, доводящая до изнеможения. 53. Нынешнее название страны, по которой назван персик. 54. Каждый из французских поборников классической политэкономии, самые известные из которых — Ф. Кене и А. Тюрго.

По вертикали. 1. Основной компонент наружного скелета насекомых. 2. Дорожная поперечина на русских заставах. 3. Система удостоверяющих органов. 4. Мужчина, решивший превратить подружку в подругу жизни. 5. Она есть как у балалайки, так и у души. 6. Угрюмый затворник. 8. Транспорт, где люди одновременно едут вниз, вверх и в стороны. 9. Русское название кентавра. 11. Невидимая оболочка, надеваемая на простака прохиндеем-экстрасенсом. 13. Герой в "Разбойниках" Шиллера, возомнивший себя божественным мстителем. 18. Культура, обеспечивавшая осенью работой советских студентов и научных работников. 19. "Вечное" растение на подоконнике. 22. Название на Руси проповеди, а также наставления, поучения. 24. Советский химик и металлург, знаток сплавов. 26. Юноша на Руси. 28. Римское божество смерти, доставлявшее тени людей в подземное царство. 29. Рыбацкий порт на Охотском море. 33. Гормон, вырабатываемый щитовидной железой. 34. Сильное душевное переживание. 35. Древнейший китайский злак. 37. Одно из любимых деревьев Марины Цветаевой. 39. Сановник-распорядитель высшей школы евреев, живших в древности в мусульманских странах. 40. Дрожь гриппознника. 43. Английский фантаст, после "Конца детства" пустившийся в "Космическую одиссею 2001 года", во время которой он у "Фонтанов рая" назначил "Свидание с Рамой". 44. Светило, работающее в ночную смену. 46. Герой (актер Б. Новиков) в сериале "Тени исчезают в полдень", любящий повторять: "Загремим под фанфары!" 47. Кресло на несколько персон.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали. 5. Резус. 8. Тавро. 10. Халва. 12. Зимовье. 13. Часовня. 14. Бернс. 16. Жаворонок. 17. Аквамарин. 20. Пентатоника. 23. Легар. 24. Анива. 25. Бегония. 26. Ирбис. 28. Прайд. 29. Образование. 34. Катехизис. 36. Гипербола. 37. "Кюхля". 38. Рассвет. 39. Эстонец. 40. Штаны. 41. Радио. 42. Щипка.

По вертикали. 1. Сенокос. 2. Бульдозер. 3. Таратайка. 4. Ермолай. 6. Малек. 7. Двина. 9. Финал. 11. Инжир. 14. Бортмеханик. 15. Скандинавия. 18. Утконос. 19. Вепрь. 20. Патио. 21. Антре. 22. Цвейг. 27. Сближение. 28. Писемский. 30. Набат. 31. Верстак. 32. "Яблочко". 33. Юлаев. 35. Сюита. 36. Глина.

Э Р У Д И Т

По горизонтали. 1. Воздушная величина. 10. Высший, по В. Белинскому, литературный трибунал (выходит, сейчас нет ничего выше ширпотреба Донцовой или Мариной). 11. Пристань, умеющая плавать. 13. Собака немецких мясников. 14. Азербайджанский поэт и художник, автор красивых композиций из цветов и птиц. 17. Русский врач, первым в 1880 году доказавший, что организму необходимы витамины. 18. Каждое из произведений древнего грека Дексамена-хиосца. 24. Бида-на, гермиан, сабза, хусайне, чилиги, шигани (общее название). 26. Изобретатель литографии. 27. Парень оторви и брось. 29. Тисненый рисунок на коже, особенно на юфти. 31. Первоначальное название рыцаря Мальтийского ордена. 32. Актер-трагик, друг Цицерона. 34. Поэт, которого С. Есенин возненавидел за "голубизну". 35. Имя первого в России графа Шереметева. 41. Игра, по которой называли кани-

тель, пустяковое дело. 42. Канцлер, 38 лет успешно балансировавший на шатких политических мостках Австрии. 45. Немецкий инженер, первым объяснивший, почему птицы летают. 46. Каждый из бродячих поэтов, сочинивших в средние века евангелие не "от св. Марка", а "от марки серебром". 47. Единственное крупное животное суши без языка.

По вертикали. 2. "Мозаика чувств, из которой нельзя выкинуть ни одного камушка" (А. Мариенгоф). 3. Тетрадь, в которую "душу изливал Онегин в дни свои младые". 4. Самый известный кабинет в вашингтонском Белом доме по форме. 5. Политический деятель и историк, по чьей инициативе на Вандомскую колонну поставили статую Наполеона. 6. Педант по-русски. 7. Графиня, мать Д. Бедного (по воспоминаниям И. Грекова). 8. Пеногон в романе "12 стульев". 9. Жертвенные тайны в гимнах Ригведы. 12. Вход для порчи (еще в начале XVIII века в Центральной России жених и невеста за свадебным столом молчали и ничего не пили и не ели). 15. Баскский барабан. 16. Англичанин, из чьей драматической поэмы "Город чумы" А. Пушкин перевел, переработав одну из сцен — "Пир во время чумы". 19. Египтянка в легенде Н. Лескова, чей прототип он нашел в сказании "О девице, сотворившей милость над хотевшим удавиться" из Пролога. 20. Финское племя, платившее до XIII века дань Руси. 21. Птичка, подвешивающая к тонкой ветви — обычно над водой — гнездо-колыбель. 22. Ирландский монах Дагес по отношению к книге (первый известный по имени). 23. Кандидат на приставку "экс". 25. Средневековое название города Тарту. 28. Родственник, которого застрелил Карагеоргий, вождь Первого сербского восстания против турок. 29. Градоначальник на модный у антипатриотов манер. 30. ...головы ищет (пословица). 33. Итальянский математик, нашедший способ решать уравнения четвертой степени. 36. Растение, выросшее из упавшего на землю зерна. 37. "Академик" и муж Лолиты во времена, когда он говорил России "Доброе утро". 38. Родное племя Гаутамы, ставшего Буддой. 39. В басне И. Крылова "Лев и Волк" царь зверей, терзая Волка, сказал ему о собачке: "Она еще глупа, а ты уж не ...!". 40. Глина, используемая крымчанами как минеральное мыло. 43. Английская писательница, заявившая: "Джентльмены и леди", "Перемена к лучшему" случится, если "Ночная птица" услышит "Немного пения и танцев". 44. Заморский фрукт, возбуждающий кошек сильнее валерьянки.

ОТВЕТЫ НА ЭРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали. 1. Хуанхэ. 7. Береза. 10. Консоме. 13. Лодовико. 14. Диадакал. 15. Вестерн. 16. Ферапонт. 17. Стыковка. 18. Икт. 23. Шквал. 28. Цвингли. 29. Юкариы. 30. Ринит. 31. Реторта. 32. Николка. 33. Знамя. 39. Али. 43. Гринберг. 45. Терпение. 47. Формула. 48. Эстафета. 49. Ревность. 50. Садница. 51. Посыть. 52. Катков. По вертикали. 2. Ухорез. 3. Ниобат. 4. Эквок. 5. Гностик. 6. Подеста. 7. Бедный. 8. Раскол. 9. Званка. 11. Океан. 12. Мирт. 19. Квинтал. 20. Мцыри. 21. Пихта. 22. Угорь. 23. Шира. 24. Лютня. 25. Чашка. 26. Жилле. 27. Выпас. 34. ...награда... 35. Митурич. 36. Престо. 37. Янтарь. 38. Гефест. 40. Аравак. 41. Лефорт. 42. Бистро. 44. Рота. 46. Елец.

Ольга Фомина "Я решил стать женщиной"

В конце июня в издательстве "Эксмо" вышла книжка Ольги Фоминой — "Я решил стать женщиной". Еще до публикации, разойдясь в "самиздате", рукопись на-делала много шума. Мало того, что Фомина не всегда лицеприятно отзывалась о некоторых своих клиентах, в книге она откровенно пишет о сложностях, с которыми сталкивается в нашей стране человек, желающий поменять пол.

Фомина прекрасно известна всем российским поп-звездам, политикам, актерам и супермоделям, ибо это — один из самых профессиональных российских фотографов. Большинство клиентов знают Фомину как Бориса. Однако не все в курсе, что не так давно Фомин сменил пол и теперь по паспорту он — Ольга Фомина.

О тайнах профессии, о причудах знаменитых клиентов и о книге с Ольгой беседовал наш корреспондент.

— Ольга, в вашей книге иногда звучат довольно резкие суждения о наших поп-звездах. Вы называете реальные фамилии... Не боитесь реакции клиентов?

— Нет. Если речь идет о не очень известных певицах, которых мало кто знает, мне кажется, не имеет смысла. А Бориса Моисеева под каким псевдонимом не прячь — все равно узнают.

— То есть вы готовы к возможным скандалам?

— Мы все взрослые люди. Борис неглупый человек. Не первый год на сцене. Он прекрасно понимает, что все, что о нем пишут, идет ему на пользу. А, кроме того, я готова ответить за каждую цитату, приведенную в книге. Ничего я не выдумала. Борис действительно пришел как-то ко мне в студию со своей свитой и стал мне рассказывать, какие у него красивые ноги и как в Париже этой весной снимали его ноги для рекламы женских колготок. Ну какой нормальный человек в это поверит? Свита его, понятное дело, заахала: "У тебя суперстройные ноги! Как у фотомодели прямо!" Мне как-то не верится, что довольно непривлекательные ноги Моисеева могут привлечь чье-то внимание... Но надо отдать Боре должное — у него хорошее чувство композиции. Он сам расставил всех участников съемки в кадре. У него было видение взаимосвязей деталей изображения в кадре. То, что он одарен — это безусловно.

— Кто-то из знаменитостей еще особо отличился на съемках?

— За все годы мне только два персонажа категорически не понравились — Ирина Салтыкова и Ксения Собчак.

— Насколько мне известно, вы снимали и Патриарха Алексия?

— Да. Он произвел впечатление абсолютно нормального человека. По идеи, я должна была к нему обращаться, как и все остальные — Ваше Святейшество. Но я так увлеклась процессом съемки, что называла его батюшкой. И что странно, ни он и никто другой меня ни разу не поправили.

— Кто еще среди ваших клиентов?

— Это слишком долго перечислять. Игорь Крутой, Кристина Орбакайте, Марина Хлебникова, Ирина Хакамада с Борисом Немцовым, Игорь Николаев, Валерий Меладзе. Если говорить о фирмах — то это Panasonic, Toyota, Toshiba, фабрика "Покров", — всех перечислять очень долго. Очень. Я слишком давно занимаюсь фотографией (смеется).

— Как давно вы решили написать книгу?

— Долгое время я вообще об этом не задумывалась. Вот снимать — хотелось. Это — родное. А бросаться в омут литературы было как-то страшно. Словом, относительно недавно все же решилась на этот отчаянный шаг.

— Если бы раньше в вашей жизни появилась подобная книга, вам это как-то помогло бы? Ободрило бы? Наоборот, расстроило? Хотели бы вы прочитать такую книгу раньше?

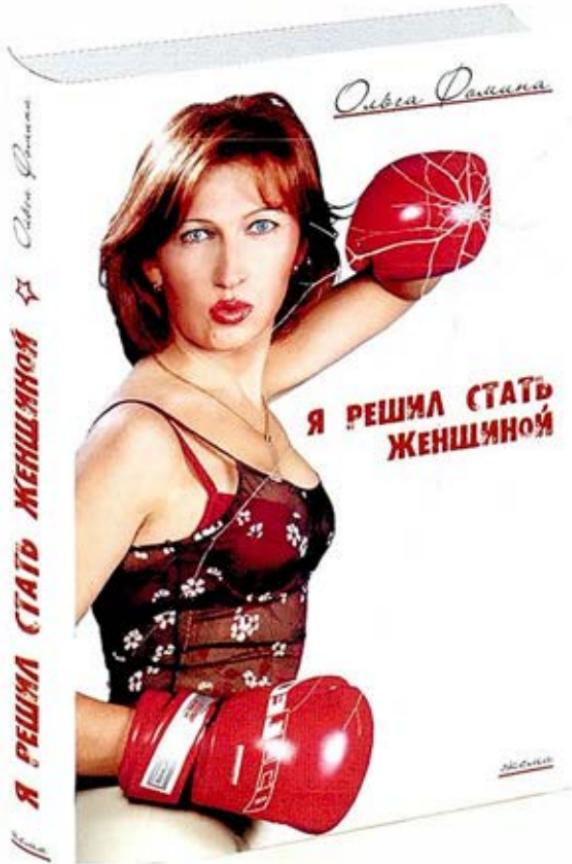
— Мне было бы интересно. Там есть хоть какая-то необходимая информация. Хотя готовым рецептом для начинающих транссексуалов ее назвать тоже нельзя. Она не об этом.

— А вы считаете, такой информации должно быть больше, она должна быть шире распространена?

— Нет, я не думаю. По статистике, транссексуалов — 1 чел. на 100 тыс. Это довольно узкая прослойка. Слишком пристальное внимание к подобным темам популяризирует их. Делает модным. Это тоже крайность.

— Как вы для себя определяете жанр своей книги? Что это: автобиография или философские рассуждения о смысле жизни?

— Нет. Философскими рассуждениями точно не назовешь. (Смеется). Я не задумывалась над определением жанра.

КАЧЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СЕГОДНЯ -
БЛЕСТИЩЕЕ БУДУЩЕЕ ЗАВТРА

Широкие возможности для обучения и развития

ЭТО КОМПЬЮТЕР «Ирбис»

на базе процессора Intel® Pentium® 4 с технологией Hyper-Threading

Компьютер
для обучения,
творчества
и развлечения

3 ГОДА
ГАРАНТИЯ

K-Systems Irbis на базе
процессора Intel® Pentium® 4
с технологией Hyper-Threading -
необходимый инструмент для
образования Вашего ребенка.
Выполнение домашних заданий,
подготовка рефератов, поиск
нужной информации.
Все - только на «отлично»!

Москва (095) 495-1167, 948-3650
С.-Петербург (812) 327-6556
www.k-systems.ru

Розничные продажи:

М.ВИДЕО (095) 777-777-5, М.И.Р (095) 780-0000,

ТЕХНОСИЛА (095) 777-8-777,

ЭЛЬДОРАДО (095) 5-000-000,

К-СИСТЕМС (095) 948-36-00 (доставка и установка)